

INSPIRIA

УБИЙЦА РЯДОМ СО МНОЙ

МОЙ ДРУГ –
СЕРИЙНЫЙ МАНЬЯК
ТЕД БАНДИ

ЭНН РУЛ

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

INSPIRIA

Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года

Энн Рул

**Убийца рядом со мной. Мой друг
– серийный маньяк Тед Банди**

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Рул Э.

Убийца рядом со мной. Мой друг – серийный маньяк Тед Банди
/ Э. Рул — «Эксмо», 2009 — (Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-116791-2

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР. ЛУЧШИЙ TRUE CRIME АВТОР ВСЕХ
ВРЕМЕН ПО ВЕРСИИ KIRKUS REVIEW. «Лучшая тру-крайм книга всех
времен». — TIME Тед Банди. «Харизматичный убийца» с очаровательной
улыбкой, «суперзвезда» среди маньяков. На его счету больше 30 доказанных
убийств, хотя есть основания считать, что настоящее число переваливает
за сотню. В 1970-х Банди был национальной знаменитостью: трансляции
судебных процессов по его делам смотрели всей Америкой, а женщины
признавались ему в любви и ночевали у зала суда, чтобы занять места рядом
с самым красивым обвиняемым. Как получилось так, что обаятельный
и успешный студент юридического факультета, которому прочили
головокружительную карьеру, стал разъезжать на машине и заманивать в нее
юных девушек, безжалостно убивать и расчленять их? Эта книга — подробная
хроника его жизни и его преступлений, его двойной жизни и непреодолимого
желания убивать. Годами писательница Энн Рул, не в силах противиться
манипуляторским чарам Банди, поддерживала с ним связь, писала и навещала
его в тюрьме, приезжала на суды. Результатом этой дружбы стала книга,
которая считается «лучшей тру-крайм книгой всех времен», а личность Теда
Банди, неразгаданная и непревзойденная даже спустя сорок лет, будоражит
умы криминалистов и продолжает оставаться источником вдохновения в
массовой культуре. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116791-2

© Рул Э., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Предисловие автора	8
Предисловие автора	17
Предисловие автора	20
Вступление	23
Глава 1	25
Глава 2	28
Глава 3	34
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	67
Глава 10	75
Глава 11	80
Глава 12	85
Глава 12	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Энн Рул
Убийца рядом со мной
Мой друг – серийный маньяк Тед Банди

Anne Rule

THE STRANGER BESIDE ME:

THE SHOCKING INSIDE STORY OF SERIAL KILLER TED BUNDY

© 1980, 1989 by Ann Rule

Afterword © 1986 by Ann Rule

20th Anniversary Afterword © 2000 by Ann Rule

The Final Chapter? © 2009 by Ann Rule

Серия «Tok. True Crime Story. Главный документальный триллер года)»

© Мордашев Е.А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Терзая сатану, чем дольше он
На счастье недостижное глядел;
Наисильнейшей злобой распалясь,
Намереньям губительным успех
Суля, в себе он ярость горячил:
«Мечты, куда вы завели! Каким
Обманом сладким охмеленный, мог
Забывать – зачем я здесь! Нет, не любовь,
А ненависть, не чаянье сменить
На Рай – геенну привлекли сюда,
Но жажда разрушенья всех услад,
За вычетом услады разрушенья;
Мне в остальном – отказано».*

*Джон Мильтон,
«Потерянный рай»*

Предисловие автора

Часть первая

2008 год

Снова писать о Теодоре Роберте Банди я не помышляла. Когда 37 лет назад я с ним познакомилась, он не был ни известен, ни печально известен, и хоть уже двадцать лет как он мертв, новые поколения продолжают им интересоваться. К первой своей опубликованной книге «Убийца рядом со мной» я уже написала «Эпилог», «Послесловие», «Последнюю главу», и «Двадцать лет спустя», но история Теда, похоже, не закончится никогда. Эту книгу мне, видимо, суждено дописывать еще долгие годы.

Часть добавленной мной в оригинальную книгу информации оказалась неверной – молвой и слухами, на которые клюнули большинство экспертов по Банди, – и мне хочется это исправить. У единственного палача, включившего рубильник электрического стула в Старке, штат Флорида, не было ни маски, ни подведенных тушью густых ресниц. Это часть легенды о Теде.

В этой, совершенно новой, главе я привожу слова очевидца смерти Теда Банди, рассеивающие все заблуждения.

О Теде продолжает появляться новая информация. Продолжают объявляться «почти жертвы». Часто мне хочется все оставить и покончить с воспоминаниями о Теде. Признаюсь, с написанием этой главы я тоже медлила. Почему?

Тед Банди все еще преследует меня.

Увенчайся успехом его отчаянная борьба за спасение собственной жизни после стольких жизней, отнятых им, Тед еще сидел бы за тюремной решеткой и был бы уже стариком – шестьдесят два года. Моей внучке сегодня столько же, сколько мне при первой встрече с ним, а я сама уже прабабушка. Кэрол Энн Бун, дочери Теда от его тогдашней жены, двадцать шесть лет. Считающему Теда отцом ребенку Мег Андерс скоро сорок.

Убитым Тедом молодым женщинам сегодня было бы за пятьдесят. От пятидесяти до шестидесяти – жертвам, спасшимся от него в последний момент. А сколько было их всего, никто и никогда не узнает.

Время неумолимо бежит без Теда Банди. Но невозможно стереть множество оставленных им шрамов, ночных кошмаров и воспоминаний.

Таким красивым, блестящим или харизматичным, каким его рисует криминальный фольклор, Тед никогда не был. Но, как я уже говорила, позорную славу он обрел. Полное ничтожество, пока его не заподозрили в серии ужасных преступлений, он прославился стараниями СМИ. Прошедшие десятилетия вознесли – или низвергли – Теда до уровня Леопольда и Лёба¹, Альберта де Сальво², Уильяма Хайренса³, Чарльза Мэнсона и, возможно, еще дюжины других убийц, убивавших ради убийства.

Я всегда считала, что со временем, в особенности после казни Банди, его постепенно забудут. Вместо этого он превратился едва ли не в миф.

¹ Натан Фрейденталь Леопольд и Ричард Альберт Лёб – американские студенты, которые совершили в 1924 году так называемое «преступление столетия»: похитили и убили четырнадцатилетнего Бобби Фрэнкса.

² Альберт де Сальво – американский серийный убийца, вошедший в историю мировой криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель».

³ Уильям Хайренс – американский серийный убийца, также известный как «Помадный убийца», получивший свое прозвище за странное послание, написанное красной помадой в доме одной из жертв.

Как автору бульварных журналов, жаждущему написать книгу, мне надо быть благодарной за то, что я оказалась ближайшим очевидцем чудовищного сценария, в котором Тед Банди, по выражению одного периодического издания, выступал «гламурным мальчиком смертоубийства».

Но я не испытываю благодарности. Я предпочла бы никогда не написать собственной книги, тем более двадцати девяти книг, лишь бы были живы жертвы Теда. Его преступления изменили мою жизнь и открыли мне путь к первому договору на книгу, но по-человечески мне хотелось бы вернуться и стереть его самого и прорубленную им по Америке смертоносную просеку. Будь это в моих силах. По прошествии стольких лет порой даже кажется, что Тед Банди и десятки жертв его были лишь плодом моего воображения.

По иронии судьбы сорок лет спустя публика часто воображает Теда красивым и дерзким преступником. В особенности молодые женщины, нынешние ровесницы его жертв семидесятых.

Я не удивляюсь все новым письмам и электронным письмам от очарованных Тедом Банди двадцатилетних. Тридцать лет назад я видела, как у зала суда в Майами, Флорида, местные девушки бились за места прямо позади стола его защиты.

Они ахали и задыхались от восторга, когда Тед оборачивался на них посмотреть. Он наслаждался их реакцией. Во время первого процесса в Майами он управлял ситуацией – или считал, что управляет.

Почему-то больше всего писем я получаю из Италии, где женщины «любят» Теда и оплакивают его. Письма о нем мне приходили из всех штатов, а также из Франции, Швеции, Голландии, Германии и даже из Зимбабве и Китая. Он сделался американским Джеком-потрошителем, невыдуманным Дракулой, маньяком, чей дух воспарил над рядовыми убийцами. И при этом он извращенно привлекал одиноких женщин.

Возможно, в этом виновата и я: не я ли описала «хорошую» сторону Теда, ту, которую видела в первые три года нашего ближайшего знакомства? Тогда он казался добрым, внимательным и честным, и я не осознавала опасности – не для себя, а для симпатичных молодых женщин, привлекавших его в качестве жертв. Мне хотелось предупредить читательниц о том, что зло иногда является в красивой оболочке. Мне хотелось спасти их от бродящих в поисках жертв садистических социопатов.

Оглядываясь назад, я понимаю, насколько была наивна. Я даже понимаю, насколько наивной я в каком-то смысле остаюсь. Я все еще хочу спасти жизни женщин, но для меня имеет значение еще кое-что.

В 1980 году я плохо осознавала разницу между психически больным и психопатом. В первом издании этой книги я писала, что, убивая всех этих молодых женщин, Тед явно был психически ненормальным. Я действительно думала, что Тед попросту сумасшедший, и писала, что его нужно отправить в психиатрическую больницу.

И я была неправа. Как минимум я понимала, что с его психопатией он *никогда* не должен выйти в общество. Но это все, что я могу сказать в свое оправдание. Мне не стыдно, что я ошиблась с диагнозом. Так же ошиблись многие беседовавшие с Тедом психологи и психиатры.

Тед не был сумасшедшим. У него, несомненно, был ряд психопатических расстройств личности – явно нарциссических, пограничных и социопатических. Одна психолог несколько раз меняла диагноз Теда Банди, от биполярного до диссоциативного расстройства. Ни с одним из этих двух диагнозов я никогда не соглашусь. Все попытки охарактеризовать его и его поступки никуда не годились – элементарная подгонка в неверные рамки.

Тед, по-моему, был садистом и социопатом, наслаждавшимся болью жертвы и ощущением власти над ней в момент и даже после ее смерти. Ребенком, подростком, молодым человеком, он не чувствовал себя полновластным хозяином собственной жизни. На страшную стезю он встал в поисках власти и контроля.

И ценил он лишь себя.

Страдающий от диссоциативного расстройства понимает разницу между правильным и неправильным. Но она для него неважна, поскольку он – особенный и заслуживает иметь и делать то, что пожелает. Он – центр мира. Все остальные – ничтожные куклы. И по закону, и с медицинской точки зрения сумасшедший – тот, кто этой разницы не осознает, а потому не может отвечать за свои поступки, сколь бы шокирующими они ни были.

Вначале я думала, что наверняка испытывавший чувство вины Тед однажды признается. Но чувства вины он никогда не испытывал. Испытывать вину он был неспособен.

Только чувство самосохранения.

И было в Тед Банди нечто, настолько испугавшее некоторых женщин, что они ушли от него в последнюю минуту. Они настолько рано «учуяли» опасность, что закричали, начали отбиваться или убежали. Долгие годы о встречах с ним они даже говорить не могли. Страх отодвинулся только с наступлением зрелости, когда Тед был давно мертв, и лишь после этого они наконец со мной связались.

Сначала большинство из них боялись читать эту книгу, чтобы не найти подтверждения, что подходивший к ним, выбравший их – действительно был он. Это пугающе близко подвело их к разрушительному переходу за тонкую грань небытия. Так выживший в страшной аварии не хочет о ней вспоминать, пока память о ней не отойдет далеко в прошлое.

Я попросила у некоторых, едва не ставшими жертвами Банди, женщин разрешения включить их рассказы в эту новую главу, и они ответили согласием – при условии, что я не назову их настоящие имена. Это мне понятно.

Я прочла более сотни писем с описаниями происшествий и сначала выбрала лишь те, где, по-моему, действительно имели место столкновения с Тедом Банди. Только для этого мне пришлось размышлять над пугающими воспоминаниями, иначе пришлось бы писать другую книгу.

Первое воспоминание пришло от женщины средних лет, мучимой чувством вины и сожаления, поскольку в глубине души ей казалось, что в июне 1974 года жертвой Теда должна была стать не Джорджанна Хокинс, а она. Хуже того, парализованная ужасом, она видела, как он подцепил Джорджанну и заманил в свою машину на неминуемую смерть.

Женщину звали Кейтлин Монтгомери. В середине семидесятых она училась на курсах медсестер в Вашингтонском университете. Она жила в цокольном этаже общежития, стоявшего на противоположной стороне переулка, по которому 10 июня 1974 года шла Джорджанна. Кейтлин прислала мне свою фотографию той поры, где она похожа на Стефани Брукс^{*4} почти как зеркальное отражение. Стефани предложение Тед сделал только, чтобы ее бросить в отместку за то, что она когда-то бросила его.

«Кто-то подсматривал за нами в окна, – вспоминала Кейтлин, – и я увидела в нашем квартале парня на костылях. Я чувствовала, что он следил за мной. По тому переулку я фактически прошла всего за пару минут до Джорджанны Хокинс. Было темно, я испугалась, прибежала к дому изо всех сил и заперла за собой двери. Потом я выключила свет, выглянула в переулок и увидела девушку. Позже я узнала, что это была Джорджанна».

Кейтлин услышала вскрик удивления или страха. Она видела, как к блондинке подошел мужчина на костылях и сказал несколько слов, – их Кейтлин не расслышала, – а потом схватил ее за руку. Кейтлин не знала, добровольно пошла за ним та девушка или нет, но сама она испугалась и подумала, что он тащил Джорджанну по переулку насильно.

«Мне следовало попытаться ей помочь, – писала она. – Следовало кому-нибудь позвонить. Возможно, в полицию. Но я слишком боялась. Я просто смотрела. И с тех пор я об этом жалею...»

⁴ Все имена, отмеченные звездочкой, являются псевдонимами. (Прим. авт.)

Кейтлин Монтгомери была стройной брюнеткой, именно того типа, который Тед Банди раз за разом выбирал в качестве жертвы. Джорджанна была блондинкой. Обе очень привлекательные. Не знаю, намечал ли Тед жертвой Кейтлин с самого начала. Знал об этом только он, но, разумеется, рассказать об этом он уже не сможет.

В семидесятые университетский округ оставался районом четко очерченным, как в пору, когда десятью годами ранее старший курс по специальности «писательское мастерство» оканчивала я. С востока на запад за кампусом шла 45-я улица, а с севера на юг – Университетская улица, прозванная «Авеню». На нескольких улицах севернее кампуса стояли дома греческой системы студенческих братств, и Тед обычно жил на западной стороне Авеню. Почти от каждой северной и южной улицы в глубь квартала шел переулок.

По моей оценке, Тед бродил с 41-й до 65-й улицы и по обе стороны Авеню. Мне трудно сосчитать, сколько женщин в возрасте до двадцати или чуть за двадцать рассказывали мне о симпатичном мужчине в «Фольксвагене-жук», который настойчиво предлагал им прокатиться с ним в этот район. Когда они отказывались, он впадал в жуткую ярость.

Но некоторые встречи заканчивались куда жестче. Ниже приведено электронное письмо, полученное мной в июле 2008 года (опять же, у меня есть разрешение автора на его публикацию под псевдонимом). Как ни странно, несколькими годами ранее я одно лето жила в том же самом многоквартирном доме, что и эта женщина. Дом был в одном квартале к западу и параллельно Университетской улице. Одри* пишет:

«Мне 53 года, я выпускница Вашингтонского университета и с 1973 по 1977 год жила в многоквартирном доме «Бруклин». Я пролистывала свежий номер журнала Вашингтонского университета и наткнулась на краткую информацию о вас, в которой упоминалась ваша книга».

Одри никогда обо мне не слышала, но она знала о преступлениях Теда Банди, о его казни и читала статьи в местных газетах на Среднем Западе, куда переехала после выпуска. Она решила прочитать мою книгу двадцать восемь лет спустя после ее первой публикации.

«Только дочитав вашу книгу до девяносто восьмой страницы, я поняла, насколько это дело, возможно, касается лично меня. Вы упомянули адрес, по которому проживал Тед во время убийств в районе Сиэтла. До меня впервые дошло, что моя квартира была менее чем в квартале от меблированных комнат, где жил он.

Однажды вечером (году в 1973–1974-м), моя соседка по квартире, привлекательная брюнетка, и я, длинноволосая блондинка с прямым пробором, решили побаловать себя ужином в ресторане «Горацио». Она сдала на «отлично» последний экзамен в школе медсестер, и мы нарядились, чтобы пойти и отпраздновать. За мной закрепили странное парковочное место в жилом комплексе, до которого надо было пройти по переулку. Когда мы спускались по лестнице с третьего этажа, уже смеркалось, а выйдя в переулок, я вспомнила, что забыла очки для вождения в ночное время. Я велела ей подождать, а сама побежала назад за ними. Взяла.

Я спустилась во двор жилого комплекса, повернула за угол в переулок и увидела, как соседка пытается вырваться из рук державшего ее стальным захватом за шею мужчины.

Я замерла, а потом издала гортанный крик, который с тех пор мне ни разу не удалось повторить. Крик настолько первобытный и отчаянный, что позднее несколько парней, находившихся в паре кварталов от нас, сказали нам, что, услышав его, они поняли, что что-то не так. Затем мужчина отпустил подругу и побежал по направлению к 12-й авеню через освещенное заднее крыльцо дома. Добравшись до крыльца, он обернулся и посмотрел на нас.

Эти глаза и этот взгляд я не забуду, пока жива. Тогда я испытала только ужас и даже не подумала, что это мог быть Тед. Не знаю, почему я не сообразила сразу, скажу лишь, что тогда я еще не читала о нем в газетах.

А буквально пару дней спустя сообщили об исчезновении Джорджанны Хокинс».

В вечер похищения Одри с соседкой позвонили своим парням, те приехали за ними и развезли их по домам. Жених Одри, доцент Вашингтонского университета, призывал ее сооб-

щить о происшествии властям. Однако она не сообщила, полагая, что на самом деле не произошло никакого преступления.

«Я была молода и наивна».

Удивительно, но Одри – жившая в ту пору в Калифорнии – вспомнила, как в день казни Теда ранним январским утром 1989 года вдруг очнулась от глубокого сна и села в кровати в тот самый миг, когда умер Тед.

Это Тед увидел красивую брюнетку, ее соседку, одну в темноте?

Думаю, да.

Одри написала мне еще раз. Я ответила ей, что моей главной целью было предупредить женщин об опасности в надежде спасти их жизни благодаря советам или предостережениям, написанным в моих книгах.

«Как раз прошлой ночью, – писала она, – я видела, как какой-то парень следил, как я иду на занятия по пилатесу, и когда я выходила с них, он все еще прятался. Поэтому я вернулась и позвонила в полицию, попросив охрану сопроводить меня при выходе из здания. Он ушел прежде, чем приехали полицейские, но, не прочти я вашу книгу, я даже в пятьдесят три года не поняла бы, что именно *такова* должна быть тактика действий с этими придурками».

В 1998 году мне написала женщина по имени Мэрилин. В 1974 году она тоже жила в окрестностях Сиэтла и однажды вечером в начале лета ехала по автостраде I-5 на север на собрание соработников в больнице в Нортгейте.

«Я свернула с автострады на один съезд раньше, – вспоминала она, – и попыталась вернуться. Однако обнаружила лишь знак с надписью «ТОЛЬКО ВАНКУВЕР Б. К.»⁵. Тут-то я и заметила позади свет фар «Фольксвагена-жук». Растерявшись, я свернула не на запад к шоссе, а на восток на 65-ю улицу. Я продолжала ехать по улицам в поисках указателей выезда на шоссе, но просто петляла по кругу. На собрание я уже опаздывала, очень нервничала, а улицы становились все уже и уже.

«Фольксваген» продолжал меня преследовать, и я испугалась. Сидевший за его рулем парень не мог плутать, как я. За последним поворотом вообще ждал тупик – надо было возвращаться. Я доехала туда, где среди сорняков кончался асфальт, и остановилась. Парень в «Фольксвагене» припарковался позади меня».

Мэрилин написала, что быстро заперла двери, но мужчина – с волнистыми каштановыми волосами – все равно дергал дверную ручку, гневно смотря на нее через боковое водительское окно.

«В этот миг сзади подъехала машина, полная ребят-старшекласников. Именно они спасли мне жизнь. Разъяренный парень побежал к своей машине, заставил их дать задний ход, а сам развернулся и пропал. Дети вывели меня на автостраду».

Это был Тед Банди. Я узнала его глаза, когда несколько месяцев спустя увидела его фотографию в «Сиэтл таймс»».

10 августа 2007 года я также получила электронное письмо от 52-летней женщины, выросшей в столице нашего штата Вашингтона, Олимпии. С весны 1974 года Тед несколько месяцев работал в Олимпии в Департаменте чрезвычайных служб штата.

Беттина написала, что, ей кажется, в начале семидесятых она дважды встречалась с Тедом Банди.

«В первый раз я была старшекласницей в Олимпии, – писала она, – прогуливала уроки и шла домой из школы в районе озера Кэпитол. Я жила в западной части Олимпии на полпути до Харрисон-Хилл. День был солнечный, я почти обошла озеро, когда ко мне подъехал «Фольксваген-жук». Сидевший в нем мужчина спросил, не хочу ли я прокатиться (в те дни я носила длинные волосы с пробором посередине). Я согласилась и села в машину. Воспомина-

⁵ Б.К. – сокращенно «Британская Колумбия».

ния у меня остались очень смутные, потому что я была стеснительна и практически на него не смотрела. Лишь искоса.

Тем не менее помню, что волосы у него были короткие и темно-каштановые. Цвет «Жука» я запомнила, но кажется, светлый. Он спросил меня, в каком колледже я учусь, и помню, мне польстило, что он принял меня за студентку. Я ответила, что я еще не студентка, а старшеклассница. Он посадил меня, где я попросила, и на этом все».

Но этот мужчина узнал, где Беттина живет.

Во второй раз Беттина встретила его полтора года спустя. «Я уже окончила школу и арендовала дом на Франклин-стрит в центре Олимпии. У меня все еще были длинные волосы и пробор посередине. Как-то очень поздно ночью меня разбудил стук в дверь. В двери было окно, и я увидела, что на крыльце стоял полицейский. Помню, прежде чем открыть дверь, я посмотрела на улицу, и мне показалось странным, что нигде не видно полицейской машины. Но я все равно открыла дверь и выглянула в поисках машины, которой там не было.

У меня была маленькая собачка, которая громко залаяла при виде него. «Полицейский» сказал, что в мой дом зашла сбегавшая девушка с длинными волосами и что ему сообщили соседи (хотя напротив меня ни одного дома, только огромная парковка перед церковью), неопределенным жестом указав куда-то через улицу.

Волосы у меня были накручены на бигуди и скрыты под специальным капором, и я ответила: «Ну, у меня длинные волосы, но я не беглянка – я здесь живу». Он настойчиво продолжал рассказывать про беглянку, про длинные волосы, но моя собачка продолжала сходить с ума, и мне просто захотелось закончить весь этот разговор. Я сказала, что он ошибся, и закрыла дверь. Отъезжающей полицейской машины я так и не увидела. Это было странно».

Беттина написала, что долгие годы не вспоминала оба эти случая, пока не прочла статью о Тед Банди с его фотографиями.

«О боже, – прознесла я. – И до меня дошло, что из школы домой меня подвез Тед Банди. Не сомневаюсь, именно так и было. И я вспомнила ночной инцидент с «полицейским» без машины и поняла, что это тоже был он. Он явно за мной следил.

Это было так давно, что не стало для меня потрясением, но я подумала, не будь у меня в волосах бигуди или не залейся собака бешеным лаем, все могло сложиться иначе – и я могла бы стать еще одним именем в его списке».

Мне продолжают приходить электронные письма от женщин, в семидесятые живших в штате Вашингтон. Еще больше их я получу после выхода этого обновленного издания. Некоторые женщины примут за Банди напугавшего их мужчину ошибочно. Как правило, эти письма мне удастся отсеять по указанным в них датам и местам. Пишут мне и читательницы с буйным воображением. Такое я тоже обычно замечаю. Однако в корреспонденции будет и немало описаний действительных происшествий.

Не вызывает у меня сомнений и воспоминания женщины, в 1974 году студентки колледжа в Солт-Лейк-Сити. В город мормонов Тед переехал из Сиэтла для поступления в юридическую школу. Тереза с еще несколькими студентками арендовала большой дом, похожий на тот, что снимала близ Вашингтонского университета Линда Энн Хили, пропавшая в январе того же года.

«Той осенью мы заметили вуайериста, подглядывавшего за нами в окна, – писала Тереза. – Сначала нам только казалось, что кто-то подсматривает, а потом мы увидели его за окном внизу. Мы поняли, что как минимум некоторое время кто-то находился в гараже».

Когда Тереза и ее соседки по дому в конце концов увидели подсматривающего мужчину, стоявшего в темноте за кустами, все они запомнили черты его лица.

«Полиции не удалось найти ничего, что помогло бы его опознать, – вспоминала она. – Нам сказали быть очень осторожными и запирайте двери. Но когда в ноябре похолодало, мы слышали звуки, идущие из подвала. Хуже всего было в то утро, когда мы обнаружили, что

кто-то испражнился прямо под окном, через которое парень за нами подглядывал. Но после этого он ушел и не вернулся».

Когда летом 1975 года детективы округа Солт-Лейк арестовали Теда Банди, его фотографию поместили в газетах от Солт-Лейк-Сити до Сиэтла. Тереза с подругами его узнали. Этого мужчину они видели в окне, он оставил в подвале пустые консервные банки из-под тунца, и наверняка именно он испражнился у них во дворе.

За эти годы я получила много писем и электронных писем из Юты. Были у меня и сообщения из куда более отдаленных районов. Учитывая, что Тед Банди часто путешествовал по Америке и Канаде, некоторые воспоминания тридцатилетней и большей давности вполне могут быть правдой, независимо от того, откуда они пришли. Известно, что Тед ездил в Новую Англию, Пенсильванию, Мичиган, Чикаго. Он путешествовал по всему Восточному побережью, бывал в Орегоне, Калифорнии, Айдахо, Колорадо, Юте, Джорджии и других штатах. Иногда его поездки были связаны с участием в кампаниях Республиканской партии. Иногда носили частный характер.

Я никогда не отвергаю письмо только потому, что оно пришло с другого конца страны, – я знаю, что в тот или иной момент Тед Банди вполне мог там быть.

В апреле 2007 года я получила электронное письмо от женщины по имени Шивон. Содержание его мало отличалось от массы получаемой мной корреспонденции «Видевшие Банди», но Шивон живет в Нью-Джерси.

«В семидесятых мне было шестнадцать, – писала она. – Я жила в Линдене, Нью-Джерси. От автострады № 1 до Вуд-авеню я ездила на 44-м автобусе. Работала я в магазине проката свадебной одежды. Только прочтя вашу книгу, я поняла, что каталась с Тедом Банди. Шел проливной дождь, зонт у меня вывернуло наизнанку, и я промокла насквозь. Загорелся красный, остановился «Фольксваген» золотого цвета, и водитель опустил стекло. За рулем сидел красивый хорошо одетый мужчина. Он сказал мне: «Садись! Ты промокла. Все хорошо».

Я была осторожна и обычно так не поступала, но в тот раз я промокла и мне было холодно. У меня мелькнула мысль: «Странно, такой милый, хорошо одетый мужчина. Такому бы сидеть за рулем «Линкольна» или чего-то в этом роде».

Я села в машину и попросила: «Поверните налево на светофоре». Он повернул. Я сказала: «Когда доедем до Вуд-авеню, поверните направо». Когда мы доехали до Вуд-авеню, он повернул налево. У меня внутри все задрожало. Я поняла, что мужчина знал этот район. Он поехал по 16-й улице. Это был неблагополучный район, вы понимаете, о чем я. Там был парк, где он остановился. Едва он остановился, я ткнула его зонтиком, крикнула «Чтоб тебя!» и выскочила. Мне пришлось долго возвращаться до автострады № 1 по району, который меня тоже испугал. И дождь лил как из ведра.

Годы спустя я увидела фотографии Теда Банди. Я точно знаю, что это был он. Я рассказала паре знакомых. Возможно, они мне поверили. Или подумали, что я ненормальная. Мне просто хотелось с вами поделиться. Мои дочери смеются и говорят: «Мама сбежала от Теда Банди!» Но я искренне верю, что так и было».

Шивон точно знает, что это было не зимой, но не помнит 1974-го или 1975 года. Правда ли она, считая, что сбежала от Теда Банди? Не знаю. Для Теда эти годы были очень «деловые», и мне не удалось отследить все его остановки в поездках по Восточному побережью.

Думаю, что Шивон встретила не Теда, однако утверждать не берусь.

Еще одно электронное письмо с Восточного побережья тоже вызывает сомнение, но может быть правдой.

Задолго до моей встречи с Тедом Банди он активно работал в Республиканской партии, что облегчало ему путешествия. Летом 1968 года он отправился в Майами, штат Флорида, в поездку, полученную в награду за участие в предвыборной кампании Нельсона Рокфеллера. Летом он также проходил интенсивный курс китайского в Стэнфордском университете в Пало-

Альто, штат Калифорния. К осени 1968 года он стал водителем и телохранителем Арта Флетчера, кандидата на должность вице-губернатора штата Вашингтон. В начале 1969 года Тед снова вернулся на Восточное побережье в попытке отследить семейные корни – эта поездка, как я уже писала, привела его в Берлингтон, Вермонт и Филадельфию. Был ли Тед в штате Нью-Йорк в 1968 или 1969 году? В таком случае Барбара, вполне возможно, встретила именно его.

«Мы с сестрой считаем, что познакомились с Тедом Банди в центральной части Нью-Йорка летом 1968 года. В тот день мы пошли на пикник в парке штата. Тогда мы обе были подростками с длинными прямыми волосами с пробором посередине. Знакомясь с нами, он сказал, что он гонщик и у него сломана нога. Ездил он на «Фольксвагене». Выросли мы возле автодрома Уоткинс-Глен, и наша семья очень интересовалась автогонками. Он попросил меня принести ему немного еды, для чего мне пришлось бы оставить младшую сестру с ним наедине. Я отказалась.

К тому месту, где мы сидели, подошел отец и отправил его своей дорогой. Отец велел нам пойти и найти мать, а ему сказал пару резких слов, которые отказался с нами обсуждать. В тот вечер у нас был долгий разговор.

В начале восьмидесятых сестра позвонила мне из своего офиса и спросила, видела ли я газету. Я купила номер и ей перезвонила. Мы сразу его узнали. Я не знала, подкатывал ли Тед Банди к молодым девушкам в то время. После этого случая я стала гораздо осмотрительнее и дочерей и племянницу воспитала так, чтобы быть осторожнее с незнакомцами – в особенности *привлекательными* незнакомцами.

Мы всегда об этом помнили и были благодарны отцу за присмотр. (В моей семье пять девочек. Ему явно приходилось несладко!)

Да, возможно – даже скорее всего – Тед побывал в Уоткинс-Глен, штат Нью-Йорк, по дороге в Берлингтон, штат Вермонт. Но это было весной 1969 года. Память может изменить, и четыре десятилетия спустя точно вспомнить год порой бывает непросто.

Думаю, Барбара и ее сестра, тогда еще подростки, скорее всего, встречались с Тедом Банди.

Когда я пишу эти воспоминания о выживших женщинах, я надеюсь, что читательницы будут внимательны и поймут, почему они выжили.

Они кричали.

Они сражались.

Они захлопнули перед лицом незнакомца дверь.

Они бежали.

Они усомнились в складных рассказах.

Они заметили в этих рассказах нестыковки.

Им повезло, что кто-то подошел и спас их.

Много лет назад на конференции по предотвращению изнасилований в Теннесси я слышала подлинную историю, которую никогда не забуду. Она не о Тед Банди, но касается и его. На конференции присутствовали оперативники, арестовавшие мужчину за изнасилование и убийство нескольких молодых женщин, и тот в конце концов признался. Они передали его признание.

Ему удалось заманить к себе в машину молодую женщину, и едва она села, он приставил ей к ребрам нож. «Я сказал ей, что если она закричит, я убью ее на месте».

Они ехали по четырехполосному шоссе и остановились на красный свет. В правом ряду рядом с ними остановился полицейский патруль. Очень теплый вечер, было еще светло, и окна обеих машин были открыты. Заложница могла протянуть руку и дотронуться до окна полицейской машины, но похититель сильнее прижал лезвие ножа к ее груди и сказал: «Только пикни или позови на помощь, и ты – труп». Эпизод продлился менее минуты, жертва молчала.

«Полицейская машина поехала прямо, – рассказал подозреваемый. – Я свернул налево, проехал с полмили, съехал с трассы, изнасиловал ее, а потом убил».

Предисловие автора

Часть вторая

Меня не было в Старке, Флорида, когда 24 января 1989 года Тед Банди отправился на свидание с «Олд Спарки», электрическим стулом в тюрьме Рейфорд. Тюремное предание гласит, что на «Олд Спарки» спилили старинный дуб, а обработали его заключенные на лесопилке и в столярной мастерской Рейфорда в 1924 году. Безукоризненной надежностью он не отличался и иногда поджаривал тела и подпаливал волосы казнимых убийц. Иногда для их умерщвления требовалось больше одного электрического разряда.

В 1986 году девятнадцать штатов перешли к «более гуманному» методу казни – смертельной инъекции. Но к «Олд Спарки» стояла очередь.

По какой-то причине я – вплоть до этой недели – не общалась ни с кем из свидетелей или участников казни Теда. Возможно, мне и на этот раз не хотелось знать всех подробностей последних мгновений его жизни.

Но летом 2008 года я получила запечатанный конверт размером 9 на 11 дюймов⁶ от доктора Артура Бернса, стоматолога из Флориды, чей коллега Кларк Хошалл-младший, доктор стоматологии, не только присутствовал на казни Теда, но и был буквально в метре от коленей Теда, когда сквозь тело прошел электрический ток.

И доктор Бернс, и доктор Хошалл помогали в опознании останков Кимберли Дайан Лич, маленькой двенадцатилетней девочки из Лейк-Сити, Флорида, последней жертвы Теда Банди. Хотя официальную справку об опознании подписал Бернс, именно Хошалл открыл маленькую деревянную коробочку с черепом и челюстью Кимберли.

Питер Липкович, судмедэксперт четвертого судебного округа штата Флорида, попросил Хошалла произвести стоматологическое опознание. Сделав анатомическое исследование черепа и рентгеновские снимки, Хошалл установил точное совпадение размеров и расположения зубов с недавним прижизненным стоматологическим обследованием Кимберли Лич.

Родители пеклись о ее здоровье.

Кларку Хошаллу задание давалось нелегко. У него была дочь Виктория, ровесница Кимберли Лич, и он не мог не ставить себя на место ее отца и переставать думать о том, как семья Кимберли переживет эту трагедию.

Сходные чувства испытал патрульный флоридской дорожной полиции Кен Робинсон, обнаруживший в свинарнике близ парка Сувани скелет Кимберли: ярость, что кто-то сотворил подобное с семиклассницей, и бессилие от невозможности ее спасти.

Думаю, скорбь полицейских, судебных экспертов и обвинителей понятна всем, поскольку дети – беззащитнее всех.

«Я был первый свидетель, приехавший на казнь Теодора Роберта Банди, – писал мне Кларк Хошалл. Впоследствии я говорила с ним по телефону. – Приехал я около трех часов ночи. Луну окружало гало, и с затянутого тучами неба она глядела как из бойницы. Массивную сторожевую вышку прямо за главными воротами окружал аккуратно стриженный газон, устилавший три разделенные спиралями колючей проволоки зоны. Трехметровые ограждения казались неприступными».

Другие свидетели приехали в тюрьму около пяти утра. Этого дня доктор Хошалл ждал больше десяти лет. «В профессиональном плане дело Банди – *важнейшее* в моей карьере судмедэксперта».

⁶ Дюйм (англ. inch) равен 2,54 см.

Кларка Хошалла, патрульного Кена Робинсона и прокурора Джерри Блэйр выбрали пассажирами первого микроавтобуса, доставлявшего Банди к месту исполнения смертного приговора, но прежде их, а также других свидетелей и высокопоставленных приглашенных угостили тюремным завтраком.

В иных обстоятельствах запах яичницы с беконом, блинчиков и кофе мог бы показаться соблазнительным, но в тот раз тарелки собрали почти нетронутыми.

«Есть я не мог, – рассказывал мне Хошалл. – Аппетита ни у меня, ни у других не было. Благодарные за угощение, мы помнили о предстоящем после завтрака. Рядом со мной сидел тюремный психолог. Я спросил его, есть ли для таких, как Банди, эффективное лечение. Он помолчал и произнес: «Только кувалдой промеж глаз».

Подали готовые пересечь лужайку микроавтобусы. В кармане у Хошалла лежал золотой крестик.

Прибыв первыми, он, Робинсон и Блэйр поспешили занять места в первом ряду. Кларк Хошалл сел напротив «Олд Спарки». От электрического стула свидетелей отделяла обшитая деревянными панелями перегородка со стеклом наверху.

Джерри Блэйр сидел слева от меня, а Кен Робинсон – справа».

Двенадцать свидетельских мест были заняты почти бесшумно, а прибывшие позже встали вдоль тусклых и простых стен галереи.

По проходу за «Олд Спарки» охранники ввели Банди в «железных когтях» – наручниках с Т-образной распоркой – на каждом запястье. Когда его тащили, он качал головой и трясся.

Всю дорогу до «Олд Спарки» Тед упирался, но его одолели.

Никаких осмысленных последних слов заключенного Хошалл не помнит.

Дальнейшее его описание точно как медицинский отчет, запечатлевшийся в памяти образ.

«Банди было тяжело, он старался ни на кого не поднимать глаз, пока голову ему не зафиксировали в подголовнике. Справа от нижней челюсти по диагонали через лицо тянулся ремень, плотно закрепленный над левым ухом. Поверх носа и, закрывая левое веко, шел головной ремень. Правый глаз был открыт и смотрел прямо вперед».

«Я сидел напротив одного из чудовищнейших сексуальных маньяков нашего времени. Я впился взглядом в его правый глаз, а на его перекошенном лице прочел дикий страх, но слез у него не было. На выбритую макушку Банди положили свернутое влажное полотенце. Сверху надели медный колпак, увенчанный похожим на болт электродом. К медному электроду прикрепили электрический провод. От шапочки опускалась кожаная маска – вроде защитного щитка точильщика, только не из пластика, а из кожи».

Шанс на спасение у Теда оставался. Теоретически отсрочить казнь мог последний звонок. Телефон висел на стене прямо за «Олд Спарки», а рядом располагался рубильник.

Телефон зазвонил. Кто-то снял трубку, покачал головой, и как показалось Хошаллу, в миллионную долю секунды стоящий за электрическим стулом тюремщик нажал рубильник.

«Больше времени они давать ему не хотели. Все свершилось в тот миг, когда они не услышали вестей от губернатора».

Кларк Хошалл отрицает рассказы о трех «палачах» в масках, одновременно нажимавших рубильники, дабы не знать, кто исполнил приговор. «Рубильник за стулом был всего один».

«Сквозь тело Банди пронесся электрический ток. Напрягшись, оно натянуло прочно державшие его ремни, – писал Хошалл. – Ногти посинели. Я слышал, синюшный цвет губ и ногтей жертв нравился Теду».

Я спросила Кларка, слышались ли какие-то звуки.

«О да, гальванический гул, высасывающий из воздуха всю энергию. Краткий миг вроде всплеска. А потом – тишина. Первое, что я заметил сразу после казни – дым от плотно прижатой к заземленному электроду правой икры Банди».

Тюремный медик поднял с лица Теда маску.

«И снова, – вспоминал Кларк Хошалл, – я посмотрел прямо в правый глаз Банди. Только теперь зрачок был неподвижен, расширен, мутен и не реагировал на свет. Дополнительного беглого осмотра хватило для официального заключения о смерти».

Когда по телу Теда, оглашая комнату ревом, пронесся мощный электрический всплеск, Хошалл намеренно сжал золотой крестик.

Кен Робинсон это заметил и спросил его: «За кого?»

«За нее, разумеется». Оба мужчины верили в принцип «жизнь за жизнь». Выйдя, уже в коридоре Хошалл обратился к Робинсону.

«Были ли бы мы сегодня здесь – найди вы его и схвати в том свинарнике?»

«Нет, – ответил Робинсон. – Попадись Тед Банди в руки тем, кто обнаружил останки Кимберли, они бы наверняка его придушили».

Вместо этого Тед прожил еще одиннадцать лет. Но не дольше.

Я спросила Кларка Хошалла о его дочери Виктории, одногодке Кимберли, которой сейчас чуть за сорок.

«У нее все хорошо. Она счастлива, – ответил он. – У нее шестеро детей и благополучная жизнь».

Никто из нас не заговорил об очевидном.

Если бы.

Предисловие автора

Часть третья

Я каждую неделю получаю письма с вопросами о Теде. Некоторые из них повторяются. Я постараюсь ответить на них настолько исчерпывающе, насколько смогу. Многие ответы – всего лишь мое мнение, основанное на многолетнем изучении фактов.

Кто биологический отец Теда?

Достоверно не установлено. Его мать Элеонор Луиз Кауэлл говорила лишь, что он «моряк». В свидетельстве о рождении отцом записан Ллойд Маршалл, тридцати лет, ветеран ВВС, выпускник Университета штата Пенсильвания. Отцом называли и Джека Уоррингтона. Родился Тед 24 ноября 1946 года в приюте для матерей-одиночек Элизабет Лунд в Берлингтоне, штат Вермонт, а в его свидетельстве о рождении стоит штамп «внебрачный».

Многие подозревают, что он – дитя инцеста и его отцом был славившийся буйным нравом дед. Насколько мне известно, анализа крови для проверки этого предположения у Теда не брали. Анализ ДНК появился пятьдесят лет спустя. Фамилий у Теда было много: Кауэлл, Нельсон, Банди и все те фамилии, которые он крал у других для самозащиты, находясь в бегах.

Правда ли, что у сидевшего в тюрьме Теда Банди родился ребенок?

Полагаю, да. Женщина, часто приезжавшая на свидания в тюрьму Рейфорд, в Старке, штат Флорида, рассказывала мне, что в начале восьмидесятых заключенные собирали деньги и подкупали охранников для интимных свиданий с посетительницами. Для зачатия времени и уединенности женам или подругам вытянувших жребий счастливыхчиков действительно хватало. Кроме того, говорят, рожденная Кэрол Энн Бун девочка очень похожа на Теда.

Где сейчас Кэрол Энн Бун и ее дочь?

Стараюсь не узнавать о бывшей жене (она развелась с ним до исполнения приговора) и дочери Теда. Мое незнание не позволит мне написать о подробностях их личной жизни, и их не потревожат журналисты. Слышала, что дочь Теда милая образованная молодая девушка, но где они с матерью живут, представления не имею. Они настрадались.

Где сейчас Мег Андерс и ее дочь, в семидесятые считавшая Теда отцом?

О них я тоже знаю немного. Дочери Мег сейчас около сорока. Много лет назад Мег написала под псевдонимом Элизабет Кеньон книгу «Призрачный принц: моя жизнь с Тедом Банди», опубликованную небольшим и уже несуществующим сиеэтлским издательством. Недавний звонок дочери Мег, Лианы Андерс*, меня поразил. Тед ранил и ее чувства. Ее терзает чувство вины перед всеми убитыми Тедом девушками. Она мучается невозможностью вернуться в прошлое и удержать его от убийств. Я сказала ей, что она не в ответе за совершенное им. В ту пору она была маленькой девочкой, любившим и доверявшим Теду ребенком. Однажды она, возможно, напишет о своих чувствах, а Элизабет Кеньон, надеюсь, еще увидит переиздание своей книги.

Сняты ли с Теда Банди обвинения в каких-либо убийствах?

Официально в одном или двух. Я считала Теда убийцей Кэтрин Мерри Девайн, якобы встреченной им в Университетском квартале в декабре 1973 года. Так же считали ее родители и многие детективы. Но был еще один подозреваемый, и детективы округа Терстон в штате Вашингтон «пасли» его все двадцать восемь лет, пока убийство оставалось нераскрытым. Это

Уильям Э. Косден, еще в Мэриленде осужденный за изнасилование и сомнительно оправданный по обвинению в изнасиловании и убийстве.

В марте 2002 года ДНК образцы крови с тела и одежды Кэтрин Мерри Девайн сравнили с ДНК Косдена и они полностью совпали. Косден считал, что не оставил следов. Он гостил у родственников, владевших автомастерской на заправке в Олимпии, когда там по пути из Сиэтла оказалась четырнадцатилетняя Кэтрин. Ему удалось втереться ей в доверие.

Теперь он надежно заперт в тюрьме.

Был ли Тед Банди в глубине души славным парнем?

Нет.

Вам было когда-нибудь страшно рядом с Тедом Банди, в особенности когда вы оставались наедине в ночные смены в центре психологической поддержки?

Еще раз отвечаю – нет. Я всегда гордилась умением распознавать людей с отклонениями как благодаря врожденному чутью, так и соответствующим знаниям и специальной подготовке. Но впоследствии я долго ругала себя за то, что не смогла разглядеть за личиной Теда ничего пугающего или тревожного. Со мной он был очень мил. Беспокоился о моей безопасности и казался чутким. Только моя собака, обычно ластившаяся ко всем, сразу его невзлюбила. Всякий раз, когда Тед облакачивался на мой рабочий стол, собака начинала рычать, и шерсть у нее на загривке поднималась дыбом.

Отсюда следует простой вывод: «Всегда слушайте свою собаку!»

Вы не думаете, что Теду Банди следовало сохранить жизнь, дав психиатрам возможность как следует его изучить, пока он отбывал пожизненное заключение?

Нет, не думаю. Тед мог бы снова сбежать и стал бы намного опаснее прежнего. Он одурачил многих образованных, умудренных опытом людей – в том числе меня – и мог продолжать дурачить снова и снова. Слишком велик был риск.

Каков был у Теда Банди коэффициент умственного развития?

124 балла по стандартной шкале Векслера – Беллвью. Достаточно для окончания колледжа и получения дальнейших академических степеней, но Банди отнюдь не гений.

Где похоронен Тед Банди?

Известно только его ближайшим родственникам. Его тело кремировали. Согласно завещанию Теда его прах развеяли в Каскадных горах, штате Вашингтон. Разумное решение во избежание осквернения могилы.

Были ли вы влюблены в Теда Банди?

Нет. К счастью, Тед всегда оставался для меня только другом. В семидесятые и еще долгие годы спустя я была влюблена в следователя из отдела убийств. В этом году меня шокировали слова одной студентки о том, что их преподаватель на лекции заявил, будто у меня с Тедом был роман и мы даже собирались пожениться. И это лишь одна из многих сплетен, которые я обязана тотчас пресекать. Мой редактор помог мне найти объявление на eBay о продаже копии моей подержанной книги. Два предложения в ее описании продавцом полностью исказили содержание. Вместо состоявшей с Тедом в отношениях Кэрол Энн Бун стояло мое имя. Оттуда ошибка разлетелась по многим интернет-сайтам. Позорно и абсолютно не соответствует действительности.

Тед Банди был сумасшедшим?

Нет. Пожалуйста, читайте первую часть этой главы.

Из вчерашнего электронного письма:

«Во многих газетах я читала, что в июле 1986 года казнь Банди отсрочили за 15 минут до начала. И вновь в октябре всего за 7 часов. Это правда или газетные сенсации? Не менее важный вопрос состоит в том, почему Тед Банди, которому оставалось жить всего 15 минут или 7 часов, не признался до января 1989 года? Разве адвокат не сказал ему, что он мог избежать смертной казни? Чего он ждал? Почему он не разыграл эту карту еще в 1986 году? Откуда он знал, что не будет казнен?»

Во-первых, в 1986 году казнь отменили не за 15 минут, а за 15 *часов*. В ноябре того года казнь отложили за семь часов. Его адвокаты подали 18 апелляций. Мне кажется, он почувствовал себя неуязвимым – шанс неизменно представлялся. И всякий раз он не знал, сядет ли на «Олд Спарки».

Он рисковал, и ему раз за разом везло. Ни я, ни кто-либо другой не знает, что думал Тед. И это подводит нас к самому животрепещущему вопросу.

Каким же Тед Банди был на самом деле?

Не знаю. Он сочетал в себе черты многих людей. Он был актером, лжецом, вором, убийцей, интриганом, льстецом, охотником, соблазнителем, образованным, но не гением, и обреченным.

Думаю, даже Тед не знал, какой он *на самом деле*.

А теперь к истории человека по имени Тед Банди – с самого начала.

*Энн Рул,
2008 год*

Вступление

1980 год

Полдюжины лет назад эта книга задумывалась и начиналась совершенно иначе. Ей предстояло стать написанной криминальным репортером хроникой, повествующей о серии необъяснимых убийств юных красавиц. Сам жанр диктовал ее как отстраненный результат обширного исследования. И разумеется, моя жизнь никак не мыслилась ее частью. Но книга превратилась в очень личную историю уникальной дружбы, перевесившую факты моих исследований. Шли годы, и я узнала, что оказавшийся в эпицентре постоянно расширявшегося полицейского расследования незнакомец отнюдь не незнакомец. Он – мой друг.

Одно дело – писать книгу о неведомом подозреваемом в убийстве. И совсем иное – о давнем и небезразличном знакомом. А вышло именно так. Контракт на эту книгу я подписала за много месяцев до того, как главным подозреваемым в более чем дюжине убийств стал Тед Банди. Моя книга будет не о безличном имени из газет, не об одном из миллионов мужчин, проживающих в районе Сиэтла. Она будет о моем друге Тед Банди.

Мы могли вообще никогда не встретиться. Логическая, статистическая, демографическая вероятность того, что мы с Тедом Банди встретимся и станем хорошими друзьями, темна и труднопостижима. Мы в одно и то же время – и не один, а много раз – жили в одних и тех же штатах, но долгие годы встрече препятствовала десятилетняя разница в возрасте.

Когда в 1971 году мы все-таки встретились, я была почти тридцатипятилетней полненькой мамой четверых детей на грани развода. Теду было двадцать четыре года – красавец-старшекурсник психологического факультета Вашингтонского университета. Случай свел нас во вторник на ночном дежурстве на телефоне доверия центра психологической поддержки Сиэтла. Сблизило нас почти мгновенно возникшее взаимопонимание.

Я работала на телефоне доверия, была волонтером, а Тед, студент на практике, получал два доллара в час. Он задумал поступать в юридическую школу, а я надеялась, что моя карьера начинающего внештатного автора перерастет в приносящую семье доход основную работу. Бакалавр Вашингтонского университета по специальности «писательское мастерство», я почти не занималась писательством до 1968 года, когда стала корреспондентом по Северо-Западу в специализирующемся на детективных рассказах журнале «Настоящий детектив» и родственных изданиях. Писала я рассказы об особо тяжких преступлениях, совершенных на территории от Юджина, штат Орегон, и до канадской границы.

Казалось, занятие подходило мне как нельзя лучше. В пятидесятые я была сотрудницей полиции Сиэтла, и сочетание интереса к правоохранительным органам и к писательству служило мне отличным подспорьем. В университете я специализировалась на патопсихологии⁷ и получила степень младшего специалиста полицейских наук, что давало мне возможность с определенным знанием дела писать о криминалистических достижениях в полицейских расследованиях. К 1980 году я осветила более 800 дел, преимущественно убийств по всему Северо-Западному побережью, завоевав доверие сотен детективов отделов убийств. Один из них удостоил меня несколько обескураживающей похвалы: «Энн, ты прямо как один из моих парней». Не сомневаюсь, с Тедом меня сблизил и дал почву для разговоров взаимный интерес к закону, равно как и к патопсихологии. Тем не менее между нами всегда, казалось, было нечто большее, нечто трудноуловимое. Один раз об этом упомянул и сам Тед в письме, отправленном из тюремной камеры – одной из множества камер, в которых он сидел.

⁷ Патопсихология – отрасль клинической психологии, задача которой – психодиагностика с целью уточнения медицинского диагноза и обоснования лечения, в частности психотерапии и трудотерапии.

«Ты называла это Кармой. Может быть. Но какая бы сверхъестественная сила не руководила нашими судьбами, порой она сводила нас в ситуациях, расширяющих сознание. Мне остается верить, что эта невидимая рука еще нальет нам охлажденного шабли в не такие злокозненные, а гораздо более мирные времена, ожидающие нас в будущем. Люблю, Тед».

Письмо датировано 6 марта 1976 года, и мы никогда больше не встретились с глазу на глаз вне стен тюрьмы или хорошо охраняемого зала суда. Но своеобразная связь осталась.

Итак, Тед Банди был моим другом в хорошие и плохие времена. Много лет я верила ему, надеясь, что все подозрения ложны. Мое решение мало кому понятно. Не сомневаюсь, многих оно разозлит. И при всем при том историю Теда Банди надо рассказать, и надо рассказать во всей полноте, как будто из ужасных 1974–1980 годов может вырасти некое добро.

Я долго думала над своим двойственным отношением к Теду. Как профессиональная писательница я получила историю всей жизни – историю, о ниспослании которой молится любой автор. Вряд ли есть другой писатель, настолько сопричастный всем аспектам истории Теда. Очень часто долгими ночами мне, напротив, искренне хотелось писать о совершенно незнакомом человеке, который никогда не делится с тобой надеждами и мечтами. Мне хотелось вернуться в 1971 год и стереть все произошедшее, чтобы думать о Тедке как об открытом, улыбающемся молодом человеке, каким я его знала в ту пору.

Тед знает, что я пишу эту книгу. Он всегда знал и продолжал мне писать и звонить. Я подозреваю, что он знает, что я постараюсь показать его с разных сторон.

Его представляли идеальным сыном, идеальным студентом, повзрослевшим бойскаутом, гением, голливудским красавцем, будущим светочем Республиканской партии, чутким психиатром на социальной работе, подающим надежды юристом, заслуживающим доверия другом и молодым человеком, чей будущий успех не вызывает сомнений.

Он все – и ничего из перечисленного.

Тед Банди абсолютно не вписывается в шаблон. Невозможно взглянуть в его досье и сказать: «Видите, это было неизбежно, что он стал таким».

На самом деле это непостижимо.

*Энн Рул,
29 января 1980 года*

Глава 1

Никто даже не взглянул на молодого человека, в субботу 8 января 1978 года вышедшего на автовокзале компании «Треилуэйз» в Таллахасси, Флорида. С виду студент колледжа или чуть постарше, он ничем не выделялся среди приехавших на этой неделе в столицу Флориды тридцати тысяч студентов. Как он и планировал. В атмосфере кампуса он чувствовал себя легко как дома.

В действительности от дома он находился на максимально возможном в пределах территории США расстоянии. Это он тоже планировал. Он планировал все. Он совершил невозможное и теперь намеревался начать новую жизнь – с новым именем, «украденной» биографией и совершенно непохожим сценарием поведения. И не сомневался, что пьянящее чувство свободы будет кружить голову вечно.

В штате Вашингтон, в Юте или Колорадо даже самые невнимательные зрители местных телеканалов и читатели местных газет его бы сразу узнали. Но здесь, в Таллахасси, штат Флорида, он аноним. Просто один из множества красивых улыбчивых молодых людей.

Он – Теодор Роберт Банди. Но никакого Теда Банди больше нет. Теперь он Крис Хаген. Это пока, а потом он решит, кем ему стать.

Он очень долго мерз. Мерз ночью в Гленвуд-Спрингс, штат Колорадо, незамеченным сбежав из здания окружного суда Гарфилда. Мерз в первый день наступившего года, в толпе болельщиков, смотревших трансляцию бейсбольного матча со стадиона «Роуз Боул» в баре в Энн-Арборе, штат Мичиган. Мерз, когда решил ехать на юг. Все равно куда – только бы солнце жаркое, мягкий климат и студенческий кампус.

Почему именно в Таллахасси? Скорее случайно. Задним числом становится ясно, как случайные решения часто приводят к трагедии. Кампус Мичиганского университета ему очень понравился, и он мог бы там остаться. Денег из тюремного тайника на оплату двенадцатидолларовой комнаты в «Юношеской христианской ассоциации» ему бы хватило, но в январе в Мичигане очень холодные ночи, а у него не было теплой одежды.

Во Флориде он уже бывал. Еще в 1968 году энергичного молодого республиканца наградили поездкой на партийный съезд в Майами. Однако, штудировав в библиотеке Мичиганского университета каталог колледжей, думал он не о Майами.

На глаза ему попался Флоридский университет в Гейнсвилле, но его он сразу отверг. Поблизости никакой воды, и позднее он говорил: «На карте он выглядел неправильно. Мое предубеждение, полагаю».

Зато Таллахасси «выглядел превосходно». Ему, всю жизнь проведенную в штате Вашингтон на берегу залива Пьюджет, хотелось слышать звук и вдыхать запах воды, а Таллахасси стоит на реке Оклохони, впадающей в бухту Апалачи обширного Мексиканского залива.

Он знал, что путь домой ему заказан навсегда, но индейская топонимика Флориды напоминала ему названия городков и рек штата Вашингтон, данные племенами Северо-Запада.

Это будет Таллахасси.

С Нового года он путешествовал комфортабельно. Непросто далась первая ночь на воле, но он был рад свободе. Он понимал, что драндулет, угнанный на улицах Гленвуд-Спрингс, мог не проехать через заснеженный перевал в Аспен, но ничего другого не оставалось. Машина сгорела в тридцати милях⁸ от Вейла и в сорока от Аспена, но добрый самарянин помог ему столкнуть ее с шоссе, а его самого подбросил обратно в Вейл.

Потом, еще до обнаружения его побега, он добрался до Денвера на автобусе, затем на такси до аэропорта и полетел в Чикаго. На поезде он последний раз ездил в детстве, и путе-

⁸ Одна миля равна приблизительно 1,6 километра.

шествие на «Амтрак» до Энн-Арбор ему понравилось. Впервые за два года он немного выпил в вагоне-ресторане, размышляя о тюремщиках, ежеминутно искавших его в уносившихся все дальше сугробах.

В Энн-Арбор он пересчитал деньги и понял, что придется экономить. Закон он не нарушал с момента пересечения границы Колорадо, но решил, что еще один угон ничего не изменит. Машину с ключом в зажигании он бросил посреди черного гетто в Атланте. С Тедом Банди автомобиль никто и никогда не связал – даже Федеральное бюро расследований (организация, по его мнению, крайне переоцененная), только что поместившее его в список десяти самых разыскиваемых преступников.

Автобусом Тед добрался до самого центра Таллахасси. Выйдя из автобуса, он немного испугался. Ему показалось, что он столкнулся со знакомым по тюрьме в Юте. Но мужчина посмотрел сквозь него, и Тед понял, что одержим легкой паранойей. Кроме того, у него не было денег ехать дальше, осталась только сумма на жилье.

Таллахасси ему понравился. Просто само совершенство: тихо, пусто, воскресным утром настоящая глухомань. Он прошелся по Дюваль-стрит, и это было великолепно. Тепло, воздух наполнен ароматами; казалось особенно верным приехать сюда с первыми рассветными лучами.словно возвращающийся домой почтовый голубь, он направился к кампусу Флоридского университета. Тот долго искать не пришлось. Дюваль-стрит упиралась прямо в колледж. Потом он свернул направо. Впереди показались старый и новый Капитолий, а за ними и сам кампус.

Вдоль дороги напоминанием о доме рос кизил, однако остальная флора была странной и непохожей на ту, к которой он привык на родине. Виргинские и черные дубы, длиннохвойные сосны, финиковые пальмы, высокие ликвидамбары. Весь город словно укрывался под сенью деревьев. В январе ветви ликвидамбаров стояли голые, и картина немного напоминала северный зимний пейзаж, только температура около двадцати градусов тепла.

Сама странность пейзажа вселяла в него ощущение безопасности, словно все плохое осталось в прошлом, причем настолько далеко, что произошедшее за последние четыре года можно просто забыть. Забыть, как будто ничего и не было. Это он умел. В его разуме было место, куда он мог отправиться и в самом деле *забыть*. Не стереть. Забыть.

Однако эйфория пошла на убыль, когда он подошел к кампусу Флоридского университета. Возможно, он совершил ошибку. Он ожидал найти куда более обширное поле деятельности и больше табличек о сдаче жилья. Объявлений о сдаче было совсем немного, и он понимал, что газетные объявления тоже мало ему помогут. Определить, какие адреса ближе к университету, он не сможет.

В одежде, слишком легкой для Мичигана и Колорадо, уже становилось жарко, и, зайдя в книжный магазин кампуса, он запихнул свитер и шапку в шкафчик.

На оставшиеся сто шестьдесят долларов не разгуляешься, ведь ему еще нужно найти комнату, внести за нее депозит и как-то питаться, пока он не найдет работу. Он узнал, что большинство студентов живут в общежитиях, домах студенческих братств и самых разных старых квартирах или меблированных комнатах вокруг кампуса. Но он опоздал. Семестр уже начался, и почти все помещения были сданы.

Близ кампусов университетов штата Вашингтона и Юта Тед Банди жил в хороших квартирах и просторных комнатах в верхних этажах комфортабельных старых зданий, и вряд ли его очаровал псевдоколониальный фасад дома «Оук» на Вест-Колледж-авеню. Прозвище дом получил по единственному росшему перед ним дубу. Стар и потрепан был не только дуб, но и дом. Облупленная краска, покосившийся балкон, зато в окне красовалась табличка «Сдается».

Льстиво улыбаясь арендодателю, он быстро сговорился снять комнату всего за сотню депозита. Представившись Крисом Хагеном, пообещал в течение месяца внести арендную плату в размере 320 долларов за два месяца вперед. Комната была обшарпанной под стать

дому, зато позволяла не ночевать на улице. У него появилось жилье – отправная точка реализации прочих планов.

Тед Банди учился на опыте – своем и чужом. За прошедшие четыре года его жизнь описала полный круг: от успешного молодого человека, могущего в обозримом будущем стать губернатором штата Вашингтон до преступника в бегах. О преступном мире он много узнал уже от сокамерников. И превзошел не только их всех, но и большинство тюремщиков. Способности, помогавшие ему преуспевать в «цивилизованном» мире, постепенно переориентировались на единственную цель: побег и гарантированное пребывание на свободе, даже вопреки статусу, возможно, самого разыскиваемого преступника Соединенных Штатов.

Он видел судьбу беглецов, недостаточно умных, чтобы все спланировать. Знал, что главное для него – раздобыть документ, удостоверяющий личность. И не один, а несколько. Он видел, как менее дальновидных беглецов возвращали в тюрьмы, и понял, что их главной ошибкой была неспособность предъявить остановившим их правоохранителям удостоверение личности, не вызывающее подозрений у компьютерного «Большого брата» в Национальном криминалистическом центре в Вашингтоне, округ Колумбия.

Он этой фатальной ошибки не совершит. Первым делом ему надо просмотреть личные дела студентов и отыскать пару примерных досье выпускников. Несмотря на возраст – тридцать один год, в новой жизни он решил стать двадцатитрехлетним выпускником. Обзаведясь таким надежным прикрытием, он найдет еще парочку подходящих досье и пустит их в ход, если чутье подсказет, что за ним слишком пристально наблюдают.

И ему надо найти работу, но только не привычную для него работу: сотрудника социального обеспечения, психотерапевта, помощника политика. Ему нужна рабочая профессия. Ему нужно обзавестись номером социального страхования, водительскими правами и адресом постоянного места жительства. Последний у него уже есть. После внесения депозита за комнату у него осталось всего шестьдесят долларов и шок от скачка инфляции за время его заключения. Он считал, что пары сотен, с которыми он бежал, хватит на месяц или два, но деньги почти закончились.

Он это исправит. Программа проста. Первым делом – документы, потом – работа, и последнее, но не менее важное – ему надо сделаться самым законопослушным гражданином из всех, когда-либо ходивших по улицам Флориды. Он поклялся, что самым крупным нарушением закона, которое он позволит себе допустить, будет переход проезжей части в неположенном месте – ничего такого, что сможет привлечь внимание полицейских. Теперь он человек без прошлого. Тед Банди умер.

Как и все его планы, этот план был хорош. Исполни он его до конца, его вряд ли снова арестуют. У флоридских полицейских хватает собственных подозреваемых в убийствах, за которыми надо следить, и их мало интересуют преступления, совершенные в таких далеких штатах, как Юта или Колорадо.

Большинство молодых людей, оказавшись среди незнакомцев в чужом городе, с шестьюдесятью долларами кармане, без работы и с обязательством до конца месяца уплатить 320 долларов за съемную комнату, испугавшись смутного будущего, непременно бы запаниковали.

«Крис Хаген» не паниковал. Он испытывал радостный подъем и громадное облегчение. Он сбежал. Он на свободе и ушел от погони. Каково бы ни было его будущее, все бледнело в сравнении с тем, что в закончившемся 1977 году означало для него это утро девятого января. Засыпая на узкой кровати в убогой комнате в Таллахасси, он был спокоен и счастлив.

И не без причин. В девять утра девятого января Теодору Роберту Банди – кем он уже не был – следовало предстать в Колорадо-Спрингс, Колорадо, перед судом за убийство первой степени. Теперь суда не будет.

Обвиняемый исчез.

Глава 2

Тед Банди, «умерший» и вновь родившийся 8 января 1978 года в Таллахасси как Крис Хаген, был человеком достижений. Хотя в целом его жизнь, казалось, не возвышалась над плоской пустошью среднего класса, многое в ней выходило из ряда вон.

Белой вороной его сделали уже обстоятельства рождения. В Америке 1946 года нравы разительно отличались от утвердившихся в семидесятых и восьмидесятых. Сегодня при узаконенных абортах, вазэктомии и противозачаточных таблетках внебрачных детей рождается немало. На незамужних матерей могут коситься, но уже не подвергают остракизму, большинство из них от детей не отказываются и безболезненно вливаются в общество.

В 1946 году все обстояло иначе. Добрачный секс, разумеется, как и во все времена, существовал, но о занятиях им женщины не рассказывали даже лучшим подругам. Девушек, занимавшихся добрачным сексом, считали непорядочными, а вот мужчины могли им хвастаться. Несправедливо и даже глупо, но именно так. В ту пору либеральной считали фразу «только приличные девушки попадают». Воспитываемые заботливыми матерями девочки редко сомневались в девственности как самоцели.

Элеонор Луиз Кауэлл было двадцать два года, «хорошая девочка» из глубоко религиозной семьи на северо-западе Филадельфии. Можно только вообразить ее панику, когда она поняла, что забеременела от того, кого сегодня называет просто «моряком». Он бросил ее, испуганную и одинокую, перед лицом ее строгой семьи. Родные ее поддержали, но были потрясены и опечалены.

Аборт исключался. Нелегальную операцию в мрачных комнатах на темных улицах проводили старухи и лишённые лицензии врачи. Отвергался аборт и религиозным воспитанием. К тому же она успела полюбить растущую в ней новую жизнь. Претила ей и мысль отдать ребенка на усыновление. Она поступила так, как могла. На седьмом месяце ушла из дома и отправилась в приют для матерей-одиночек Элизабет Лунд в вермонтском Берлингтоне.

Местные остроловы окрестили его «приютом Лиззи Лунд для гулящих». Шуточка, известная обитательницам приюта, но им ничего другого не оставалось, как дожидаться родов в атмосфере если и не враждебной, то явно игнорирующей их чувства.

24 ноября 1946 года после шестидесяти трех дней пребывания в приюте родился Теодор Роберт Кауэлл.

Элеонор привезла сына в родительский дом в Филадельфии и затеяла безнадежный фарс. Ребенку велели звать Элеонор старшей сестрой, а бабушку и дедушку – «матерью» и «отцом». Не по годам сообразительный невысокий мальчуган с каштановыми кудрями, придававшими ему сходство с фавном, говорил, как ему велят, но чувствовал ложь.

Тед обожал деда-отца Кауэлла. Подражал и уважал, искал у него защиты.

Мальчик рос, и было ясно, что в Филадельфии оставаться нельзя. Бесчисленные родственники отлично знали, кто его родители, и Элеонор пугали трудности подросткового периода. Район был рабочий, дети слушали и повторяли родительские шепотки. Ей не хотелось, чтобы Теда называли «ублюдком».

Часть клана Кауэллов жила в штате Вашингтон, и Элеонор с мальчиком предложили переехать к ним на запад. Элеонор, сама отныне Луиз, защищая Теда от предрассудков, 6 октября 1950 года через филадельфийский суд изменила фамилию Теда на Нельсон. Эта расхожая фамилия обещала дать сыну анонимность и не привлекать внимания в школе.

Итак, Луиз Кауэлл с четырехлетним Тедом Нельсоном переехали за 3000 миль в город Такома, штат Вашингтон, где, пока она не устроилась на работу, они жили у родственников. Огромным ударом для Теда стало расставание с дедом, и старика он не забывал никогда. Тем

не менее к новой жизни он привык быстро. Он подружился с двоюродной сестрой Джейн и братом Аланом Скоттами, почти его одногодками.

В Такоме, третьем по величине городе штата Вашингтон, Луиз и Тед начали новую жизнь. Красоты такомских холмов и бухт часто заволакивал индустриальный смог, а на центральные улицы проникли сомнительные забегаловки, пип-шоу и порнографические магазины, обсуживающие отпущенных в увольнительную солдат из Форт-Льюиса.

Луиз ходила в методистскую церковь, где на общественном мероприятии и встретила Джонни Калпеппера Банди – одного из обширного клана Банди, проживающего в районе Такомы. Под стать Луиз повар Банди был невысок – оба не выше 152 сантиметров. Джонни был стеснителен, но казался добрым и надежным.

Ухаживания не затянулись и ограничились все теми же посещениями церковных общественных мероприятий. 19 мая 1951 года Луиз Кауэлл вышла за Джонни Банди. Тед был на свадьбе «старшей сестры» и коротышки-повара с военной базы. Ему не исполнилось пяти, когда у него появилось третье имя: Теодор Роберт Банди.

Луиз продолжала работать секретаршей, и новая семья несколько раз переезжала – до тех пор, пока не купила дом неподалеку от висячего моста «Такома-Нэрроуз». У Теда появились два единокровных брата и две единокровные сестры. Любимцем Теда был младший брат, родившийся, когда ему было пятнадцать лет. Теду часто велели присматривать за младшими, и друзья вспоминают, что вместо развлечений с ними ему нередко приходилось нянчиться с детьми. Если он и противился, то жаловался редко.

Вопреки новой фамилии Тед продолжал считать себя Кауэллом. Его всегда притягивали именно Кауэллы.

На Кауэллов он походил. Луиз Банди в мужской версии, вплоть до цвета волос. Вклад биологического отца во внешность, казалось, ограничивался ростом. В младших классах Тед был ниже сверстников, но затем перерос Луиз и Джонни. Со временем он вырастет до 182 сантиметров.

С отчимом Тед проводил время крайне неохотно. Джонни прилагал усилия. Ребенка Луиз он принял. И если Тед от него явно отдалялся, он списывал это на начало подросткового возраста. В наказаниях последнее слово было за Луиз, хотя Джонни мог поддать ремня.

Тед и Джонни часто собирали бобы на акрах зеленеющих полей, расходящихся в долинах за Такомой. Вдвоем они могли заработать от пяти до шести долларов в день. Если в военном госпитале Мадиган повар Банди трудился в первую смену – с пяти утра до двух часов дня – они спешили на поля и собирали бобы в дневную жару. Но даже если смена была вечерней, он все равно вставал рано и помогал Теду развозить газеты. На утреннем маршруте Теда было 78 клиентов, и в одиночку работа отнимала много времени.

Джонни Банди стал лидером бойскаутов и часто организовывал походы. Но нередко вылазки возглавляли дети других родителей. Казалось, у Теда всегда наготове отговорка, чтобы отпроситься.

Как ни странно, Луиз никогда напрямую не говорила Теду, что она приходится ему не старшей сестрой, а матерью. Иногда он называл ее матерью, а иногда просто по имени.

Тем не менее все друзья семьи видели, что из всех своих детей именно его она считала самым талантливым. Чувствуя, что он особенный и ему необходимо поступать в колледж, она убеждала его начинать копить на образование, когда ему было всего тринадцать или четырнадцать лет.

Тед рос как сорняк, но был очень стройным – в средней школе даже слишком изящным для американского футбола. Учился он в школе Ханта и оказался на беговой дорожке, показав скромные успехи в беге с низкими препятствиями.

Учеба давалась ему намного лучше. Обычно он успевал без троек, а если нужно было закончить проект, всю ночь не ложился спать.

В средней школе мальчишки его дразнили. Кое-кто из одноклассников вспоминает, что Тед мылся в отдельной кабинке, а не в общей душевой, где мальчишки шумели и кричали. Насмехаясь над его застенчивостью, они развлекались тем, что заглядывали в кабинку и обливали его холодной водой. Униженный и разъяренный, он пускался за ними в погоню.

В такомской старшей школе Вудро Вильсона Тед учился в самом большом за всю историю этого учебного заведения выпуске. В 1965 году в нем было 740 учащихся. Искать в школе Вудро Вильсона документы Теда Банди бесполезно. Они исчезли, но многие друзья его помнят.

Молодая женщина, сегодня адвокат, вспоминает семнадцатилетнего Теда: «Он был хорошо известен, популярен, но не повсеместно, впрочем, как и я. Привлекательный, хорошо одетый, с прекрасными манерами. Он наверняка ходил на свидания, но не помню, чтобы хоть раз с его кем-нибудь видела. Помню, вроде видела его на танцах, в особенности на таких, где девушки приглашают парней. Впрочем, не уверена. Он был немного застенчив, почти интроверт».

В старшей школе лучшими друзьями Теда были Джим Паулус, плотный темноволосый парень, носивший очки в роговой оправе и активно занимавшийся школьной политикой, и Кент Майклс, вице-президент школьного совета, запасной футбольной команды, а сегодня адвокат в Такоме. Тед часто катался с ними на лыжах, но, несмотря на пробуждающийся интерес к политике, в школьный совет не входил.

В выпуске из почти 800 учащихся он был средней рыбкой в большом пруду. Не из самых популярных, но ближе к верхнему ряду и многими любимый.

В учебе он преуспел. Вышел на средний балл 4 с плюсом. По окончании школы его удостоили стипендии такогоского Университета Пьюджет-Саунда.

Необычную заметку Тед написал в принадлежавший однокласснице экземпляр ежегодника «Нова» школы Вудро Вильсона:

«Дражайшая В.,
Сласть вешнего дождя смывает боль окна [так в оригинале] (Ничего не
могу поделать. Просто вырвалось) Теодор Роберт Банди
Поэт [так в оригинале]»

Единственный факт, способный весной 1965 года омрачить имидж юного выпускника, состоял в том, что органы по делам несовершеннолетних округа Пирс как минимум дважды задерживали Теда по подозрению в автоугоне и краже со взломом. Никаких данных о его пребывании под стражей нет, но сотрудники органов по делам несовершеннолетних его знали. Детали уже не установить, поскольку по закону после достижения правонарушителем восемнадцати лет все документы уничтожают, и остается только карточка с именем и перечнем правонарушений.

Летом 1965 года Тед, собирая на колледж, работал в энергетической компании Такомы, а в учебном году 1965–1966 года учился в университете Пьюджет-Саунда.

Проработав следующее лето на лесопилке, Тед перешел в Вашингтонский университет и записался на интенсивный курс китайского. Он считал, что вскоре Китай заявит о себе и знание китайского ему пригодится.

Тед переехал в Макмахон-Холл – общежитие в университетском кампусе. При всем страстном желании серьезных отношений с девушками у него пока не было. Мешали застенчивость, ощущение скверной социальной адаптации, скованность заурядностью происхождения из среднего класса, невозможность что-либо предложить тем девушкам, о которых он грезил.

Весной 1967 года в Макмахон-Холл Тед увидел Стефани Брукс и понял, что она – женщина его мечты. Стефани не походила ни на кого из знакомых ему девушек, и он считал ее самой изысканной, самой красивой из всех земных созданий. Он глядел на нее, понимая, что она явно предпочитает накачанных футболистов, и не решался к ней подойти. Десяток лет

спустя он написал: «Общего у нас с ней было столько же, сколько у «Сирс и Робак» с «Саксом»⁹. Романтический интерес к С. я никогда не считал реальнее романтического интереса к элегантным созданиям со страниц модных журналов».

Впрочем, один общий интерес у них был. Горные лыжи. У Стефани имелась машина, и ему удалось добиться, чтобы она подвезла его до горных вершин к востоку от Сиэтла. Когда они возвращались после дня катания по склонам, он пожирал взглядом красивую темноволосую девушку за рулем. Говорил себе, что Стефани неизмеримо выше его на социальной лестнице, и понимал, что уже увлечен ею. Когда она стала проводить с ним все больше и больше времени, его это ошеломило и взволновало. Интенсивный курс китайского до поры отошел на второй план.

«Это окрыляло и подавляло одновременно, – вспоминал он. – Первое касание рук, первый поцелуй, первая ночь вместе. Следующие шесть лет мы с С. встречались при самых зыбких обстоятельствах».

Тед влюбился. Годом старше него, из богатой калифорнийской семьи, Стефани, возможно, была его первой любовницей. Ему было двадцать. И он мало что мог предложить девушке, выросшей в атмосфере, где деньги и престиж были чем-то само собой разумеющимся. Тем не менее она прожила с ним год, возможно, важнейший год в его жизни.

Для оплаты учебы в колледже Тед сменил целый ряд низкооплачиваемых работ: подавальщика в шикарном сиэтлском яхт-клубе, подавальщика в почтенном сиэтлском отеле «Олимпик», мерчандайзера в «Сэйфвэй», кладовщика склада хирургических материалов, курьера и продавца обуви. С большинства этих мест он уходил сам, как правило, несколько месяцев спустя. В досье «Сэйфвэй» его аттестовали «разумным» и отметили, что однажды он просто не вышел работу. Но и на склад хирургических материалов, и в курьерскую службу его брали дважды и охарактеризовали как любезного и надежного сотрудника.

В августе 1967 года Тед подружился с работавшей в яхт-клубе шестидесятилетней Беатрис Слоан. Миссис Слоан, вдова, считала молодого студента милым проходимцем, и через полгода совместной работы в яхт-клубе Тед мог подговорить ее практически на все. И еще долгие годы они оставались друзьями. Она устроила его в отель «Олимпик», где он продержался лишь месяц. Сотрудники донесли о подозрениях, что он воровал из шкафчиков. Миссис Слоан несколько шокировало, когда Тед показал ей украденную в отеле униформу, но она сочла это мальчишеской шалостью. Так она оправдывала очень многие его поступки.

Беатрис Слоан была наслышана о Стефани и поняла, что Тед хочет произвести впечатление на эту чудесную девушку. Она часто давала ему машину, и рано утром он ее возвращал. Однажды Тед сказал ей, что собирается приготовить для Стефани изысканный обед, и вдова одолжила ему лучший хрусталь и серебро для создания идеальной обстановки. Она смеялась, когда он мастерски изобразил британский акцент, на котором собирался изъясняться, подавая приготовленные им блюда.

Она чувствовала, что нужна Теду. Он объяснял, что у него в семье нравы суровые и теперь он совсем один. Она разрешила ему давать свой адрес в поисках работы и для указания места жительства. Иногда ему негде было ночевать, кроме как в фойе Макмахон-Холла, общежития, от которого у него оставался ключ. Она подозревала, что он замешан в махинациях, но считала, что знает причину. Он лишь пытался выжить.

Тед ее развлекал. Как-то надел черный парик и изменился до неузнаваемости. Позже она увидела его в том же парике по телевизору во время предвыборной кампании губернатора Розеллини.

Миссис Слоан догадывалась, что Тед тайком водит девушек, по ее выражению, «крутить пашни» в «воронье гнездо» яхт-клуба, и подозревала, что, развозя по домам пьяных членов

⁹ Американские сети универмагов разных ценовых категорий.

клуба, таскает у них деньги, но Тед ей нравился. Он всегда находил время с ней поговорить и хвастался, что его отец – известный шеф-повар, рассказывал, что собирается поехать в Филадельфию навестить вращающегося в высших политических сферах дядю. Однажды она даже дала ему взаймы, о чем пожалела. Когда он не вернул долг, она позвонила Луиз Банди и попросила напомнить Теду. Луиз, по словам миссис Слоан, рассмеялась в ответ и заявила: «С вашей стороны глупо было давать ему деньги. Вы их больше не увидите. В нашем доме он посторонний».

Стефани встретила Теда весной 1967 года на предпоследнем курсе университета. Все лето и до конца 1968 года она была влюблена в него. Но любила не так сильно, как он ее. Они часто ходили туда, где не требовалось много денег: на прогулки, в кино, в закусочные, иногда катались на лыжах. Он был очень милым и нежным любовником, и порой ей казалось, что у них может получиться.

Но Стефани в облаках не витала. Чудесно завести роман в колледже, неспешно бродить, взявшись за руки, по лесным тропинкам вблизи кампуса, пока цветущую сакуру сменяют рододендроны, а потом кудрявые клены облачаются в оранжевое убранство. Весело кататься на лыжах в Каскадных горах, но Стефани чувствовала, что отношения с Тедом зашли в тупик: ни настоящих планов, ни перспектив на будущее у него нет. Сознательно или подсознательно, Стефани не хотелось ничего менять в привычной жизни. Она хотела, чтобы муж вписался в ее калифорнийский мир, а Тед Банди, как ей казалось, в него не впишется.

Стефани считала Теда слишком эмоциональным и неуверенным в себе. Казалось, он даже специальность выбрать не может. И еще она подозревала, что он манипулирует людьми, специально ищет полезные знакомства. Она считала, что он ей врет из желания понравиться. Это тревожило ее даже сильнее его нерешительности и склонности манипулировать.

В июне 1968 года Стефани окончила Вашингтонский университет, и их связь, казалось, легко порвется. Теду предстояли еще годы учебы, а она переедет в Сан-Франциско, начнет работать и встретится со старыми друзьями. Роман засушит дальность расстояний и редкость встреч.

Но в 1968 году Тед выиграл грант на летний курс интенсивного китайского в Стэнфорде. По шоссе Бейшор занятия были в нескольких минутах езды до дома ее родителей, и все лето они продолжали встречаться. Когда Теду пришла пора возвращаться в Вашингтонский университет, Стефани была непреклонна. Заявила ему, что между ними все кончено и им больше не по пути.

Он был раздавлен. Не верил, что она его бросила. Его первая любовь, безупречное воплощение его мечты. И она собиралась от него уйти. Да, он был прав с самого начала. Она слишком красива. Слишком богата. Не стоило и мечтать, что она будет принадлежать ему.

Тед вернулся в Сиэтл. Курс китайского его не волновал. Его вообще мало что волновало. Оставалась у него еще зацепка в политических сферах. В апреле 1968 года его назначили председателем партийного отделения штата и вице-председателем Нового большинства за Рокфеллера, а также наградили поездкой на партийный съезд в Майами. Тед мог думать только о разрыве со Стефани, и в Майами он просто смотрел, как прокатили его кандидата.

Вернувшись в университет, он записался на курс уже не китайского, а градостроительства и социологии. Прежнего академического блеска не показал и вылетел из колледжа. Осенью 1968 года Тед стал шофером Арта Флетчера, популярного черного кандидата на пост вице-губернатора. Ему постоянно грозили расправой, и поэтому он переехал в секретный пентхаус. Помимо шофера Тед сделался телохранителем и спал в соседней спальне. Хотел носить оружие, но Флетчер запретил.

Выборы Флетчер проиграл.

Казалось, все планы Теда рушились. В начале 1969 года он отправился в поездку с целью узнать о своем происхождении. Увидел родственников в Арканзасе и в Филадельфии и посе-

тил несколько занятий в Темплском университете. Мысль об истинной цели путешествия все время не давала ему покоя.

Алан и Джейн Скотт, двоюродные брат и сестра, с кем он рос в Такоме, делали ему намеки. Он и сам всегда чувствовал скрытую в воспоминаниях о первых годах жизни правду. Ему необходимо было узнать, кто он такой.

Проверив архивы в Филадельфии, Тед отправился в Берлингтон, штат Вермонт. В местном архиве лежало его свидетельство о рождении с архаичной и жестокой печатью «внебрачный». Его матерью была Элеонор Луиз Кауэлл. Отцом был записан Ллойд Маршалл, выпускник Университета штата Пенсильвания, ветеран ВВС, моряк, 1916 года рождения.

Когда родился Тед, отцу было тридцать. Почему он их бросил? Был женат? Что с ним стало? Неизвестно, пытался ли Тед найти мужчину, исчезнувшего из его жизни еще до его рождения. Но Тед узнал. Узнал то, что всегда чувствовал: Луиз его мать. Джонни Банди ему не отец, как и любимый дедушка. Отца у него не было.

Тед продолжал писать Стефани. Она иногда отвечала. Он знал, что она работает в брокерской конторе в Сан-Франциско. Возвращаясь на Западное побережье, он страстно хотел заехать к ней. Вранье же матери не стало для него полной неожиданностью. Не стало неожиданностью вообще, но все же ранило.

Ярким весенним днем 1969 года Стефани вышла с работы. Вдруг кто-то положил руки ей на плечи. Она обернулась. Это был Тед.

Если он надеялся, что она будет рада его видеть и роман возобновится, его ждало горькое разочарование. Ей было приятно, но не более того. Тед оставался все тем же давно знакомым, плывущим по течению молодым человеком. Которого вдобавок отчислили из колледжа.

Прими она его тогда, это могло бы смягчить его унижение. Но она не смогла. Она спросила, как он оказался в Сан-Франциско, и он что-то пробормотал про автостоп. Они поговорили, и она отказала ему второй раз.

Стефани подумала, что больше никогда его не увидит.

Глава 3

Все же ни открытия о родителях, ни окончательный отказ Стефани, обрушившиеся в 1969 году на Теда Банди, не сломили его дух. Даже наоборот, укрепили и придали холодной решимости. Если Господь отнял у него все, значит, он изменится. Непокоримой силой воли он добьется такого успеха, который признает мир – и в первую очередь Стефани. Последующими метаморфозами Тед стал сродни героям Горацио Элджера¹⁰.

В Макмахон-Холл он возвращаться не хотел. Слишком много воспоминаний о Стефани. Вместо этого он бродил по Университетскому кварталу, стучался в двери старинных домов по улицам к западу от кампуса, приветливо представлялся студентом-психологом и говорил, что ищет комнату.

Фреду Роджерс, пожилую даму, жившую с мужем Эрнстом в аккуратном двухэтажном доме номер 4143 по 12-й Норд-Ист-стрит, Тед очаровал. Она сдала ему большую комнату в юго-восточной части дома. За пять лет Тед из жильца стал Роджерсам почти сыном. Тед пообещал не слишком здоровому Эрнсту помогать по хозяйству и в саду. И слово сдержал.

Тед позвонил давней знакомой по сиэтлскому яхт-клубу Беатрис Слоан. Ей он показался все таким же – авантюристом, строящим блестящие планы на будущее. Тед рассказал, что побывал в Филадельфии, встретился с богатым дядей, а сейчас направляется в Аспен, Колорадо, работать лыжным инструктором.

– Тогда я свяжу тебе лыжную шапку, – тотчас откликнулась Беатрис.

– Не стоит. У меня есть лыжная маска. Но мне надо добраться до аэропорта.

Миссис Слоан довезла Теда до аэропорта и проследила, как он сел на рейс в Колорадо. Ее слегка удивила дороговизна лыжного снаряжения Теда. Она знала о его трудностях с деньгами, но снаряжение было самым лучшим.

Зачем Тед отправился в Колорадо, неясно. Его не ждала ни работа лыжного инструктора, ни даже ее обещание. Возможно, ему хотелось увидеть лыжные курорты, которыми восторгалась Стефани. В Вашингтонский университет Тед вернулся точно к началу осеннего семестра.

В психологии Тед, казалось, обрел себя. По физиологической психологии, социальной психологии, дрессировке животных, статистическим методам, психологии развития, девиантной личности и девиантному развитию он получал пятерки и изредка четверки. Молодой человек без планов и целей стал примерным студентом.

Преподаватели его любили, в особенности Патриция Луннеборг, Скотт Фрэйзер и Рональд И. Смит. Три года спустя Смит написал Теду рекомендательное письмо для поступления в юридическую школу университета Юты. Вот его фрагмент:

«Мистер Банди, несомненно, один из лучших студентов бакалавриата нашего учебного заведения. Но лично я причислил его к 1 % моих лучших студентов бакалавриата как Вашингтонского университета, так и университета Пёрдью. Он чрезвычайно одарен, привлекателен, целеустремлен и добросовестен. Ведет себя он скорее не как студент, а как молодой специалист. Способен упорно работать, а пытливость его ума делает общение с ним приятным... В результате, как специализирующийся на психологии студент бакалавриата, мистер Банди крайне заинтересовался изучением психологических переменных, влияющих на решение при-
сжных. В настоящее время мы вместе ведем исследования в этой сфере.

Должен признать, я сожалею о решении мистера Банди предпочесть карьеру на юридическом поприще продолжению профессиональной подготовки психолога. Наша потеря – ваша

¹⁰ Горацио (Хорейшо) Элджер (1832–1899) – американский писатель. Тематика большей части его произведений – жизненный путь бездомных нищих детей, которые самостоятельно добиваются богатства, успеха и славы благодаря тому, что остаются честными, неунывающими и трудолюбивыми.

находка. Не сомневаюсь, что в юридической сфере мистер Банди проявит себя и как студент, и как профессионал. Безоговорочно вам его рекомендую».

Для хороших отношений с преподавателями Теду ничего кроме академических успехов не требовалось. Но Тед зачем-то сказал профессору Скотту Фрэйзеру, что был приемным ребенком и все детство постоянно менял приемные семьи. Фрэйзер это запомнил и впоследствии искренне удивлялся, что Тед его обманул.

Тед нередко заходил в бары университетского квартала выпить пива, а то и виски. 26 сентября 1969 года в «Сэндпайпер Таверн» он встретил главную женщину следующих семи лет своей жизни.

Звали ее Мег Андерс*. Как и Стефани, Мег была на несколько лет старше Теда. Молодая разведенная мать с трехлетней дочерью Лиэн. Мег была миниатюрна, с длинными каштановыми волосами, не ослепительно красива, но миловидна и выглядела моложе своих лет. Дочь знаменитого врача из Юты, она понемногу приходила в себя после разрушительного брака, развалившегося, когда она узнала, что ее муж – осужденный преступник. Мег развелась, забрала дочь и переехала в Сиэтл, чтобы начать новую жизнь. Устроилась секретаршей в один из колледжей Сиэтла. Знакомых, кроме Линн Бэнкс, подруги детства из Юты, и сотрудников колледжа, у нее в городе не было.

Поколебавшись, Мег все же позволила Теду угостить ее пивом, и красивый молодой человек, рассказывающий о философии и своих планах на будущее, ее очаровал. Она дала ему номер телефона, но звонка не ждала. И когда он позвонил, Мег обрадовалась.

Так завязалась сначала дружеская, а потом и любовная связь. Тед продолжал жить у Роджерсов, Мег не расставалась со своей квартирой, но много ночей они проводили вместе. Она влюбилась в него: в ее положении это было практически неизбежно. В отличие от Стефани она безоговорочно верила в его успех и часто ссужала ему деньги на учебу. Едва ли ни с самого начала Мег хотела выйти за него замуж, но относилась с пониманием, когда он говорил, что у них все еще впереди. Прежде ему необходимо чего-то добиться.

Он устроился на неполный день продавцом обуви и вновь работал кладовщиком на складе хирургических материалов. Когда он еле сводил концы с концами, Мег помогала ему деньгами.

Порой ее тревожило, что Тед остается с ней только ради денег и положения ее семьи. Приехав с ним на Рождество 1969 года в родительский дом в Юту, она заметила, каким оценивающим взглядом оглядывал он семейные владения. Но было в Теде и много другого. Он был добр к ней и по-отечески заботился о Лиэн. Неизменно дарил ее дочке цветы на день рождения, а 26 сентября в ознаменование первой встречи посылал Мег красную розу.

Мег чувствовала, что Тед иногда ей изменял. Знала, что он мог зайти с приятелем в бар и подцепить девочек. Мег старалась об этом не думать. Время все расставит по своим местам.

Лишь о существовании Стефани она не подозревала, как и о том, насколько прочно та заняла в голове Теда то место, на которое претендовала она сама. Расставшись с Тедом весной 1969 года, Стефани почувствовала облегчение, однако окончательно общаться с ним не прекратила. У сокрушительно изменившей жизнь Теда Банди калифорнийки имелись родственники в Ванкувере, в Британской Колумбии, и она к ним ездила через Сиэтл. А проездом периодически звонила Теду – поприветствовать.

В 1969 и 1970-х годах жизнь Теда наконец пошла в гору. Он преуспевал во всем. Стал обходительнее, образованнее и непринужденнее в общении. Был идеальным гражданином. Даже получил благодарность Департамента полиции Сиэтла, когда догнал уличного воришку и вернул владельцу украденную сумку. Летом 1970 года Тед спас трехлетнего малыша, тонувшего в озере Грин на северной окраине Сиэтла. Только Тед заметил, что ребенок отстал от родителей и тонет, бросился в воду и спас его.

Не терял он связи и с республиканцами. Был членом комиссии избирательного округа и все более активно участвовал в партийной работе.

Близкие считали Мег подругой Теда. Он привел ее знакомиться с Луиз и Джонни Банди в несуразный сине-белый такомский дом, и им она понравилась. Луиз радовалась, что сын, похоже, оправился от разрыва со Стефани.

С 1969 года Мег стала желанной гостьей и в такомском доме Банди, и в загородном треугольном домике, построенном на озере Кресент неподалеку от Гиг Харбор, штат Вашингтон. Мег, Тед и Лиэн часто совершали походы, сплавлялись на плотах и ходили по реке под парусом, а также несколько раз ездили в Юту или Элленсберг, штат Вашингтон, навестить Джима Паулюса, школьного друга Теда.

Все, к кому они приезжали, находили Мег милой и веселой, преданной Теду, и их свадьба казалась лишь вопросом времени.

Глава 4

Кабинеты Сиэтлского центра психологической поддержки в 1972 году располагались в огромном викторианском особняке на Капитолийском холме. Некогда район богатых отцов-основателей, сегодня Капитолийский холм на втором месте в городе по уровню преступности. Множество старинных зданий разбросано тут и там посреди жилых домов и на территории Центральной больницы. Идя волонтером в Центр психологической поддержки, я опасалась работы в ночную смену, но когда дома четверо детей, другого свободного времени просто не выкроить.

Тед Банди приступил к студенческой практике примерно тогда же, когда я стала волонтером. Я работала с десяти вечера до двух ночи один раз в неделю, Тед – несколько ночей с девяти вечера до девяти утра. Всего на круглосуточных телефонах сидели 51 доброволец и дюжина практикантов. Из-за смещенного графика большинство из нас никогда не пересекались. С Тедом мы стали напарниками по чистой случайности. Об этой случайности я много с тех пор размышляла, задаваясь вопросом, почему из полусотни сотрудников именно мне пришлось провести с Тедом так много времени.

Среди нас не было ни одного профессионального социального психиатра, но мы сочувствовали людям и действительно хотели помочь попавшим в беду. Сначала всех волонтеров и студентов-практикантов проверял на собеседовании протестантский священник и глава центра Боб Вон, а также магистр социальной психиатрии Брюс Камминс. На трехчасовом вступительном собеседовании мы «доказали», что нормальны, равнодушны и не запаникуем в чрезвычайных ситуациях. Между собой мы любили повторять, что нам всем необходимо сохранять здравомыслие, иначе чужих проблем лучше не касаться.

После прохождения четырехчасового курса стрессовых психологических ситуаций, когда будущие волонтеры отвечали на инсценированные звонки с разного рода проблемами, нас обучали опытные волонтеры непосредственно у телефонов – давали слушать звонки в параллельные трубки. Теда и меня учил доктор Джон Эшельман, умница и добряк, сегодня декан экономического факультета Сиэтлского университета.

Вечер первой встречи с Тедом я помню. Джон указал на сидевшего у телефона за перегородкой молодого человека и сказал:

– Это Тед Банди. Он будет с тобой работать.

Он поднял голову и улыбнулся. Ему было двадцать четыре года, но выглядел он моложе. В отличие от большинства тогдашних длинноволосых и часто бородатых студентов Тед был гладко выбрит, коротко стриженные выющиеся каштановые волосы открывали уши: пятнадцать лет назад, в пору моей учебы, студенты именно так и ходили. Одет он был в футболку с коротким рукавом, джинсы и кроссовки, а на столе громоздились учебники.

Он мне сразу понравился. И неудивительно. Он принес мне чашку кофе и, указывая на удивительно широкие ряды телефонных аппаратов, произнес:

– Думаешь, мы справимся? После полуночи Джон уйдет.

– Надеюсь, – ответила я.

Я и вправду на это очень надеялась. Только около десяти процентов звонивших покушались на самоубийство, но и других пугающих проблем хватало. Смогу ли сказать нужные слова? Сумею правильно поступить?

Со временем из нас вышел хороший тандем. Работая по соседству в двух захламленных комнатах на верхнем этаже, в чрезвычайных ситуациях мы, кажется, могли общаться без слов. Если кому-то из нас звонил угрожающий самоубийством, он давал сигнал связаться с телефонной компанией и отследить звонящего.

Ожидание всегда кажется бесконечным. В 1971 году у нас почти час уходил на то, чтобы без наводящих на местоположение слов отследить местоположение абонента. Один из нас старался разговаривать с потенциальным самоубийцей успокаивающим тоном, пока другой носился по кабинетам и звонил в городские службы.

Нам звонили терявшие сознание от передозировки, но мы всегда старались поддержать разговор до тех пор, пока в мембране не раздавались голоса, и наконец кто-то брал трубку и отвечал: «Все в порядке. Мы уже рядом с ним. Везем его в больницу».

Если, как полагают сегодня многие, Банди забирал жизни, он также и спасал жизни. Я знаю, что он спасал жизни, потому что я была тогда рядом.

Четко, как будто это было вчера, я вижу его, склонившегося над телефоном, не переставшим говорить утешительные слова; вижу, как он поднимает голову, смотрит на меня, пожимает плечами и криво улыбается. Слышу, как он с бесконечным терпением и заботой поддакивает старушке, которая говорит, что в свете газовых фонарей Сиэтл воистину прекрасен, вижу, как он вздыхает и закатывает глаза, внимая покаянной тираде алкоголика. Он никогда не грубил и никогда не торопился. В голосе Теда странно смешивались протяжность западного акцента и точность отрывистой фразировки британского произношения. Это можно назвать галантностью.

Отгороженные от ночи, за запертыми от случайных неадекватных абонентов дверьми, мы в двух своих рабочих кабинетах чувствовали себя островитянами. Двое в целом здании, лишь по телефону связанные с внешним миром.

За стенами слышались сирены полицейских машин и карет скорой помощи, мчащихся по Пайн-стрит к находящейся в соседнем квартале окружной больнице. Вместе с лучами далекого света, сквозь крошечную тьму доходившими до нас от раскинувшегося перед нами порта, и шуршавшим в соснах дождем со снегом сирены казались единственным напоминанием о мире людей снаружи. Нас словно замуровали в бойлерной чужих бед.

Почему мы так быстро стали близкими друзьями, я не знаю. Возможно, потому, что на дежурстве нам приходилось иметь дело с напряженными ситуациями жизни и смерти, сближающими, как окопное братство. Может, вследствие изоляции и из-за того, что мы все время говорили с людьми о самых сокровенных проблемах.

Поэтому, когда выпадали спокойные ночи, когда полная луна наконец шла на убыль, когда кончалось пособие и денег на спиртное не было, когда на ночных прохожих и абонентов, казалось, снисходил прилив спокойствия, мы с Тедом болтали часами напролет.

На первый взгляд могло показаться, что проблем у меня больше, чем у Теда. Он был одним из той редкой породы людей, кто внимательно вас слушает и искренне вами интересуется. Ему расскажешь то, что никогда не расскажешь никому другому.

Большинство волонтеров пришли в центр, потому что сами многое пережили и могли лучше понять обратившихся за помощью. Не была исключением и я. В двадцать один год покончил с собой мой единственный брат. Старшекурсник Стэнфорда, он собирался поступить в Гарвардскую медицинскую школу. Я пыталась убедить его, что жизнь прекрасна и бесценна, но тщетно, потому что мы были слишком близки, и его боль я воспринимала слишком остро. Мне казалось, спаси я еще хоть чью-то жизнь, и мое чувство вины ослабнет.

Тед молча слушал мой рассказ о брате, о долгой ночи ожидания, когда помощники шерифа искали Дона и нашли слишком поздно в безлюдном парке на севере Пало-Альто. Брат умер от отравления угарным газом.

В 1971 году у меня хватало проблем. Брак разваливался, а меня опять терзало чувство вины. На развод мы согласились всего за неделю до того, как у Билла диагностировали злокачественную меланому, смертельный рак кожи.

– Как мне поступить? – спросила я Теда. – Как мне бросить умирающего?

– Ты уверена, что он умирает? – спросил Тед.

– Нет. Во время первой операции все злокачественные новообразования удалили, и кожные лоскуты прижились. Он хочет развестись. На самом деле хочет, но мне кажется, что я бросаю больного, который во мне нуждается.

– Но ведь это его желание? Если он кажется в порядке, если вместе вам плохо, ты не должна чувствовать вину. Это его решение. Его жизнь, в особенности потому, что ему недолго осталось. И так он хочет провести остаток жизни.

– Ты говоришь со мной как с одним из наших абонентов? – с улыбкой произнесла я.

– Может быть. Наверное. Но мое ощущение не меняется. Вы оба заслуживаете того, чтобы наладить свою жизнь.

Совет Теда оказался правильным. Мы развелись, Билл снова женился и прожил еще четыре замечательных года.

События 1971 года в моей жизни не так уж важны для рассказа о Тед, кроме того, насколько его тогдашнего характеризуют пронизательный взгляд на мои проблемы и безоговорочная поддержка и вера в мою способность заработать на жизнь писательством. Он был человеком, которому я доверяла долгие годы. Я открылась Теду, и ему стало проще говорить о своих проблемах, хотя заговорил он о них далеко не сразу.

В одну из ночей он проехал на кресле через проем и оказался за столом рядом со мной. За его спиной висел один из множества занимавших почти все стены плакатов – скулящий котенок, который лез по толстой веревке, и надпись: «Доберешься до конца веревки... завяжи узел и держись».

Тед помолчал, пока мы пили кофе. Потом, глядя на свои руки, сказал:

– Представляешь, только год назад я понял, кто я на самом деле. То есть я всегда знал, кто я, но мне требовалось подтверждение.

Ожидая продолжения истории, я удивленно посмотрела на него.

– Я – незаконнорожденный. После моего рождения мать не осмелилась признаться, что я ее сын. Я родился в приюте для матерей-одиночек, а дома она и ее родители рассказывали всем, что я ее брат. Я рос, думая, что мать – это моя сестра, а я – поздний ребенок бабушки и дедушки.

Он остановился, посмотрел на стену дождя за окном. Я молчала. Он еще не договорил.

– Я знал. Не спрашивай, откуда. Слышал разговоры. Или сообразил, что у брата с сестрой не бывает разницы в двадцать лет. И еще Луиз всегда обо мне заботилась. Я рос, зная, что она моя настоящая мать.

– Ты ей об этом говорил?

Он помотал головой.

– Нет, им было бы больно. С ними об этом говорить не стоило. Когда я был маленьким, мы с Луиз от бабушки с дедушкой уехали. Немыслимо, будь они вправду моими родителями. В 1969 году я вернулся на восток. Хотел найти доказательства. Узнал, что родился в Вермонте, пошел в мэрию посмотреть документы. Это несложно – назвал фамилию матери и попросил свое свидетельство о рождении.

– И что ты почувствовал? Ты был шокирован или расстроен?

– Нет. Думаю, мне стало легче. И я несколько не удивился. Что-то вроде необходимости узнать правду, прежде чем жить дальше. И когда я увидел в свидетельстве о рождении ее фамилию, я все понял. Я уже не ребенок. Мне двадцать один год, я точно знаю.

– Они тебе лгали. Чувствуешь себя обманутым?

– Нет. Не знаю.

– Знаешь, иногда ведь лгут из любви, – сказала я. – Мать от тебя не избавилась. Она сделала все, что было в ее силах. Она наверняка очень тебя любила.

Он кивнул и с нежностью произнес:

– Я знаю, знаю.

– И посмотри на себя сейчас. Ты стал хорошим человеком. Ты стал просто замечательным человеком.

Он взглянул на меня и улыбнулся.

– Надеюсь. Да, пожалуй.

Мы никогда больше об этом не говорили. Когда в 1946 году в Филадельфии Луиз поняла, что беременна, я жила в тридцати милях от нее и училась в школе в Коутсвилле. Помню, когда забеременела моя соседка по парте – об этом говорила вся школа. Таковы были нравы в 1946 году. Мог ли в 1971 году Тед это понять? Мог представить, через что пришлось пройти его матери, чтобы его оставить?

Теду удалось реализовать большую часть своих талантов. На старших курсах психологического факультета он хорошо учился – практически на одни пятерки. При том, что ночами еще работал на телефоне психологической поддержки. Тед был знаком со всеми аспектами психологии.

В осеннем семестре 1971 года Тед ходил на лекции по экологической биологии, адаптации человека, возможностям человека, и на специальные семинары для лучших студентов.

Он был красив, но пережитые трудности, казалось, сделали его еще красивее, словно ограничив его черты.

И он был физически силен. Намного сильнее, чем показалось мне при первой встрече. Худощавый, почти хрупкий, и я даже приносила печенье или бутерброды его подкормить. Мне казалось, он недоедал. Но однажды я увидела, как он приехал в клинику на велосипеде в обрешанных джинсах, и удивилась, что ноги у него мускулистые как у спортсмена. Он был худым, но сильным. А его мужская привлекательность была такова, что я думала: будь я одинока или мои дочери постарше, он был бы идеальной парой.

Тед довольно много рассказывал о Мег и Лиэн. Мне казалось, хотя он никогда этого не говорил, что он живет вместе с Мег.

– Она очень интересуется твоей работой, – сказал он однажды. – Не могла бы ты принести ей почитать пару твоих детективных журналов?

Я принесла, и он унес их с собой. Он ни разу о них не упомянул, и я уверена, что он их не читал.

В одну из ночей мы заговорили о его планах поступить в юридическую школу. Уже пришла весна, и он впервые рассказал мне о Стефани.

– Я люблю Мег, и она действительно меня любит, – начал он. – Помогает мне расплатиться за учебу. Я ей многим обязан. Мне не хочется ее обижать, но есть кто-то, о ком я все время думаю.

Он снова меня удивил: раньше он ни о ком, кроме Мег, не говорил.

– Ее зовут Стефани, и я давно с ней не встречался. Живет она в Сан-Франциско, и она очень красивая. Высокая, почти с меня ростом, и родители у нее состоятельные. Всю жизнь только и знала, что быть богатой. Поэтому в ее мир я просто не вписываюсь.

– Вы еще общаетесь? – спросила я.

– Иногда. Болтаем по телефону. Всякий раз, когда я слышу ее голос, все возвращается. Не могу ни на что решиться, пока не попробую еще раз. Готов поступить в любую юридическую школу, только бы в районе Сан-Франциско. Думаю, наша проблема в том, что мы слишком далеко друг от друга. Думаю, окажись мы оба в Калифорнии, мы снова были бы вместе.

Я спросила, как давно они расстались. Он сказал, что в 1968 году, но у Стефани до сих пор никого нет.

– Думаешь, если я пошлю ей дюжину красных роз, она полюбит меня снова?

Вопрос был настолько наивный, что я посмотрела на него, не шутит ли он. Он не шутил. Весной 1972 года он говорил о Стефани так, будто они расстались вчера.

– Я не знаю, Тед. Розы помогут, если она тебя не разлюбила. Но если разлюбила, они не заставят ее полюбить тебя снова.

– Она единственная женщина, которую по-настоящему люблю. Совсем не так, как Мег. Трудно это объяснить. И я не знаю, что мне делать.

Видя блеск в его глазах, когда он говорил о Стефани, я легко представила, какой удар ждет Мег. Я убедила его не давать Мег обещаний, которых не сможет сдержать.

– Рано или поздно тебе придется выбрать. Мег тебя любит. Она помогала тебе в трудные времена, когда у тебя не было денег. И ты сказал, что в семье Стефани ты ощущаешь себя бедняком. Мег – реальность, а Стефани – только мечта. Подумай о том, что ты почувствуешь, если потеряешь Мег. Что бы ты сделал, узнав, что у нее есть другой?

– Однажды такое бывало. Забавно, что ты об этом заговорила: это просто сводит меня с ума. Как-то раз мы поссорились. Потом я увидел рядом с ее квартирой машину какого-то парня. Я обежал дом, встал на мусорный бак и заглянул в окно. С меня градом катился пот, я походил на сумасшедшего. Мысль, что у Мег кто-то есть, была мне невыносима. Я не верил, что со мной это происходит.

Он помотал головой, вспоминая припадок обуявшей его ревности.

– Выходит, Мег значит для тебя больше, чем ты думаешь.

– В том-то и проблема. Сегодня я хочу остаться с ней, жениться, помогать растить Лиэн, хочу еще детей – этого хочет и Мег. Порой мне кажется – это все, чего я хочу. Но у меня нет и еще долго не будет денег. Но я в самом начале пути и пока не хочу окуна́ться в эту жизнь. Но завтра я думаю о Стефани, о нашей совместной жизни. И тоже этого хочу. Я никогда не был богатым и хочу разбогатеть. Но как я могу сказать: «Мег, спасибо за все и прощай»?

Зазвонил телефон, и вопрос остался без ответа. В смятении Теда ничего необычного для человека его возраста не было. Напротив, скорее, это нормально. Ему требовалось время созреть, подумать, после чего он непременно сделал бы правильный выбор.

Вскоре после этого я приехала на работу и узнала, что Тед подал документы в юридическую школу Стэнфордского и Калифорнийского университетов в Беркли.

Он казался главным кандидатом в юридическую школу. У него был острый ум, настойчивость и безоговорочная вера в возможность легитимных реформ системы власти. Воззрения Теда резко выделяли его среди прочих студентов-практикантов центра психологической поддержки. Те были наполовину хиппи: и внешне, и по политическим взглядам. А Тед был консервативным республиканцем. Они считали его белой вороной, в особенности в спорах о постоянно вспыхивающих в кампусе беспорядках.

– Приятель, ты не прав, – говорил ему один бородатый студент. – Ты не прекратишь Вьетнам, улаживая старых маразматиков в конгрессе. Они только думают, как получить еще один контракт с «Боингом». Думаешь, им не наплевать, сколько еще там убьют наших?

– Анархия – не решение. Вы распылите силы и останетесь ни с чем, – возражал Тед.

В ответ они лишь усмехались. Для них Тед был исчадьем ада. Все их протесты и марши, блокады федеральной автомагистрали № 5 его бесили. Много раз он пытался остановить демонстрации, размахивая дубинкой и убеждая протестующих разойтись. Он думал, что есть лучшие методы добиться желаемого, но сам, как ни странно, выходил из себя не меньше тех, кого пытался остановить.

Разъяренным я его никогда не видела. Даже разгневанным. При всем желании мне уже не упомнить всех наших разговоров, но могу сказать одно – мы никогда не спорили. И со мной, и с любой женщиной, с которой я его когда-либо видела, Тед обходился со старомодной учтивостью, и это казалось мне привлекательным.

В предрассветные часы после смены он неизменно провожал меня до машины. И стоял, пока не убеждался, что я в безопасности: села, заперла двери и завела двигатель, после чего

махал мне на прощание перед дорогой домой длиной в двадцать миль. Он часто повторял: «Будь осторожна. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось».

По сравнению с приятелями-детективами из сиэтлского отдела убийств, в полночь напутствовавших меня на дорогу домой смехом и словами: «Мы последим из окошка, и если к тебе кто пристанет, наберем 911», – Тед был рыцарем в сияющих доспехах.

Глава 5

Из центра психологической поддержки мне весной 1972 года пришлось уйти. Я писала по шесть дней в неделю, да и звонки начали утомлять. За полтора года я слишком много слышала одних и тех же проблем. У меня хватало своих. Муж съехал, мы подали на развод. Двое детей подросткового и двое предподросткового возраста у меня дома создавали предостаточно кризисов, с которыми мне приходилось разбираться. Тед окончил университет в июне. Прежде мы общались только в центре психологической поддержки, теперь же стали изредка перезваниваться, но встретила я его только в декабре.

Развод состоялся 14 декабря. А 16 декабря Брюс Каммингс пригласил на рождественскую вечеринку всех нынешних и бывших сотрудников центра в свой дом на озере Вашингтон. У меня была машина, но не было спутника, и, зная, что у Теда машины нет, я позвонила ему и спросила, не хочет ли он поехать на вечеринку со мной. Он, кажется, обрадовался, и я заехала за ним к Роджерсам на 12-ю Норд-Ист-стрит. Фреда Роджерс мне улыбнулась и позвала Теда.

Всю дорогу от Университетского района и до самой южной окраины мы делились новостями с нашей последней встречи. Тед летом стажировался в окружной больнице Харборвью в консультации по вопросам психического здоровья. Служа в пятидесятые в полиции, я доставила на пятый этаж окружной парочку психически ненормальных и отлично знала обширный больничный комплекс. Однако о летней работе Тед не распространялся. Больше рассказывал об участии в губернаторской кампании осени 1972 года.

Нанял его комитет по переизбранию губернатором штата Вашингтон Дэна Эванса. Бывший губернатор Альберт Роселлини решил вернуться, и Теду поручили ездить за Роселлини и записывать его речи на пленку для аналитиков Эванса.

– Я просто смешивался с толпой, и никто меня не узнавал, – объяснял Тед.

Ему нравился маскарад – он то приклеивал усы, то без труда, как недавний студент, прикидывался студентом и забавлялся тем, как Роселлини легко менял тональность речей – для выращивающих пшеницу фермеров с востока штата или выращивающих яблоки садоводов в Уэнатчи. В отличие от рубахи-парня Эванса Роселлини был прожженным политиком.

Пребывание в эпицентре кампании, охватывающей целый штат, встречи для передачи пленок с самим губернатором Эвансом и его заместителями кружили Теду голову.

2 сентября за рулем лимузина, в котором сидели губернатор Эванс и другие высокопоставленные лица, Тед первым проехал по автостраде Норт Каскэйд, проходящей по впечатляющим ландшафтам севера штата Вашингтон.

– Ждали приезда президента Никсона, – вспоминал Тед. – Всех проверили агенты секретной службы. Но вместо него появился его брат. Мне было все равно. Мне надо было проехать шестьдесят четыре мили через горы, ведя за собой колонну в 150 тысяч человек.

Кампания по переизбранию Эванса увенчалась успехом, и Тед был у властей на хорошем счету. На момент рождественской вечеринки он работал в сиэтлской городской комиссии по предупреждению преступности и занимался пересмотром закона штата о путешествии автостопом, вновь легализовавшем голосование на дорогах.

– Запиши меня в ярые противницы автостопа, – сказала я. – Слишком много мне пришлось написать историй о женщинах, убитых в попутке.

Тед не отказался от намерения поступать в юридическую школу, но уже метил на пост председателя комиссии по предупреждению преступности и даже фигурировал в коротком списке кандидатов. На перспективу получить должность он смотрел оптимистично.

На вечеринке мы разошлись. Раз или два я танцевала с Тедом и заметила, что он явно недурно проводит время, болтая с разными женщинами. Кажется, его пленила одна молодая женщина из сиэтлской Лиги юниорок, тоже волонтер центра, но мы оба раньше ее не видели.

Удивляться не приходилось, поскольку некоторые ночные смены никогда не пересекались. Ее мужем был молодой подающий надежды юрист, сегодня один из самых преуспевающих сиэтлских адвокатов.

Казалось, она внушала Теду благоговейный трепет, но он с ней не заговорил – только, указав на нее, спросил меня о ней. Она была красива – длинные темные прямые волосы с пробором посередине; о деньгах и вкусе говорил ее наряд: черная с длинным рукавом блузка, прямая белая шелковая вечерняя юбка, солидная золотая цепочка и серьги.

Об увлеченности Теда ею она, по-моему, и не догадывалась, но несколько раз я за вечер видела, как он смотрел на нее. Экспансивный и непринужденный со всеми остальными на вечеринке он, как правило, был душой компании.

За рулем была я, поэтому Тед выпивал и, когда мы уходили в два часа ночи, уже прилично поднабрался. Дружелюбный и расслабленный от выпивки, он влез на заднее сиденье и принялся бормотать об этой произведшей на него столь сильное впечатление женщине.

– Такую я всегда хотел. Она – идеал. Но она даже на меня не взглянула.

И крепко заснул.

Когда я подъехала к дому Роджерсов, он пребывал едва ли не в коматозном состоянии, и мне пришлось с десять минут его тормошить, чтобы привести в себя. Я довела его до двери и пожелала доброй ночи, с улыбкой глядя, как он запнулся в дверном проеме.

Неделю спустя я получила рождественскую открытку от Теда. На ней он печатными буквами вывел: «О. Генри написал рассказ «Дары волхвов», где двое влюбленных пожертвовали друг для друга самым дорогим. Она состригла длинные волосы и купила возлюбленному цепочку для часов. А он продал часы и купил ей гребень. В дурацких с виду поступках эти двое обрели дух волхвов».

Это мой любимый святочный рассказ. Как он узнал?

От себя Тед добавил: «Пусть этот Новый год станет замечательным для такой талантливой, очаровательной и с недавних пор свободной женщины. Спасибо за вечеринку. С любовью, Тед».

Меня этот жест тронул. В этом был весь Тед. Он знал, как подобным проявлением чувств может оказать столь необходимую мне эмоциональную поддержку.

Похоже, ничем на свете я ему не могла ответить. Романтического интереса он ко мне не испытывал. Почти такая же бедная, как он, и нисколько не влиятельная. Открытку он прислал, потому что мы были друзьями. Глядя на нее из сегодняшнего дня и сравнивая с десятками последующих его писем, не могу не отметить бросающейся в глаза разницы. Больше нигде, кроме этой открытки, нет примет такого непринужденного довольства жизнью.

Место председателя Комитета по профилактике преступлений Тед не получил и в январе 1973 года оттуда ушел. В следующий раз я встретила его дождливым мартовским днем. С давней подругой Джойс Джонсон, знакомой мне еще по работе в полиции, а сейчас ставшей следователем отдела по борьбе с сексуальными преступлениями, мы шли пообедать, и Тед стоял у тюремного лифта в полицейском участке. Он отрастил бороду и настолько изменился, что я его не сразу узнала, пока он меня не окликнул и схватил за руку. Я представила ему Джойс, а он с гордостью рассказал, что работает в Управлении планирования законодательства и отправления правосудия округа Кинг.

– Изучаю дела об изнасилованиях, – объяснил он. – Если сможешь достать мне подшивки твоих рассказов по делам об изнасилованиях – это поможет в моих исследованиях.

Я пообещала посмотреть в своем архиве и отобрать рассказы, часто написанные на основе следственных дел Джойс, и передать ему. Но руки так и не дошли, а потом о его просьбе я просто забыла.

Тед вторично подал документы для поступления в юридическую школу Университета Юты – во многом по настоянию Мег. В Юте ее отец был состоятельным врачом, а у братьев

и сестер Мег была хорошая работа, и она надеялась, что однажды они с Тедом тоже осядут в штате мормонов.

На сей раз его приняли быстро, хотя на прошлое заявление в 1972 году последовал отказ, несмотря даже на диплом с отличием Вашингтонского университета. Средний балл диплома Теда составлял 3,51 – оценка, к которой стремится каждый студент, однако на квалификационном юридическом экзамене он набрал недостаточно баллов по стандартам Университета Юты. В 1973 году ему помогли рекомендательные письма профессоров и губернатора Дэна Эванса. Помимо стандартного заявления Тед подготовил резюме с описанием всех достижений после окончания Вашингтонского университета и шестистраничное эссе своего видения правовой системы.

Это был внушительный пакет.

Составленный Тедом список последипломной занятости:

«Консультант учреждений исполнения уголовных наказаний, январь 1973 год. В настоящее время работаю в Управлении планирования законодательства и отправления правосудия округа Кинг, занимаюсь определением уровня рецидивизма правонарушителей, признанных виновными в правонарушениях и преступлениях в 12 судах первой инстанции округа. Цель исследования – определение характера и числа преступлений, совершаемых после вынесения приговора судом первой инстанции.

Помощник председателя Комиссии по предупреждению преступности, октябрь 1972 – ноябрь 1973 года. В качестве помощника председателя Комиссии по предупреждению преступности предложил и провел предварительное исследование нападения на женщин и должностных (экономических) преступлений. В Комиссии писал пресс-релизы, речи и газетные статьи. Активно участвовал в планировании деятельности Комиссии на 1973 год.

Консультант по психиатрии, июнь – сентябрь 1972 года. Полностью вел 12 пациентов на протяжении четырехмесячной стажировки в амбулаторном отделении больницы Харборвью. Периодически проводил с ними беседы. Заполнял истории болезни, постоянно пересматривал текущие диагнозы, направлял на медицинские и психиатрические обследования. Участвовал в многочисленных учебных занятиях для персонала больницы».

И далее:

«В юридическую школу я хочу поступить потому, что в профессиональной и общественной деятельности мне ежедневно требуется знание законов, которого мне не хватает. Изучение поведения преступников, экспертиза законопроектов перед внесением на рассмотрение законодательными органами, отстаивание судебной реформы или намерение учредить свою акционерную компанию – приводит меня к пониманию недостаточности юридических знаний. Мой образ жизни требует знания и навыков применения законов. Я просто хочу быть независимым.

Не буду пускаться в пространные рассуждения о том, что юридическая практика – моя жизненная цель или мне не важны предоставляемые юридическим образованием гарантии материальной обеспеченности и престижа. Однако самое главное для меня состоит в том, что с законом мне приходится работать каждый день.

В юридическую школу я хочу поступить потому, что она сможет помочь мне эффективнее исполнять избранную мной общественную функцию.

Т.Р.Б».

Вступительное эссе демонстрировало отличную эрудицию Теда и пестрело цитатами – начиная с Фрейда и заканчивая отчетом Президентского комитета по правоприменительной деятельности и отправлению правосудия. Начал он с дискуссии о насилии: «Отправной точкой нашего исследования служат отношения между такими понятиями, как сила и право. Хотя слово «сила» я заменил бы более точным словом «насилие». Сегодня антиномия права и насилия выражена наиболее ярко».

Он не смягчил позиции в отношении беспорядков, студенческих восстаний и безвластия. Закон был прав. Остальное было насилием.

Писал Тед и об участии в исследовании судов присяжных. «Используя компьютерные данные 11 тысяч дел по тяжким преступлениям, собранные в рамках Проекта по оценке уголовного судопроизводства в штате Вашингтон, я составляю программы, способные, по-моему, дать приблизительные ответы... на вопросы о ведении дел по тяжким преступлениям.

Он говорил о проведенном им исследовании по выявлению зависимости влияния на обвиняемого расового состава жюри.

Убедительное и подробное вступительное эссе, представленное Тедом в начале 1973 года в юридическую школу Университета Юты, возымело действие и даже затмило заурядный балл квалификационного экзамена. Однако осенью 1973 года Тед, как ни странно, в юридическую школу не пошел, и приведенная им декану приемной комиссии причина была на удивление лживой.

За неделю до начала занятий он «с искренним сожалением» сообщил, что попал в серьезную автокатастрофу и госпитализирован. Он объяснил, что тянул до последнего, рассчитывая, как выяснилось, напрасно, к осеннему семестру оправиться. Он извинялся за задержку оповещения университета и выражал надежду, что ему найдут замену.

Авария была незначительная, Тед только потянул лодыжку, в больницу не попадал и был в отличном состоянии. Правда, машину Мег он разбил. Почему в 1973 году он передумал поступать в Университет Юты, остается загадкой.

В его эффектном досье были и другие несоответствия. И исследование дел по изнасилованиям, о котором он мне рассказывал, и изучение расового состава жюри были лишь задумками. Ни над одной из них он даже не начинал работать.

И все же осенью 1973 года Тед поступил в другую юридическую школу при Университете Пьюджет-Саунда в родном городе Такома. На вечерние занятия за 26 миль от дома Роджерсов он ездил по понедельникам, средам и пятницам, в общей машине с еще тремя студентами. А после занятий часто заходил с ними выпить пива в таверну «Крикуотер».

Возможно, в Вашингтоне Тед решил остаться из-за предложенной в апреле 1973 года политической синекуры должности помощника Росса Дэвиса, председателя отделения Республиканской партии штата Вашингтон. Зарплата в тысячу долларов в месяц была самой большой в жизни Теда. Работа давала «привилегии», которыми любой, кто стремится к деньгам и признанию, мог бы упиваться: специальная кредитная карта Республиканской партии, участие во встречах с «большими боссами» и возможность периодически пользоваться шикарным лимузином. Были и полностью оплаченные поездки по всей территории штата.

Дэвис и его жена высоко ценили Теда. Минимум раз в неделю его приглашали на семейные обеды, и он часто оставался присматривать за их детьми. Дэвис называл Теда «умным, напористым и притом – редкостным сторонником системы».

Работа в Республиканской партии не мешала Теду хорошо учиться в вечерней юридической школе Университета Пьюджет-Саунда. Жить он продолжал в Университетском квартале в Сиэтле в доме Фреды и Эрнста Роджерсов. Эрнст болел, и в свободное время Тед помогал с ремонтом дома.

1973 год был для Теда годом больших потрясений. В ту пору я видела его лишь однажды – тем мартовским днем в полицейском участке. Наша дружба была из тех, когда видишься редко, но всякий раз рад встрече и понимаешь, что как минимум на поверхности это все тот же человек, кого ты знала раньше.

Снова я встретила с Тедом в декабре 1973 года и опять на рождественской вечеринке в доме одного из руководителей центра психологической поддержки в районе Лорелхерст, на севере Сиэтла. В этот раз Тед пришел с Мег Андерс – так я впервые ее увидела.

Помню, как будто это было вчера: мы втроем стоим на кухне и разговариваем. Кто-то оставил на столе огромную миску жареных куриных крылышек, и пока мы говорили, Тед их поглощал.

Тед никогда не описывал мне Мег. Он делился воспоминаниями о красоте Стефани Брукс, и я помнила его реакцию на ту высокую темноволосую женщину с прошлогодней вечеринки. Ни на одну из них Мег не походила. Миниатюрная, она казалась очень ранимой, длинные светло-русые волосы затмевали черты ее лица. Теда она явно боготворила и жалась к нему, стесняясь общаться с другими гостями.

Я обмолвилась, что на прошлой вечеринке мы с Тедом были вместе, и она просияла.

– Правда? Это были вы?

Я кивнула.

– У меня не было кавалера, а у Теда – машины, и мы решили объединиться.

Казалось, у Мег камень упал с души. Ясно, я была ей не соперница – милая леди средних лет с кучей детей. Мне было интересно, почему Тед заставлял ее целый год мучиться, когда мог легко объяснить, что мы друзья?

Большую часть вечера я проговорила с Мег, казалось, испуганной всеми этими снующими вокруг незнакомцами. Она оказалась очень умной и милой. И в центре ее внимания был Тед. Когда он терялся в толпе, она искала его взглядом. Она изо всех сил старалась вести себя естественно, но кроме него для нее никого не существовало.

Я очень хорошо ее понимала. Три месяца назад я влюбилась в мужчину, который не был и никогда не будет свободным, и сочувствовала шаткости ее положения. Тем не менее Тед прожил с ней уже четыре года и казался преданным ей и Лиэн. Возможно, однажды они поженятся.

Видя Мег и Теда вместе, я подумала, что Тед оставил фантазии о Стефани. Однако я глубоко ошибалась. Ни Мег, ни мне не было известно, что недавно Тед провел со Стефани Брукс несколько дней, более того, *обручился* со Стефани и на этой неделе с нетерпением ждал новой встречи.

Тед так тщательно разделил свою жизнь перегородками, что с одной женщиной он мог быть одним, а с другой – совершенно другим. Он вращался во многих сферах, однако большая часть его друзей и коллег не подозревали о других сторонах его жизни.

Простившись в декабре 1973 года с Тедом и Мег, я не надеялась еще когда-нибудь встретить Теда. Нас связывал центр психологической поддержки, но оба мы из него ушли. Я не представляла, что однажды Тед Банди круто изменит *мою* жизнь.

Прошло почти два года, прежде чем я услышала о Тедке снова – при обстоятельствах, заставивших меня испытать сильнейший шок из всех, что я испытала или еще смогу испытать.

Глава 6

Большинство из нас лелеют фантазию, в которой мы возвращаемся, чтобы предстать перед потерянной первой любовью, и в этом воссоединении мы выглядим красивее, стройнее, богаче и желаннее – желаннее настолько, что наша потерянная любовь тотчас понимает, что совершила ужасную ошибку. В реальной жизни так случается редко, но фантазия помогает смягчить боль отказа. В 1969 году Тед однажды уже попытался отыскать путь к сердцу Стефани Брукс, чтобы разжечь, казалось, угасший огонь, но безуспешно.

Однако к лету 1973 года Тед Банди кое-чего достиг. Он работал, строил планы и выковылывал из себя того мужчину, которого, по его представлению, Стефани бы хотела. Несмотря на стабильные отношения с Мег Андерс и четыре года преданности ей, приехав в Сакраменто по делам вашингтонского отделения Республиканской партии, Тед думал только о Стефани. Он связался со Стефани в Сан-Франциско, и перемены, произошедшие с ним за четыре года, поразили ее. Вместо колеблющегося и нерешительного мальчишки без видимых перспектив перед ней был учтивый, спокойный и уверенный в себе мужчина. Ему было почти двадцать семь лет, и, кажется, он стал внушительной фигурой в политических кругах штата Вашингтон.

Во время совместного ужина ее удивила его новая для нее мужественность и то, в какой непринужденной манере он обращался с официантом. Вечер получился незабываемый, и по его окончании Стефани с готовностью дала согласие на скорую встречу с Тедом в Сиэтле для обсуждения возможного совместного будущего. О Мег он не упомянул. Казалось, он готов посвятить себя Стефани, как и она ему.

В сентябре она прилетела в Сиэтл в отпуск. Тед ее встретил в аэропорту на машине Росса Дэвиса и отвез в отель «Юниверсити Тауэрс». Он взял ее с собой на ужин к Дэвисам. Казалось, Дэвисы ее сердечно приветствовали, и она не возражала, когда Тед представил ее как невесту.

На выходные он снял кондоминиум на горнолыжном курорте Альпентал на перевале Сноквалми Пасс. На машине Дэвиса он отвез Стефани к Каскадному перевалу, в те же места, где они катались на лыжах студентами. Глядя на роскошный номер, она спросила, как он за него заплатил, но он объяснил, что кондоминиум принадлежит другу его друга.

Это было время идиллии. Тед всерьез говорил о браке, а Стефани слушала. Он снова влюбился в него, но любовью намного сильнее того чувства, которое она питала к нему в пору студенческого романа. Она не сомневалась, что они пожениятся в течение года. Она будет работать, чтобы оплатить его учебу в юридической школе.

Вернувшись в дом Дэвисов, Стефани и Тед сфотографировались на память, стоя в обнимку и улыбаясь. Затем миссис Дэвис отвезла ее в аэропорт на рейс в Сан-Франциско, Тед был на важной политической встрече.

В декабре 1973 года Стефани вернулась в Сиэтл и провела с Тедом несколько дней в квартире его друга-адвоката, уехавшего на Гавайи. Затем она отправилась дальше на север в Ванкувер, Британская Колумбия, встретить Рождество с друзьями. Она была очень счастлива. Они снова были вместе несколько дней спустя после Рождества. Она не сомневалась, что они могли бы уточнить свадебные планы.

Когда Тед познакомил меня с Мег на рождественской вечеринке, он явно убивал время до возвращения Стефани. В те последние дни 1973 года Тед обхаживал Стефани как королеву. Отвел ее в «Тайдун», китайский ресторан в космополитическом районе, – куда они ходили в начале знакомства. Также он водил ее в шикарный восточный ресторан Раби Чоу, чья хозяйка была муниципальным советником Сиэтла, и сказал, что Раби его хороший друг.

Но что-то изменилось. Свадебных планов Тед стал избегать, сказал Стефани, что связан с другой женщиной, женщиной, которой пришлось сделать от него аборт. «С ней все кончено. Но она так часто звонит... думаю, ничего хорошего у нас не выйдет».

Стефани была ошарашена. Тед сказал ей, что пытался от этой другой девушки, чье имя он никогда не называл, «избавиться», но это оказалось сложно. Вчера еще такой любящий и нежный, он мгновенно сделался далек и холоден.

Она приехала к нему ненадолго, а он оставил ее одну на целый день из-за работы над неким «проектом» в школе, вполне, по ее мнению, способным подождать. На Рождество он ей вообще ничего не подарил, зато показал купленные для друга-юриста дорогие шахматы. Она купила ему дорогую индийскую рубашку и галстук-бабочку, однако ее подарки не вызвали у него энтузиазма.

Пылкий любовник превратился в отбывающего номер. Стефани называла это маской «мистера Крутого», сменившей проявления спонтанной страсти. Она поняла, что больше его не привлекает.

Стефани хотела обсудить это, обсудить их планы, но все разговоры Теда сводились к обличительным тирадам о своей семье. Он говорил, что он незаконнорожденный, снова и снова подчеркивал, что Джонни Банди ему не отец, что он не слишком умен и не способен заработать хорошие деньги. Он злился на мать за то, что она никогда не рассказывала ему о настоящем отце. Все семейство Банди он презирал за «недостаток интеллекта». Из всех родственников Тед ценил только дедушку Кауэлла, но старик умер, оставив его одного.

С Тедом произошло что-то, изменившее его отношение к Стефани, и 2 января 1974 года Стефани возвращалась в Калифорнию расстроенная и сбита с толку. В последнюю ночь Тед даже не занимался с ней любовью. Он преследовал ее шесть лет. А теперь словно утратил к ней интерес, стал почти враждебным. Она думала, что они обручились, а он вел себя так, будто не мог дождаться, когда от нее избавится.

В Калифорнии она ждала от него звонка или письма с объяснением перемены в чувствах. Но ничего не последовало. В конце концов она обратилась к психологу, чтобы разобраться в собственных чувствах.

– Думаю, что он меня не любит. Кажется, он просто меня разлюбил.

Психолог посоветовал написать ему письмо, пояснив, что у нее есть вопросы, на которые ей надо получить ответ. На письмо Тед не ответил.

В середине февраля Стефани решила ему позвонить. Рассерженная и уязвленная, она принялась кричать, что он бросил ее, даже не объяснившись. Ровным и спокойным голосом он ответил:

– Стефани, не понимаю, о чем ты...

В трубке раздался щелчок, и связь прервалась. Долгое время спустя она пришла к выводу, что энергичные ухаживания Теда конца 1973 года были тщательно спланированы, что все эти годы он ждал, когда у него появится благоприятная возможность заставить ее снова в него влюбиться, и все это только ради того, чтобы бросить ее, как когда-то она бросила его. В сентябре 1974-го она написала подруге: «Не знаю, что произошло. Он так сильно изменился. Я еле унесла ноги. При одной мысли о его холодном расчете меня охватывает дрожь».

Объяснений от него она так никогда и не дождалась. Она больше о нем не слышала и на Рождество 1974 года вышла за другого.

Глава 7

В декабре 1973 года я занималась самыми разными писательскими проектами. Получила много поручений от помощника шерифа. Они поступили мне из нескольких округов со всего штата Вашингтон в рамках связей с общественностью, делая меня скорее «полковником Кентукки»¹¹, чем настоящей сотрудницей правоохранительных органов. Признаюсь, я получала удовольствие от значка, но реальной правоохранительной работы не вела. В четверг 13 декабря меня попросили помочь в расследовании в округе Терстон, в 60 милях к югу от Сиэтла.

Мне позвонил шериф Дон Редмонд и спросил, смогу ли я принять участие в брифинге по делу об убийстве, расследование которого вел его округ.

– Энн, нам нужно, – начал он, – чтобы ты ознакомишься с обстоятельствами и делом Девайн и составила свое впечатление. Потом нам нужно полное описание всего, что у нас есть на данный момент. Возможно, тебе придется поторопиться, но нам хотелось бы получить около тридцати страниц, освещающих дело, которое мы утром в понедельник могли бы передать прокурору. Ты сможешь это сделать?

На следующий день я поехала в Олимпию на встречу с шерифом Редмондом, его помощником, Дуайтом Кароном, начальником отдела уголовных расследований и детективом, сержантом Полом Барклифтом. Весь день мы занимались разбором отчетов, просмотром слайдов и чтением составленного судмедэкспертом протокола вскрытия по делу об убийстве 15-летней Кэтрин Мерри Девайн.

Кэти Девайн пропала с улицы на северной окраине Сиэтла 25 октября. Красивая девушка-подросток, выглядела она не на пятнадцать, а скорее на восемнадцать лет. Живой ее в последний раз видели, когда она ловила попутку. Подругам она сказала, что собирается бежать в Орегон. Более того, они видели, как она села в пикап к мужчине. Она помахала им на прощание и исчезла. До Орегона она не доехала.

6 декабря тело Кэти нашла пара, нанятая для уборки мусора в парке Маккинни в окрестностях Олимпии. Лежала она в мокром лесу лицом вниз. Она была полностью одета, джинсы разрезаны сзади острым инструментом от талии до шагового шва. Из-за необычно теплой зимы тело довольно сильно разложилось, а дикие звери утащили ее сердце, печень и легкие.

В предварительном заключении патологоанатома говорилось, что ее задушили или, возможно, перерезали горло: прижизненные ранения на шее. Состояние одежды позволяло предположить, что Кэти изнасиловали анально. Она была убита вскоре после того, как ее видели в последний раз.

Помимо тела девушки шериф Редмонд и его следователи нашли пальто из искусственной замши с меховой отделкой, синие джинсы, белую блузку в крестьянском стиле, тяжелые туристические ботинки и несколько дешевых ювелирных украшений. Промежуток времени между исчезновением и обнаружением тела сделал почти невозможным найти ее убийцу.

– Это чертов новый закон об автостопе, – сказал Редмонд. – Детки могут махнуть рукой и залезть в машину к кому угодно.

Информации было мало, но я сделала много заметок и все выходные восстанавливала хронологию дела Девайн, перечисляя все, что нам известно, и пришла к выводу, что Кэти Девайн, скорее всего, убил шофер попутки. Случай казался единичным. Уже несколько лет мне писать о подобных убийствах не доводилось.

Все выходные, кроме субботнего вечера, когда я поехала на вечеринку центра психологической поддержки, я писала тридцатистраничный отчет. Два помощника шерифа из Олимпии

¹¹ Символическое звание за заслуги в штате Кентукки.

приехали за отчетом в воскресенье вечером. Как временный помощник шерифа я получила сто долларов из фонда отдела расследований.

Тем не менее о деле Девайн я не забыла. Несколько месяцев спустя я написала о нем в журнале «Настоящий детектив» и просила тех, кому что-то известно, связаться с управлением шерифа округа Терстон. Таковых не нашлось, и дело осталось нераскрытым.

С наступлением нового 1974 года я поняла, что мне, чтобы поднять четверых детей, необходимо увеличить писательские доходы. Хотя у их отца, казалось, наступила ремиссия, я не забыла слова первого хирурга о том, что Биллу осталось жить от полугода до пяти лет.

Большинство дел я получала от отделов убийств городской полиции Сиэтла и полиции округа Кинг. Тамошние следователи были ко мне исключительно добры и давали интервью, когда уровень преступности в Сиэтле падал. Они мало походили на суровых детективов, какими их изображают в телесериалах и книгах, – наоборот, я обнаружила, что это очень сочувствующие мужчины, понимавшие, что, не окажись у меня достаточно дел, о которых можно написать, моим детям будет нечего есть.

И я тоже никогда их не «подставляла» – не описывала в рассказах не подлежащие оглашению подробности дел. Всегда дожидалась окончания расследования или признания обвиняемого виновным, чтобы мои рассказы не повлияли на решение жюри.

Они доверяли мне, а я доверяла им. Они знали, а я пыталась узнавать все детали расследований убийств. Поэтому эксперты-правоохранители часто приглашали меня на семинары, а однажды я даже прослушала двухнедельный курс по исследованию места совершения убийства, входивший в базовую программу обучения в полицейской школе округа Кинг. Я выезжала на патрулирование с полицейскими штата Вашингтон, кинологическими подразделениями, полицейскими Сиэтла, подразделениями округа Кинг и бригадами скорой помощи. Я провела 250 часов вместе с командой следователей-пожарных пожарного управления Сиэтла.

Не самая обычная работа для женщины, но она мне нравилась. С утра я была погружена в материнские заботы. А во второй половине дня занималась изучением методов расследования убийств и способов определения мест поджога.

Мой дед и дядя были шерифами в Мичигане, а мой опыт службы в полиции лишь упрочил уверенность, что стражи закона – «хорошие парни». И ничто из виденного мною в качестве репортера уголовной хроники их не скомпрометировало, при том, что в начале 1970-х годов нередко всех полицейских поголовно считали свиньями.

Поскольку в известном смысле я снова стала одной из них, меня посвящали в расследуемые дела – такие как дело об убийстве Девайн. Ни с кем, кроме полицейских, я эту информацию не обсуждала, но была в курсе происходящего в 1974 году.

Год начался с ужасного нападения на молодую женщину, жившую в комнате в подвале большого старого дома 4325 по 8-й Норд-Ист-стрит неподалеку от Вашингтонского университета. Произошло оно ночью 4 января и было настолько из ряда вон выходящим, что мне о нем рассказала следователь Джойс Джонсон. В полиции Джойс проработала двадцать два года, ежедневно сталкиваясь с преступлениями, которые шокировали бы большинство стражей закона. Но это нападение сильно потрясло даже ее.

Восемнадцатилетняя Джони Ленц, как обычно, отправилась вечером спать в свою комнату в подвале, черный ход из которого вел на улицу, но дверь обычно была заперта. Когда утром Джони не вышла к завтраку, соседки подумали, что она еще спит. Однако днем они решили к ней спуститься. Через дверь Джони не откликалась. Когда они подошли к кровати, им открылось страшное зрелище – все лицо и волосы Джони Ленц покрывала запекшаяся кровь. Девушка была без сознания. Ее избил оторванным от рамы кровати металлическим прутом, а откинув одеяло, они оцепенели от ужаса, увидев, что прут злодей затолкал ей во влагалище, жестоко повредив внутренние органы.

– Она все еще не пришла в сознание, – неделю спустя сказала мне Джойс. – У меня сердце разрывается, когда я смотрю на ее родителей, сидящих у ее кровати и молящихся, чтобы она очнулась. Но врачи считают, что даже если она очнется, у нее наступили необратимые повреждения мозга.

Джони, вопреки всему, выкарабкалась. Она выжила, но после выхода из комы не помнила ни одного события за десять дней до нападения. Травма мозга осталась с ней до конца жизни.

Она не была изнасилована, не считая символического изнасилования прутом от кровати. Кто-то, обуреваемый маниакальной яростью, увидел ее спящей и сорвал на ней злобу. Следователи не находили никакого мотива. Потерпевшая – дружелюбная, застенчивая девушка, врагов у нее не было. Жертвой она стала случайно, просто потому, что кто-то знал, что она спала одна в подвальной комнате, или, возможно, увидел ее через окно и обнаружил, что дверь подвала не заперта.

Джони Ленц повезло. Она выжила, одна из немногих.

«Привет, это Линда с вашим прогнозом погоды на горнолыжных курортах. На перевале Сноквалми температура минус 1,6 градуса, на дороге снег и гололед. Стивенс Пасс – минус 8 градусов, пасмурно, на дороге снег...»

Голос двадцатидвухлетней Линды Энн Хили знали тысячи слушателей радио западного Вашингтона, не имея представления, кто она. Голос у нее был такой же милый и сексуальный, каким обычно вещают ведущие музыкальных программ и которым наслаждаются спешащие в семь утра на работу. Фамилии читающих прогнозы погоды девушек никогда не называют, сколько бы заинтересованных мужчин ни позвонили. Они – анонимная голосовая персонификация типичной американской девушки.

Красота Линды не уступала сладкозвучию голоса: высокая, стройная, с длинными, почти до талии темно-русыми волосами, ясными голубыми глазами и густыми темными ресницами. Она училась на последнем курсе психологического факультета Вашингтонского университета. И на паях с еще четырьмя студентками – Марти Сэндс, Джилл Ходжес, Лорной Мосс и Барбарой Литтл снимала старый, зеленого цвета каркасный дом 5517 по 12-й Норд-Ист-стрит.

Родители Линды принадлежали к верхушке среднего класса, выросла она в Нью-порт-Хиллс, на восточном побережье озера Вашингтон. Музыкально одаренная, она играла Фиону в школьной постановке мюзикла «Бригадун»¹² и была солисткой хора Конгрегационалистской церкви¹³. Но больше всего ее интересовала психология, в особенности работа с умственно отсталыми подростками. В Вашингтонском университете у нее было море возможностей изучить мышление психически ненормальных. Изучить, но не *узнать*.

Ни одна из пяти соседок по большому старому дому не отличалась особой наивностью – все они были осторожными молодыми женщинами. Отец Джилл был прокурором восточного округа штата Вашингтон, и как дочь криминалиста она знала о насильственных преступлениях, хоть и лично ни одна из пяти девушек никогда насилию не подвергалась. О нападении 4 января они читали в газетах, до них доходили слухи о появившемся поблизости маньяке. Они приняли надлежащие меры предосторожности: запирали двери, не выходили вечерами поодиночке, отшивали мужчин, казавшихся подозрительными.

И, живя в одном доме впятером, чувствовали себя в безопасности.

На работу на радио Линде приходилось вставать в полшестого утра и несколько кварталов ехать на велосипеде. Поэтому за полночь она засиживалась редко. Четверг, 31 января, начался для нее вполне обыденно: она записала на радио прогноз погоды, сходила на занятия

¹² Бродвейский мюзикл, экранизированный в 1954 году.

¹³ Радикальная ветвь английского кальвинизма, утверждавшая автономию поместной общины (конгрегации). Появилась около 1580 года в результате раскола с пресвитерианами.

в университет, а придя домой, села писать письмо. Никаких проблем у нее не было, разве что ее парень подолгу пропадал на работе, времени вместе они проводили мало и порой ее беспокоили неясные боли в области живота. Она писала другу ставшее последним в жизни письмо:

«Решила черкнуть пару строк, просто сказать «привет». На улице снег, и я пишу, завернувшись в синий плед. Не поверишь, как в нем приятно учить уроки или дремать. У меня дома все в порядке. Я пригласила на ужин маму и папу, Боба и Лору. Думаю, что приготовлю бефстроганов. Я часто катаюсь на лыжах, работаю и учусь... не обязательно именно в таком порядке».

Полтретьего дня Джилл Ходжес отвезла Линду из университета на занятие в хоре и в пять часов вечера вернулась за ней и Лорной Мосс. Они поужинали, после чего Линда взяла у Марти Сэндс машину съездить в гастроном. Полдевятого она вернулась.

Затем Линда, Лорна и Марти вместе с приятелем пошли в популярную среди студентов таверну «Данте», на углу 53-й стрит и Рузвельт-вэй. Выпили два кувшина пива на четверых, девушки ни с кем не разговаривали, хотя позже Лорна и Марти вспомнили, что их друг Пит на короткое время подходил к игравшим в кости за соседним столом.

Час спустя они были дома, и Линде позвонил из Олимпии бывший парень. Соседки вспомнили, что проговорила она с ним около часа. Перед сном девушки смотрели по телевизору «Автобиографию мисс Джейн Питтмен».

Когда Линда отправилась в свою подвальную комнату, на ней были синие джинсы, белая блузка и ботинки.

Барбара Литтл в четверг вечером была в библиотеке. Без четверти час она зашла в свою подвальную комнату, отделенную фанерной перегородкой от комнаты Линды. В комнате Линды света не было.

Полшестого утра Барбара, как обычно, услышала звонок будильника Линды и снова заснула. В шесть часов утра ее разбудил собственный будильник. Ее удивило, что будильник Линды продолжал звонить.

Зазвонил телефон. Начальник Линды с радиостанции спрашивал, почему Линда не вышла на работу. Барбара зашла в комнату Линды и включила свет. Комната была в идеальном порядке, постель убрана. Это было немного странно, обычно постель Линда заправляла по возвращении из университета, но Барбару это не встревожило. Она выключила будильник, решив, что Линда, скорее всего, уже едет на работу.

Но Линда Энн Хили не приехала ни на работу, ни на учебу. Она пропала без следа.

Зеленый десятискоростной велосипед Линды стоял в подвале, но соседки заметили тревожный знак: дверь из подвала на улицу не была заперта. *Они никогда не оставляли дверь незапертой.* И дверь сложно – практически невозможно – открыть с улицы, потому, когда требовалось вывести велосипеды, дверь открывали изнутри и запирали снова тоже изнутри, обойдя вокруг дома. Единственное окно с прозрачной занавеской у бетонной внутренней лестницы давно уже наглухо покрасили.

Днем соседки встретились в кампусе и переговорили. Каждая надеялась, что другая увидит Линду на занятиях, но тщетно. Испугались они, когда к назначенному на вечер того дня ужину приехали родители. Линда была не из тех, кто мог запросто бросить работу, учебу, а главное, не явиться на ею же назначенный ужин.

Они позвонили в полицию Сиэтла и заявили об ее исчезновении.

Поговорить со встревоженными родителями и соседками приехали следователи отдела убийств Уэйн Дорман и Тед Фонис. Их проводили в опрятную комнату Линды в подвале. Радостная комната с солнечно-желтыми стенами и постерами и фото, где Линда с друзьями катается на лыжах. Там же снимки подростков с задержкой развития из экспериментальной школы Камелот-Хаус, где пропавшая девушка служила волонтером. Фанерная перегородка разделяла кровати Линды и Барбары.

Детективы откинули покрывало. Бурые пятна запекшейся крови на подушке без наволочки, сквозь простыню большое кровавое пятно просочилось на матрац. Кому бы ни принадлежала кровь, ее количество могло свидетельствовать о серьезном ранении, бессознательном состоянии жертвы, но не смерти от кровопотери.

Лорна и Марти сказали детективам, что кровать стелила не Линда.

– Она всегда клала простыню поверх подушки, а не под нее, как сейчас.

С подушки пропала розовая сатиновая наволочка. Ее пару нашли в ящике тумбочки. В глубине шкафа обнаружили ночную рубашку Линды с засохшей у воротника кровью.

Логично было предположить, что кто-то пробрался в комнату спящей Линды, избил ее до потери сознания, прежде чем она успела закричать, и унес.

Соседки осмотрели ее шкаф и выяснили, что пропала только та одежда, которая была на ней накануне вечером: синие джинсы, белая блузка и ботинки.

– А еще пропал ее рюкзак, – сказал Марти. – Красный с серыми лямками. Обычно она носила в нем книги и, может быть, желтую лыжную шапку и перчатки. ... Ах да, еще в нем была целая куча билетов на концерты молодежного симфонического оркестра и несколько билетных корешков.

Ночная рубашка Линды была в крови, значит, в момент нападения она была на ней. Детективы пришли к единственному возможному выводу, что похититель ее переодел, прежде чем унести. Тем не менее вся ее верхняя одежда осталась в комнате. Пальто ей не потребовалось, потому что она уже была мертва? А зачем тогда понадобился рюкзак? А наволочка?

Владелец дома сказал детективам Дорману и Фонису, что перед сдачей новым арендаторам он, как обычно, сменил замки на всех наружных дверях. Разумная мера предосторожности, вот только запасной ключ девушки прятали в почтовом ящике перед парадным входом. Кроме того, Линда и Марти ключи потеряли и пользовались дубликатами.

Любой мужчина, знавший, что в доме живут пять девушек, понаблюдав и подождав, непременно увидел бы, как одна из них доставала из почтового ящика запасной ключ.

Теперь четыре оставшихся девушки в страхе из этого зеленого дома съехали, а на их место, проследить за подозрительными происшествиями, вселились их приятели. Но то, что случилось, уже случилось. Из последних подозрительных эпизодов сами девушки смогли вспомнить только три телефонных звонка во второй половине дня после исчезновения Линды. Сняв трубку, они каждый раз слышали на другом конце провода только дыхание, а потом связь обрывалась.

По соседству обыскали каждый дюйм: и люди, и кинологи с собаками прочесали все укрытые листвой овраги в ближайшем парке Равенна. Но Линда Энн Хили пропала, не нашли и следов похитителя. *Никаких.* Ни волоска, ни капли крови или спермы. Или он невероятно умен, или просто невероятно удачлив. Именно таких дел следователи отдела убийств больше всего боятся.

4 февраля в полицию по телефону экстренного вызова 911 дозвонился мужчина:

– Слушайте. И слушайте внимательно. Напавший на девушку восьмого числа прошлого месяца и похититель Линды Хили – одно и то же лицо. Он был рядом с обоими домами. Его видели.

– Кто говорит? – спросил оператор.

– Вам никогда не узнать моего имени, – ответил мужчина и повесил трубку.

И бывший, и нынешний парень Линды добровольно и успешно прошли проверку на детекторе лжи.

Миновали дни, потом недели, и пришло болезненное осознание, что Линда Энн Хили мертва. Ее тело сокрыто настолько умело, что только убийце да Господу Богу известно, где оно. Криминалистической лаборатории полиции Сиэтла было практически не с чем работать.

«Одна белая простыня (с пятнами крови – II группы, резус-фактор положительный), одна желтая подушка (с пятнами крови – II группы, резус-фактор положительный), одна короткая ночная рубашка кремового цвета в коричневый и синий цветочек (с пятнами крови – II группы, резус-фактор положительный). Пятно крови на простыне имеет отчетливую «ребристость» по краям». Это все, что осталось от полной жизни девушки, 31 января пожелавшей подругам спокойной ночи и унесшейся в небытие.

Для раскрытия убийства – а исчезновение Линды Хили явно было убийством – следователям требовалось отыскать связующие нити, то, что объединяет убийцу и жертву, схожий способ действий в ряде преступлений, вещественные доказательства; или обнаружить связи между самими жертвами.

Здесь детективы оказались в тупике. Никакой связи между Линдой Хили и Джони Ленц не было, не считая того, что на обеих напали во время сна в подвальных комнатах коллективно арендованных домов, стоящих меньше чем в миле друг от друга. Джони били по голове, а следы крови на подушке и ночной рубашке Линды позволяли сделать вывод, что ей тоже нанесли травму черепа. Но никто из жительниц одного дома не знал никого из другого. Даже учились они на разных факультетах.

За февралем пришел март, а Линда домой так и не вернулась, не нашли и ее пропавшие вещи: рюкзак, блузку в крестьянском стиле, поношенные джинсы с забавной треугольной заплаткой сзади. Не всплыло ни одно из двух колец с бирюзой – круглых с плоской печаткой и маленькими самородками бирюзы, «плавающими» поверх серебряных кругов.

Еще полгода, и Линда окончила бы университет, устроилась на работу, стала бы бесконечной поддержкой умственно отсталым детям, тем, кому повезло в жизни меньше, чем ей – одаренной умом, красотой, окруженной любящей и заботливой семьей.

Пока следователи полиции Сиэтла бились над загадкой исчезновения Линды Энн Хили, у шерифа Дона Редмонда и детективов округа Терстон возникли свои проблемы. Пропала студентка колледжа Эвергрин, кампус которого расположен на юго-западе Олимпии.

Эвергрин – сравнительно новый вашингтонский колледж, чьи огромные сборного железобетона корпуса неестественно торчат посреди густого елового леса. Это учебное заведение жестко критикуют педагоги-традиционалисты за отказ от обязательных курсов, принятой шкалы оценок и поощрения философии «делай что хочешь». Студенты сами выбирают, что хотят изучать: от мультипликации до экологии, сами выбирают предметы на зачет в каждом семестре. Недоброжелатели утверждают, что выпускники Эвергрин не получают никакого настоящего багажа знаний и практических навыков, которые можно предложить работодателям. Они называют Эвергрин «игрушечным колледжем». Тем не менее туда стремятся многие из самых лучших и талантливых.

Девятнадцатилетняя Донна Гэйл Мэнсон была типичной эвергриновской студенткой, высокоинтеллектуальной девушкой, делающей все по-своему. Ее отец преподавал музыку в средних школах Сиэтла, и от него Донна унаследовала талант и тягу к музыке. Она была флейтисткой, достаточно профессиональной, чтобы играть в симфоническом оркестре.

Узнав, что в округе Терстон пропала еще одна девушка, я снова поехала в Олимпию встретиться с шерифом Редмондом и сержантом Полом Барклифтом. Барклифт разъяснил обстоятельства исчезновения Донны.

В дождливый четверг 22 марта 1974 года Донна собиралась пойти на джазовый концерт в кампусе. Соседки по комнате вспоминали, что она несколько раз переодевалась, разглядывая себя в зеркале, пока не выбрала блузку в красно-оранжево-зеленую полоску, синие брюки и длинное ворсистое черное пальто. На ней также были кольцо с овальным коричневым агатом и наручные часы «Булова».

Затем она – в одиночку – отправилась на концерт, начавшийся чуть позже семи вечера.

– На концерте ее никто не видел, – сказал Редмонд. – Скорее всего, она до него не дошла.

Линда Энн Хили и Кэтрин Мерри Девайн были высокими и стройными. Донна Мэнсон была ростом 152 сантиметра и весила около 45 килограммов.

Детективы округа Терстон и Род Марем, начальник службы охраны Эвергрин узнали о пропаже Донны только шесть дней спустя. Донна нередко пропадала, а потом объявлялась с новым рассказом о путешествии автостопом, иногда добираясь даже до Орегона. Когда от другой студентки пришло сообщение о ее отсутствии, это была всего лишь просьба: «Пожалуйста, попытайтесь с ней связаться». Но дни шли, а вестей от Донны не поступало, и исчезновение начинало приобретать зловещий оттенок.

Барклифт опрашивал знакомых Донны, хватаясь за все возможные ниточки. Он беседовал с ее лучшей подругой Терезой Олсен, с бывшей соседкой по комнате Селией Драйден и еще некоторыми девушками, живавшими с ней в студенческом общежитии.

Несмотря на высокий интеллектуальный коэффициент, примерной студенткой Донна Мэнсон не была. До поступления в Эвергрин она училась в колледже Грин Ривер в Оберне, штат Алабама, где средним баллом у нее была тройка с плюсом.

Учебный план Донна выбрала довольно обширный. Но даже в Эвергрин начала отставать, пропадая целыми ночами и возвращаясь в общежитие под утро. Она просила Селию прикрыть ее на занятиях, а сама отсыпалась. Селию это раздражало, как и одержимость Донны смертью, колдовством и алхимией. Казалось, Донну одолевала депрессия. Донна вечно что-то писала об алхимии, и соседок это тоже раздражало.

Незадолго до исчезновения Донны Силия попросила ее переехать в другую комнату. Алхимия – это древняя лженаука: «...приготовление эликсира бессмертия и кажущееся магической сила процесса трансмутации». Изобретенная в Древнем Египте, это была не та учебная программа, которая могла быть предложена в более традиционном колледже.

– Мы подумали, что она могла покончить с собой, – сказал Барклифт. – Однако психиатр, изучив ее записи, сказал, что в них нет ничего особенного для девушки ее возраста. Он считает, если она испытывала страх перед чем-то необычным, то написала бы об этом. Но в ее записях мы ничего подобного не нашли.

В комнате Донны следователи нашли несколько листов бумаги. На одном из них была надпись «Корпорация “Сила Мысли”». Проверка показала, что это название лицензированного предприятия в Олимпии, расположенного в опрятном старинном доме. Там проходили семинары по позитивному мышлению и дисциплине ума. Незадолго до исчезновения Донны владельцы сменили название на «Институт экстрасенсорного восприятия».

Почти каждый день Донна курила марихуану, и ее друзья полагали, что она могла употреблять и другие наркотики. Она встречалась с четырьмя мужчинами. Все они были проверены и все оказались чисты.

В ноябре Донна ездила автостопом до Орегона, но в основном она ездила к друзьям в Селлек – небольшой шахтерский поселок, растянувшейся вдоль дороги, ведущей в Иссакуа и Норт-Бенд и затем соединяющейся с федеральной автострадой, огибающей Сноквалми Пасс.

– Мы встречались с этими людьми – они не видели ее с 10 февраля, – сказал Барклифт.

Когда Донна обрела то, что искала, называя это «другим миром, который нельзя объяснить», она стала ближе к родителям. Она провела с ними выходные 23 и 24 февраля, звонила им 9 марта, а на следующий день написала письмо. Она была в приподнятом настроении и собиралась съездить с матерью на пляж.

Барклифт повез меня вокруг кампуса. Указал на ночные фонари вдоль дорожек, однако в остальном в кампусе, казалось, во многом сохранилась первозданная девственная природа. Над петляющими тропинками часто нависали густые еловые ветви.

– С наступлением темноты девушки в основном выходят парами или группами, – комментировал Барклифт.

Кампус заливали весенние дожди. Поисковики с собаками тщательно прочесывали его вдоль и поперек. Будь ее тело спрятано в зарослях салалы, орегонского винограда, папоротника или в буреломе, его бы нашли. Донна пропала так же бесследно, как Линда Хили. Ее вещи – рюкзак, флейту, чемодан и фотоаппарат, который она почти всегда носила с собой, – передали родителям.

У следователей округа Кинг остались записи Донны о смерти и колдовстве и полученные от ее врача рентгеновские снимки позвоночника, левой лодыжки и левого запястья. Детективы опасались, что лишь по ним, в случае обнаружения, удастся опознать ее тело.

Глава 8

Весной 1974 года я сняла в Сиэтле под рабочий кабинет плавучий дом: маленькую скрипучую однокомнатную постройку, хлипко плавающую на плоту в воде озера Юнион милей южнее Университетского района. Теперь я все знала об исчезновении двух девушек из колледжа и убийстве Кэти Девайн, и у меня начало возникать ощущение, что у полиции картина складывается, но общественности она пока недоступна. В среднем в Сиэтле происходит около шестидесяти убийств в год, в округе Кинг это число колеблется от двух до трех десятков ежегодно, в округе Терстон редко превышает три десятка. Для столь густонаселенных районов процент неплохой. Прискорбный, но нормальный.

У моего бывшего мужа внезапно случился эпилептический припадок: рак дал метастазы в мозг. Его прооперировали, и несколько недель он пробыл в больнице. Моя младшая дочь Лесли, которой в ту пору было шестнадцать лет, ежедневно после школы ездила на автобусе в Сиэтл ухаживать за отцом. Она думала, что медсестры уделяли ему недостаточно внимания. Я за нее боялась. Она была настолько мила, так похожа на тех исчезнувших девушек, что я боялась отпускать ее одну в город даже на полквартиры. Но она считала, что это ее долг, поэтому я каждый день пребывала в страхе, пока она не оказывалась дома в безопасности. Вскоре испытываемый мною страх ощутили все родители в округе.

Как писатель-криминалист я навидалась слишком много насилия и трагедий, и мне повсюду мерещились «подозрительные мужчины». Я никогда не переживала за себя. Только за моих дочерей. Я так часто их предостерегала, что они в конце концов обвинили меня в том, что я становлюсь параноиком. От плавучего дома я отказалась. Не хотела быть далеко от детей даже днем.

17 апреля пропала еще одна девушка. На сей раз в ста двадцати милях от Сиэтла – далеко за нависающими Каскадными горами, отделяющими лесистое побережье от засушливых пшеничных полей на востоке штата Вашингтон.

Сьюзен Элейн Ранкорт была первокурсницей Университета Центрального Вашингтона в Элленсберге, городе родео, где еще сохранялся дух Дикого Запада. Одна из шестерых детей в дружной семье, в старшей школе в Ла Коннер, штат Вашингтон, Сьюзен была чирлидером и королевой бала.

В отличие от других пропавших девушек Сьюзен была голубоглазой блондинкой. Фигура у нее была такая потрясающая – о такой мечтают большинство девочек-подростков, не говоря уже о мальчиках-подростках. Возможно, раннее физическое созревание способствовало развитию застенчивости и затмевало тот факт, что Сьюзен обладала превосходным, научного склада умом.

Когда ее семья переехала в Анкоридж, штат Аляска, Сьюзен потребовалась смелость, чтобы остаться в колледже в Элленсберге. Она понимала, что с пятью братьями и сестрами рассчитывать может только на себя. У родителей не хватит денег полностью оплатить ее учебу в колледже.

Летом перед поступлением Сьюзен, чтобы скопить денег на учебу, работала на полную ставку – семь дней в неделю сразу на *двух* работах. Она всегда знала, что хочет заниматься медициной. В школе она училась на одни пятерки, а ее успехи в колледже подтвердили, что она настоящий самородок. В Элленсберге Сьюзен Ранкорт специализировалась на биологии со стабильным средним баллом 4,0, при этом работая на полную ставку в доме престарелых. Семья могла ею гордиться.

Если Линда Хили была осторожна, а Донна Мэнсон опасность игнорировала, Сьюзен Ранкорт откровенно боялась темноты и не хотела выходить вечером одна. Без соседки по комнате она после захода солнца не выходила *никогда*.

Никогда до того вечера 17 апреля. Неделя у нее выдалась тяжелой. Шли экзамены середины семестра, а еще она узнала о возможности стать администратором общежития. Получи Сьюзен эту работу, она смогла бы покрыть значительную часть расходов, а еще – больше встречаться с другими студентками и вырваться из добровольного заточения в раковине робости. Она решила попытать удачи.

При росте всего в 157 сантиметров и весе 54 килограмма Сьюзен была крепкой. Она бегала по утрам и занималась карате. И по глупости думала, что ей не составит труда защититься в переполненном кампусе, даже если кто-то начнет к ней приставать.

В тот вечер в восемь часов вечера она отнесла одежду в прачечную одного из общежитий, а потом пошла на собрание администраторов. Собрание закончилось в девять часов, она договорилась встретиться с подругой и посмотреть немецкий фильм, а к десяти часам вернуться в прачечную положить белье в сушилку.

Однако после собрания Сьюзен никто не видел. Подруга ждала и ждала и в конце концов пошла на фильм одна, оборачиваясь и поглядывая в сторону входа в надежде увидеть знакомый силуэт.

Одежда Сьюзен лежала в стиральной машине, пока та не понадобилась другому студенту. Он наспех достал вещи и оставил на столе, где днем позже их и нашли.

О невозвращении Сьюзен в общежитие сообщили сразу. Парень у нее был, но далеко – в Вашингтонском университете в Сиэтле, а больше она ни с кем не встречалась. Сьюзен была не из тех, кто не приходит ночевать, да и последний экзамен она явно пропускать не собиралась. Она даже ни одного занятия не прогуляла.

Полиция кампуса установила, в чем она была одета, когда ее видели в последний раз: серые вельветовые брюки, желтый свитер с коротким рукавом, желтое пальто и замшевые ботинки. Попыталась восстановить ее маршрут от места проведения собрания до находившегося в четверти мили общежития.

Самая короткая и общепринятая дорога шла через аллею мимо строительной площадки, дальше по пешеходному мосту через пруд и под железнодорожной эстакадой у студенческой парковки.

– Если кто-то за ней наблюдал, шел за ней, а потом похитил, – прокомментировал один из полицейских, – то только тут, под эстакадой, на шестиметровом темном участке.

В таком случае остались бы следы. У Сьюзен была папка с неподшитыми листами, которые, окажи она – каратистка – сопротивление, разлетелись бы во все стороны. Ее подруги в один голос утверждали, что без боя она бы не сдалась.

Кроме того, дорогой до Барто-Холл, где демонстрировали фильм, шли большинство студентов, поэтому в девять вечера пешеходов на ней хватало. Что-то необычное заметили бы, но никто не ничего не видел.

У Сьюзен был только один физический недостаток. Она была близорука. Вечером 17 апреля на ней ни очков, ни контактных линз не было. Она видела достаточно хорошо, чтобы ходить по кампусу, однако чтобы рассмотреть лицо, ей требовалось подойти очень близко, и чужака в темноте под эстакадой она вполне могла не разглядеть.

После исчезновения Сьюзен Ранкорт пришли заявления других студенток с описаниями происшествий, вызвавших у них смутное беспокойство. Одна девушка сообщала, что 12 апреля у библиотеки кампуса разговаривала с высоким симпатичным молодым человеком чуть за двадцать с рукой на перевязи и металлической скобой на пальце. Он не удержал стопку книг, и несколько из них упало.

– Он попросил помочь донести книги до машины, – вспоминала она.

Примерно в трехста ярдах от эстакады стоял «Фольксваген-жук». Она поднесла книги и заметила, что в машине не было пассажирского сиденья. Почему-то – неизвестно почему – из-за этого отсутствующего пассажирского сиденья у нее мурашки побежали по телу. Он

выглядел довольно милым, сказал, что травму получил, катаясь на лыжах в Кристал Маунтин, но ей вдруг захотелось оказаться от него подальше.

– Я положила книги на капот и убежала.

Историю, похожую на первую, рассказала еще одна девушка. Парня с травмированной рукой она встретила семнадцатого числа и помогла ему донести до машины какие-то свертки в вошеной бумаге.

– После чего он не смог запустить двигатель и попросил меня сесть в машину, чтобы помочь ее завести. Я его не знала и в машину садиться не захотела. Сказала, что спешу, и ушла.

Приехавший в кампус в тот же день сын окружного прокурора из Орегона около полдевятого вечера видел перед Барто-Холл высокого мужчину с рукой на перевязи.

Сообщения не казались такими уж зловещими. При любом преступлении или исчезновении рядовые происшествия обретают важность в глазах стремящихся оказать помощь «свидетелей». Заявления запротokolировали и приобщили к делу. Поиски Сьюзен Ранкорт продолжались.

В этом, как и во многих других делах, немymi свидетельствами, подтверждающими похищения девушек, стали мельчайшие подробности. В деле Донны Мэнсон это был оставленный ею фотоаппарат. В деле Сьюзен – контактные линзы и очки, скорее всего, бывшие в вечер исчезновения при ней, поскольку она собиралась в кино. А еще зубная нить. Когда ее мать заглянула в ее аптечку и увидела зубную нить, у нее упало сердце:

– Она была дитя привычки. Никогда никуда не уходила с ночевкой без зубной нити.

Весной 1974 года отдел преступлений против личности департамента полиции Сиэтла возглавил опытный полицейский, крупный специалист по расследованию убийств, капитан Херб Свинглер. Херба я знала свыше пятнадцати лет. В конце пятидесятых он был патрульным и первым прибыл в Западный Сиэтл по жалобе матери на непристойное поведение в отношении дочери. Из всех вызванных побеседовать с ребенком женщин-полицейских я была самой неопытной. Мне был двадцать один год, и, надо признать, меня смутили вопросы, которые мне предстояло задать этой маленькой девочке о приходившем в семью «добром пожилom дяде».

Помню, как Херб надо мной подтрунивал, поскольку я покраснела – подкалывать новичков дело обычное, но с ребенком и матерью он вел себя уважительно. Отличный полицейский и дотошный следователь, он быстро рос по службе. И теперь вся ответственность легла на Херба. Большая часть пропавших девушек была родом из Сиэтла: дни и ночи он ломал голову над загадкой, казавшейся неразрешимой. Похититель словно издевался над полицией, упиваясь легкостью, с которой ему удалось похищать женщин, не оставив следов.

Свиндлер был разговорчив, и ему требовался слушатель. Эту роль исполняла я. Он знал, что дальше меня информация не пойдет, – я блюла те же правила, что расследующие дела детективы. К тому же я была автором, искавшим *именно такую* громкую историю. А еще матерью двух дочерей подросткового возраста, и весь ужас происходящего и горе родителей лишали меня сна. Он знал, что я не опубликую ни слова до поры до времени, а если потребуется – никогда.

В те месяцы 1974 года я разговаривала со Свинглером чуть ли не ежедневно – вместе мы пытались отыскать связующую нить. По работе я ездила по всему побережью. Я была в курсе происходящего в других городах, подчас в двухста милях, в штате Орегон, и всегда сообщала об исчезновениях, перекликавшимися с сиэтлскими делами.

Следующая не вернувшаяся с прогулки девушка жила в Орегоне. Спустя восемнадцать дней после исчезновения Сьюзен Ранкорт, 6 мая в Корваллисе, что в 250 милях южнее Сиэтла, Роберта Кэтлин «Кэти» Паркс целый день тосковала и мучилась от сознания вины в своей комнате в Сакетт-Холл в кампусе Университета штата Орегон. Сакетт-Холл я знала. В пятидесятые я сама проучилась там семестр. Это был большой современный комплекс общежитий в кампусе университета, считавшегося тогда «малоизвестным колледжем». Даже в ту пору, когда

мир не казался таким опасным, ночью ни одна из нас не осмеливалась спускаться в коридор подвала к автомату с закусками.

В Университете штата Орегон Кэти Паркс тосковала. Она скучала по родным краям – городу Лафайетт в Калифорнии. К тому же она рассталась со своим приятелем, уехавшим в Луизиану. Четвертого мая Кэти поругалась по телефону с отцом, а шестого узнала, что у него плохо с сердцем. Ей позвонила сестра из Спокана, штат Вашингтон, и сказала, что у отца инфаркт, несколько часов спустя она позвонила снова и сообщила, что отец, кажется, выживет.

Кэти, изучавшая мировые религии, после этого звонка приободрилась и согласилась поучаствовать в тренировке в комнате отдыха Сакетт-Холла вместе с другими проживающими в общежитии.

Вскоре после одиннадцати часов эта высокая стройная длинноволосая пепельная блондинка вышла из Сакетт-Холла выпить кофе с подругами в здание Студенческого центра. Соседкам по комнате она сказала, что вернется через час. На ней были синие брюки, темно-синяя блузка, светло-зеленая куртка и сандалии на платформе, и из Сакетт она ушла навсегда. До Студенческого центра Кэти так и не дошла. Как и другие, все вещи она оставила: велосипед, одежду, косметику.

В этот раз никто не видел ничего подозрительного. Никакого мужчины с рукой на перевязи. Ни «Фольксвагена-жук». Кэти никогда не говорила, что испугана, не упоминала о странных телефонных звонках. Однако она была подвержена резким перепадам настроения, и заподозрили самоубийство. Она винила себя в ссоре с отцом, полагая, что спровоцировала инфаркт? Винила настолько сильно, чтобы свести счеты с жизнью?

Прочесали дно протекающей близ Корваллиса реки Уилламетт, но ничего не нашли. Тело очень скоро бы обнаружилось, выбери она другие способы самоубийства, однако этого не произошло.

В кампус прибыл возглавлявший расследование лейтенант отдела уголовной полиции штата Орегон Билл Харрис. Несколько лет назад он уже занимался трагическим убийством в Сакетт-Холл, когда в своей комнате нашли забитую до смерти студентку и после успешного расследования арестовали жившего на верхнем этаже студента. Молодой человек сидел в тюрьме штата Орегон.

После недельных поисков Харрис пришел к выводу, что Кэти Паркс похищена, скорее всего, на заросшей по обе стороны кустами сирени тропинке от Сакетт-Холла до Студенческого центра. Исчезла она, как и другие, без единого крика о помощи.

Полицейские ориентировки с фотографиями четырех пропавших девушек рядами развесили на стенах служебных помещений всех правоохранительных служб Северо-Запада. Сходство милых улыбающихся лиц было настолько велико, что девушки казались сестрами. Только Херб Свинглер нисколько не сомневался, что Кэти Паркс тоже вписывается в эту схему. Остальные детективы Корваллиса считали, что она находилась слишком далеко, чтобы стать жертвой того же мужчины, который орудовал в кампусе Вашингтонского университета.

Наступила очень короткая передышка. А двадцать шесть дней спустя исчезла Бренда Кэрролл Болл, ровесница моей старшей дочери. Бренде было двадцать два года, она жила с двумя соседками в пригороде Бериена на юге округа Кинг. Ростом 160 сантиметров и весом 50 килограммов она была кареглазой веселой студенткой колледжа Хайлайн.

Ночью с 31 мая на 1 июня Бренда пошла одна в бар «Флэйм» на пересечении 128-й Саут-стрит и Амбаум-Роуд-Саут. Соседки сказали, что в последний раз видели ее в тот день в два часа пополудни. В ту пятницу она сказала им, что собирается в таверну, а потом, возможно, на попутке приедет в парк штата Сан-Лейкс в восточном Вашингтоне и там встретится с ними.

В баре Бренда была – несколько знакомых ее там видели. Но никто точно не помнил, во что она была одета: обычно она носила выцветшие синие джинсы и свитер с высоким воротом. Кажется, она неплохо провела время, оставаясь до самого закрытия в два часа ночи.

Бренда попросила одного из выступавших музыкантов подвезти ее домой, но тот отказался, сославшись на то, что ему в другую сторону. Кто-то вспомнил, что последний раз видел Бренду Болл на парковке, разговаривающей с высоким симпатичным шатеном с перевязанной рукой.

Поскольку Бренде, как и Донне Мэнсон, вечно не сиделось на месте, прошло немало времени, прежде чем ее официально признали пропавшей. Тревогу соседки забила лишь девятнадцать дней спустя. Они проверили ее счет в банке и узнали, что с него не снято ни цента. Вся одежда оставалась дома. Ее родители, жившие неподалеку, тоже ничего о ней не знали.

Двадцатидвухлетняя Бренда была самой старшей из пропавших девушек, прежде показавшей себя взрослой и предусмотрительной. Но не сейчас. Казалось, Бренда встретила того, кому не следовало доверять. И пропала.

Но нападения отнюдь не прекратились. Еще до того, как полиция округа Кинг признала Бренду Болл пропавшей, разыскиваемый правоохранителями мужчина опять вышел на охоту и нанес дерзкий удар на глазах десятков свидетелей, вновь оставшись призраком. Он словно дурачил полицейских, как никогда злых и обескураженных серией пугающих нападений. У многих занятых поиском пропавших девушек детективов тоже были дочери.

Похититель словно вел некую извращенную игру, бросая им вызов. И если так, то с каждым разом он чуть больше выходил из тени и испытывал удачу, доказывая, что может делать что заблагорассудится, оставаясь непойманным и даже невидимым.

Восемнадцатилетняя Джорджанна Хокинс была одной из тех счастливиц, кому неизменно улыбалась судьба. Вплоть до необъяснимой ночи 10 июня. Выросшая в Самнере, пригороде Такомы, она была победительницей ежегодного регионального конкурса талантов – «Принцессой Нарциссов» и чирлидером. Она училась в средней школе Лейкс и подобно Сьюзен Ранкорт была отличницей. Живая, пышущая здоровьем Джорджанна воистину обладала красотой и обаянием эльфа. Ее длинные темно-русые волосы блестели, а в карих глазах играла жизнь. Изящная, чуть выше 152 сантиметров и 52 килограмма весом, она была младшей из двух дочерей в семье Уоррена Б. Хокинса.

В то время как учеба в Вашингтонском университете для многих хорошо успевавших старшеклассников оказывается тяжелее школьной, и они скатываются на тройки, Джорджанна продолжила получать твердые пятерки. На экзаменационной сессии в июне 1974 года ее тревожил только испанский. Она подумывала его бросить, но утром 10 июня позвонила матери и сказала, что будет перед завтрашним экзаменом изо всех сил зубрить, полагая, что ей удастся его сдать. И она уже запланировала работу на летних каникулах в Такоме и примерно раз в неделю говорила об этом с родителями.

На вступительной неделе в сентябре 1973 года Джорджанну приняли в лучший университетский женский клуб кампуса «Каппа Альфа Тета» и поселили в большом доме в ряду прочих Греческих домов на 17-й Норд-Ист-авеню.

Взаимные посещения братьев и сестер студенческих обществ Греческого ряда были гораздо свободнее, чем в пятидесятые, когда представителям противоположного пола строго воспрещалось проходить дальше холла, гостиной и столовой первого этажа. Джорджанна часто ходила к своему парню, жившему в «Бета Тета Пи» шести домах от ее общежития «Тета».

Ранним вечером в понедельник 10 июня Джорджанна с подругой по женскому объединению пошли на вечеринку, где выпили по паре коктейлей. Потом Джорджанна сказала, что ей пора возвращаться, готовиться к экзамену по испанскому языку. Но сначала она собиралась зайти к своему парню пожелать спокойной ночи.

Джорджанна была осторожна. Одна по кампусу вечерами она ходила редко, но в районе 17-й Норд-Ист-авеню ей было все так хорошо знакомо и так хорошо освещено, а в округе непременно встречались знакомые лица. По обе стороны стоят дома братств, а посередине

улицу делит зеленая аллея. В июне деревья покрыты густой листвой и перекрывают некоторые уличные фонари. Деревья посадили еще в двадцатые годы, поэтому они выросли такими высокими.

В переулке, идущем позади Греческих домов от 45-й Норд-Ист до 47-й Норд-Вест-стрит, светло как днем – фонари стоят примерно каждые три метра. Ночь 10 июня выдалась теплой, и все окна в переулок были открыты. Но из студентов вряд ли кто-то спал. Большинство зубрили перед экзаменом, отгоняя сон черным кофе и таблетками «Ноу-Доз»¹⁴.

Джорджанна добралась до дома своего парня незадолго до полпервого ночи 11 июня. Провела с ним около получаса, одолжила кое-какие конспекты по испанскому языку, потом пожелала ему спокойной ночи и вышла через заднюю дверь, чтобы пройти до черного входа общежития «Тета».

Кто-то из обитателей «Беты» слышал, как хлопнула дверь, выглянул в окно и узнал Джорджанну.

– Эй, Джордж, – громко окликнул он. – Как ты?

Красивая бронзово-загорелая девушка в синих брюках, белой футболке с вырезом на спине и красно-бело-голубой куртке обернулась и посмотрела назад. Она улыбнулась, поманила рукой, перекинулась парой слов об экзамене испанского языка и со смехом сказала на прощание «адьос». Знакомый смотрел ей вслед, пока она не отошла примерно на десять метров. Двое других знакомых ей студентов утверждали, что видели, как она прошла еще пять.

До дома ей оставалось пройти двенадцать метров – двенадцать метров по ярко освещенному переулку. Конечно, между большими домами были области тени с живыми изгородями и цветущими рододендронами, но Джорджанна стояла посреди переулка.

Ее соседка Ди Николс ожидала знакомого удара камешка в оконное стекло: Джорджанна потеряла ключ от задней двери, поэтому другим сестрам приходилось спускаться и открывать ей дверь. Но ни звуков, ни криков не было.

Прошел час. Потом второй. Встревоженная Ди позвонила в дом «Бета»: ей ответили, что Джорджанна ушла около часа ночи. Ди разбудила заведующую общежитием и прошептала: «Джорджанна пропала. Не пришла домой».

Они прождали всю ночь, пытаясь понять, куда она могла пойти, – не хотели посреди ночи беспокоить ее родителей.

Утром они сразу позвонили в полицию Сиэтла.

Заявление принял детектив «Бад» Джелберг из подразделения по делам пропавших без вести. Он проверил дом братства, где ее видели в последний раз, а потом позвонил ее родителям. Обычно департамент полиции, прежде чем начать поиски, выжидает сутки, однако из-за событий первой половины 1974 года Джорджанну Хокинс принялись искать немедленно.

В 8:45 утра детектив сержант Айван Бисон и детективы Тед Фонис и Джордж Катхилл из отдела убийств прибыли в дом 4521 «Каппа Альфа Тета» по 17-й Норд-Ист-стрит. С ними был и Джордж Ишии, один из самых выдающихся криминалистов Северо-Запада. Ишии, шеф криминалистической лаборатории Западного Вашингтона, был гением, разбиравшемся в выявлении, сохранении и проверке вещественных доказательств лучше любого криминалиста на всем западе США. Он был моим первым наставником в работе эксперта-криминалиста на месте происшествия. О вещественных доказательствах я от него за полгода узнала больше, чем за всю предшествующую жизнь.

Ишии безоговорочно верил в доктрину пионера французской криминалистики доктора Э. Локара, которая гласила: «Каждый преступник непременно что-то оставляет на месте преступления – что-то, пусть ничтожно малое – и всегда что-то уносит». Это известно любому хорошему следователю. Вот почему они так тщательно обыскивают место преступления, пыта-

¹⁴ Кофеиносодержащие таблетки для бодрости.

ясь найти волосок, каплю крови, нитку, пуговицу, отпечаток пальца или ладони, след обуви, каплю спермы, вмятины от орудий или гильзы. И чаще всего находят.

Криминалист и трое детективов на четвереньках излазали весь переулок от 45-й до 47-й-стрит – все тридцать метров. И не нашли ничего.

Оставив переулок под охраной оцепления, они пошли в дом, где жила Джорджанна, допросить сестер общества и заведующую общежитием.

Джорджанна жила в комнате номер восемь с соседкой Ди Николс. Все вещи были на месте, кроме одежды, в которой она ушла, и кожаной рыжевато-коричневой с красноватыми разводами сумки-мешок. В ней она носила несколько долларов, удостоверение личности, флакон духов «Хэвен Сент» с ангелами на этикетке и небольшую расческу.

– Джорджанна никуда не ходила, не оставив мне номера телефона того места, куда она идет, – сказала Ди. – Я знаю, что прошлой ночью она собиралась вернуться. Ей надо было сдать еще один экзамен, а тринадцатого она собиралась вернуться на лето домой. На голубых штанах – что на ней – не хватало трех пуговиц. Могу дать вам одну из них.

Как и у Сьюзен Ранкорт, у Джорджанны была сильная близорукость.

– Прошлой ночью она не надела ни очков, ни линз, – вспоминала ее соседка. – Она проходила в линзах весь учебный день, а когда потом надеваешь очки, все вокруг расплывается, поэтому она их не надела.

Пропавшая девушка видела достаточно хорошо, чтобы преодолеть знакомый переулок, но на расстоянии дальше трех метров не разглядела бы ничего, кроме мутных очертаний. Если кто-то следил за ней в переулке и слышал, как ее окликнули из окна общежития «Бета», то запросто мог подозревать ее: «Джордж». И ей пришлось бы подойти к нему очень близко, чтобы рассмотреть лицо.

Возможно, настолько близко, что удалось ее схватить, заткнуть рот и похитить, а у нее не осталось шанса даже крикнуть, позвав на помощь?

Конечно, любой выглянувший в переулок насторожился бы при виде уносящего ее мужчины. Или нет? В экзаменационную неделю всегда много проделок, всего чего угодно ради снятия напряжения, и сильные молодые люди часто поднимали на руки хихикающих, визжащих девушек, изображая «пещерного человека».

Однако ничего подобного тоже не заметили. Джорджанна Хокинс могла сразу потерять сознание, оглушенная ударом или хлороформом, или уколом транквилизатора, или ее просто схватили сильные руки, ладонь крепко зажала рот, и она даже вскрикнуть не успела.

– Она боялась темноты, – проговорила Ди. – Она боялась темноты. Порой из-за темной прогалины на улице мы обходили квартал. Когда *он* схватил ее, я знаю, что она торопилась сюда. Думаю, шансов у нее не было.

Сестра Джорджанны по студенческому обществу, с которой она в тот вечер ходила на вечеринку, рассказала, что они расстались на углу 47-й Норд-Ист и 17-й Норд-Ист-стрит.

– Она постояла, дожидаясь, пока я дойду до нашего дома и, дойдя, я ей крикнула: «О'кей», и в ответ она тоже крикнула «О'кей». Так мы удостоверились, что с нами все в порядке. Она пошла в дом «Бета», и это последний раз, когда я ее видела.

Для детективов сиэтлского отдела убийств и тогда и сейчас непостижимо, как Джорджанна могла бесследно исчезнуть на отрезке в двенадцать метров. Из всех исчезновений девушек дело Хокинс больше всего сбивало их с толку. Казалось, этого просто не могло произойти – однако произошло.

Когда новость об исчезновении Джорджанны попала в прессу, объявились два свидетеля, рассказавших поразительно похожие истории о произошедшем ночью 11 июня. Привлекательная девушка из студенческого общества поведала, что шла мимо Греческих домов на 17-й Норд-Ист около 00:30, когда заметила молодого человека, ковылявшего на костылях прямо ей навстречу. Одна штанина джинсов разрезана по боковому шву, нога полностью загипсована.

– Он нес за ручку портфель и постоянно его ронял. Я предложила ему помощь, только сказала подождать, потому что мне надо зайти в один из соседних домов.

– И вы помогли?

– Нет. Я пробыла в том доме дольше, чем собиралась, и когда вышла, его уже не было.

Студент колледжа видел высокого приятной наружности мужчину на костылях и с портфелем.

– Я видел, как девушка несла его портфель, а позже снова увидел эту девушку, но уже одну.

Ему показали фотографию Джорджанны Хокинс, но он сказал, что это точно не она.

В ту пору данные из дела Сьюзен Ранкорт о мужчине с рукой на перевязи еще не получили широкой огласки. Только после сообщений о мужчине с гипсом на ноге обнаружилась связь двух этих далеких дел. Что же это было: совпадение или коварная уловка, чтобы притупить бдительность девушек?

Детективы обошли каждый дом по обе стороны 17-й Норд-Ист. В доме 4520 «Пи Сигма Сигма» прямо напротив общежития Джорджанны одна девушка вспомнила, что ночью 11 июня проснулась между часом и двумя ночи.

– Меня разбудил крик. Высокий... ужасающий крик. Я прислушалась – все было тихо. Подумала, что это резвятся дети, но теперь я знаю, и мне так жаль... мне жаль, что я не...

Больше никто ничего не слышал.

Линда. Донна. Сьюзен. Кэти. Бренда. Джорджанна. Все они исчезли настолько бесследно, как будто сами пестрые декорации бытия раздвинулись, втянули их и снова сдвинулись, не оставив на поверхности гобелена даже ничтожной заплатки.

Отец Джорджанны надтреснутым голосом выразил то, что на душе остальных родителей:

– С каждым днем я все больше опускаю руки. Мне хочется верить, но я реалист. Она была очень дружелюбной, отзывчивой девушкой. Я уже говорю «была». Хотя не должен такого говорить. Растить детей – нелегкое дело. И когда ты думаешь, что самое трудное уже позади...

Любой детектив убийного отдела хоть раз в жизни сталкивался со страданиями родителей, интуитивно понимающих, что их ребенок мертв, но без тени утешительного знания о местонахождении тела подтвердит – хуже этого неведения нет ничего. Один много повидавший на своем веку следователь сказал мне: «Это ужасно тяжело. Ужасно тяжело сообщать родителям, что ты нашел тело их ребенка. Но для родителей, пребывающих в неведении, мучения не кончаются. Они не знают, не пытаются ли где-нибудь их дитя, они не могут устроить похороны, выплакать горе и переживают его снова и снова. А знание, так или иначе, помогает перевернуть страницу и вернуться к жизни».

Девушки пропали, и все родители пытались с этим смириться, давали информацию, которая поможет опознать их к тому времени, возможно, уже разложившиеся тела. Стоматологические карты периода, когда родители платили за пломбы и ортодонтию, чтобы у дочерей были хорошие красивые зубы. Рентгеновские снимки переломов костей Донны Мэнсон, которые срослись ровно и снова стали крепкими. Рентгенограммы Джорджанны, подростком страдавшей болезнью Осгуда-Шляттера – повреждением апофиза бугристости большеберцовой кости. После нескольких месяцев лечения ее ноги стали длинными и стройными, остались только маленькие утолщения чуть ниже колен.

Каждый из нас, кто вырастил детей, знает слова Джона Ф. Кеннеди: «Иметь детей – значит готовить заложников для судьбы». Потеряв ребенка из-за болезни или даже несчастного случая, можно со временем справиться с этой болью. Потерять ребенка от рук хищника, безумного убийцы – практически за гранью того, что можно вынести.

Когда я начала писать основанные на фактах детективные рассказы, я пообещала себе: всегда помнить о том, что пишу о погибших, и никогда об этом не забывать. Надеюсь, что

моя работа поможет кого-то спасти, предупредить об опасности. Я никогда не упивалась жесткостью, не пыталась сделать сенсацию на чужом горе и оставалась верна своим принципам. Я вступила в Комитет друзей и родственников пропавших без вести и жертв насильственных преступлений. Встречалась со многими родителями жертв и плакала вместе с ними, испытывая чувство вины, что живу за счет их трагедии. Когда я им сообщила им об этом, они взяли меня за руки и ответили: «Нет. Продолжай писать. Пусть люди знают, каково это. Пусть знают, как нам больно и как мы пытаемся спасти детей других родителей, работая над новым законом, предусматривающим обязательное назначение наказания и смертную казнь для убийц».

Они были намного сильнее меня, и мне никогда с ними не сравниться.

Итак, я продолжала свою деятельность, пытаясь разгадать эту ужасную головоломку, думая, что убийца, когда его найдут, окажется человеком, который обвинялся в насильственных преступлениях, человеком, которому никогда нельзя было позволять ходить по улицам. Что он будет тем, кто в прошлом наверняка выказал симптомы ненормальности, тем, кого слишком рано выпустили из тюрьмы.

Глава 9

Я сидела в кабинете капитана Херба Свиндлера, когда в конце июня 1974 года в отдел убийств вошла Джони Ленц с отцом. Фотографии жертв Херб повесил на стене кабинета. Они служили напоминанием, что следствие должно не сбавлять оборотов, пока преступник не будет пойман. Джони сама вызвалась помочь и пришла взглянуть на снимки других девушек – вдруг она кого-то из них опознает, хотя их имена были ей совершенно незнакомы.

– Джони, – начал мягким тоном Херб. – Взгляни на этих девушек. Ты кого-то из них видела? Может, вы встречались в клубе, вместе гуляли или ходили на занятия?

Джони изучала фотографии, а отец, оберегая ее, стоял рядом. Эта худенькая девушка все еще не оправилась от черепно-мозговой травмы. Говорила она неуверенно, невнятно, но изо всех сил старалась помочь. Она подошла поближе к стене, внимательно изучила каждое фото и помотала головой.

– Н-нет, – пробормотала она. – Никогда их не видела. И не знала. Я много чего не помню, но этих девушек точно никогда не знала.

– Спасибо, Джони, – сказал Херб. – Мы благодарны за то, что ты пришла.

Попытка была почти безнадежная: вероятность того, что выжившая жертва даст подсказку, была ничтожна. Когда Джони, прихрамывая, пошла к двери, Херб посмотрел на меня и покачал головой. Даже знай она кого-то из девушек, воспоминания об этом, как и обо всех событиях предшествующего года, стерлись у нее из памяти.

В начале лета 1974 года в газетах написали о том, как пропадали девушки. Теперь информация стала достоянием не только детективов и высокопоставленных лиц. Общество было потрясено. Резко сократилось количество молодых женщин, голосовавших на дорогах, и вообще все женщины, от юных до пожилых, были напуганы.

Появились рассказы, происхождение которых было невозможно отследить. Десятки раз я слышала разные их варианты. Но они неизменно случились с подружкой подруги, кузиной, сестрой или женой.

Иногда в этих рассказах нападение происходило в торговом центре, иногда в ресторане или театре. Нечто вроде этого: «Тот мужчина с женой (сестрой, дочерью и т. д.) поехал за покупками в торговый центр, и она вернулась что-то взять в машине. Ее долго не было, муж начал беспокоиться и пошел ее искать. И подоспел как раз вовремя и увидел, как какой-то мужчина пытается похитить его жену. Муж закричал, и похититель убежал. Но он ей что-то успел вколоть, и она была без сознания. Ей чертовски повезло, что муж пришел вовремя, поскольку, вы понимаете, с учетом всего происходящего, это, скорее всего, и был тот убийца».

Впервые услышав эти «правдивые» истории, я попыталась отследить их происхождение, однако выяснилось, что это абсолютно невозможно. Сомневаюсь, что хоть одна из них была правдой. Это был ответ общества, массовая истерия. Если пропавшие девушки могли так бесследно исчезнуть, то это грозит каждому и никак этого не предотвратить.

Разумеется, давление на правоохранительные органы было громадное. 3 июля более сотни представителей полицейских департаментов со всего Вашингтона и Орегона съехались в колледж Эвергрин в Олимпии на конференцию для «мозгового штурма». Возможно, если они объединят имеющуюся у каждого информацию, им удастся добиться прорыва в казавшейся неразрешимой загадке.

Пригласили меня, и когда я шла на конференцию по тропинкам, над которыми густой сенью нависали еловые ветки, мне стало жутко. Четыре месяца назад, направляясь в то же самое здание, здесь проходила Донна Мэнсон. Теперь вместо дождей ярко светило солнце, а над головой щебетали птицы, но страх остался.

Сидя среди следователей полицейского департамента Сиэтла, полицейского департамента округа Кинг, дорожной полиции штата Вашингтон, Управления уголовных расследований Сухопутных войск США, полиции Вашингтонского университета, службы безопасности Университета Централ Вашингтон, Департамента полиции Такомы, управления шерифа округа Пирс, управления шерифа округа Малтнома, полиции штата Орегон и десятков менее крупных департаментов, – было почти невозможно поверить, что все эти люди, с десятками лет учебы и опыта работы, не могли узнать больше о подозреваемом, которого они разыскивали.

Однако вовсе не из-за недостатка старания: его искал каждый участвующий в расследовании департамент и готов был изучить любую зацепку – какой бы эксцентричной она ни была – и арестовать именно того человека.

Во вступительном слове Дон Редмонд, шериф округа Терстон, высказал общее мнение:

– Мы хотим показать родителям, что нам действительно не все равно. Мы хотим найти их детей. Народ штата Вашингтон должен протянуть нам руку помощи, обеспечить информацией. Нам нужны глаза и уши людей на улице.

Департамент Редмонда, расположенный в столице штата Вашингтон, продолжал поиск убийцы Кэтрин Мэри Девайн и местонахождения Донны Мэнсон. Но теперь им предстояло иметь дело с еще одним убийством. Пятнадцатилетняя Бренда Бэйкер путешествовала автостопом, как Кэти и Донна. Из дома она ушла 25 мая. 17 июня ее сильно разложившееся тело обнаружили на границе парка штата Миллерсильвания. Уже невозможно было установить причину смерти и провести быстрое опознание. Сначала следователи подумали, что это Джорджанна Хокинс. Однако сличение со стоматологической картой показало, что это Бренда Бэйкер. Тело Бэйкер нашли в нескольких милях от Маккинни Парк, где обнаружили Кэти Девайн. Оба тела находились на одинаковом расстоянии от федеральной автострады № 5, соединяющей Сиэтл и Олимпию.

При сравнении дел о похищенных девушках выявили поразительное сходство, которое невозможно игнорировать. Было видно, что похититель раз за разом тщательно выбирал девушек одного и того же типа:

Все с длинными волосами и пробором посередине.

Все белые, со светлой кожей.

Все с умственным развитием выше среднего.

Все стройные, привлекательные и очень талантливые.

Все исчезли на неделе экзаменов посреди семестра или итоговых экзаменов.

Все из полных благополучных семей.

Все исчезновения произошли в темное время суток.

Ни у одной девушки не было партнера.

Все девушки в момент исчезновения были в брюках или джинсах.

Ни в одном деле детективам не удалось найти ни единого вещественного доказательства, оставленного похитителем.

В каждом кампусе, где пропали девушки, шли строительные работы.

И в двух случаях – рядом с местами исчезновений Сюзан Ранкорт из Элленсберга и Джорджанны Хокинс из Сиэтла – заметили мужчину с гипсом на руке или ноге.

Все они были молодыми – ни одну из них нельзя назвать зрелой женщиной.

Это было необъяснимо, извращенно, безумно. И для детективов, пытающихся отыскать этого мужчину, это походило на блуждание по лабиринту, где за каждым новым поворотом их ожидал тупик. Жертвы определенно выбрались неслучайно, что наводило на размышления.

Даже задались вопросом: а может, надо искать *нескольких* мужчин? Секту, проводящую ритуальные жертвоприношения девушек? Весной 1974 года из северо-западных штатов сообщали об увечьях скота, брошенного в полях оскотленным. Все это отдавало поклонением дья-

волу. Естественным – или неестественным – продолжением подобных обрядов могли стать человеческие жертвоприношения.

Детективам, собравшимся в колледже Эвергрин, всем этим мужчинам, чья работа и образ жизни требовали мыслить рационально и конкретно, оккультизм был чужд. Я верила в экстрасенсорные способности, но с астрологией знакома не была, кроме ежедневного чтения соответствующих газетных колонок. Однако за пару дней до конференции в Олимпии мне позвонила астролог – моя подруга, которая одновременно со мной работала в центре психологической поддержки и, составляя астрологическую карту, подписывалась инициалами «Р.Л.». Ей было под сорок, она училась на последнем курсе исторического факультета Вашингтонского университета. Я надолго потеряла ее из виду, пока она не позвонила мне в конце июня.

– Энн, ты общаешься с полицией, – начала она. – Я кое-что разузнала, что могло бы их заинтересовать. Можем мы об этом поговорить?

Мы встретились с Р.Л. в ее квартире в Норд-Энде, и она провела меня в кабинет, стол, пол и шкафы которого покрывали графики, испещренные непонятными символами.

Она пыталась составить астрологическую модель исчезновений девушек.

– Я на что-то наткнулась. Взгляни, – сказала она.

Я была в полнейшем недоумении. Я смогла разобрать только мой знак, знак Весов, но все остальное было для меня каракулями. Я так ей и сказала.

– Хорошо, я объясню просто. Ты, конечно, знаешь, что такое знаки зодиака. Всего их двенадцать на каждый месяц в году: Водолей, Скорпион и другие. Но у этих знаков каждый месяц есть и лунные фазы.

Она показала мне эфемериды, то есть астрологический альманах, и я узнала, что фазы лунных знаков длились около сорока восьми часов каждый месяц.

– Это я поняла. Но не вижу связи с делами.

– Получается вот что: Линду Хили похитили, когда Луна находилась в знаке Тельца. Все остальные похищения происходили при прохождении фазы Луны то в знаке Рыб, то в знаке Скорпиона. Шансы на то, что это совпадение, – практически нулевые.

– Ты думаешь, кто-то намеренно похищает этих девушек, возможно, убивает, потому что знает, что Луна проходит через определенный знак? Я не могу этого понять.

– Я не знаю, известно ли ему что-нибудь об астрологии, – сказала она. – Он может даже не осознавать силы Луны.

Она достала запечатанный конверт.

– Хочу, чтобы ты передала его кому-нибудь из начальства. Его не следует вскрывать до выходных дней 13–15 июля.

– Брось! Полицейские меня засмеют.

– А что, у них есть другие зацепки? Модель ясна. Я проверяла ее несколько раз. Если бы я знала, кто он или где девушки, или когда это произойдет в следующий раз, – сказала бы. Но я не знаю. Это случилось, когда Луна была в знаке Тельца, а потом между Рыбами и Скорпионом. Думаю, он снова вернется к Тельцу и начнет новый цикл.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Я возьму конверт, но не обещаю, что передам. Я не знаю, кому я могла бы его вручить.

– Ты найдешь, – твердо произнесла она.

На совещании правоохранителей в Эвергрин конверт лежал у меня в сумочке, я все еще не решалась рассказать о нем или о предсказаниях Р.Л.

После обеденного перерыва место за кафедрой занял Херб Свиндлер. Он задал своим товарищам-правоохранителям поразительный вопрос, встреченный раскатами хохота:

– У кого-нибудь есть еще идеи? Есть схемы, которые мы не рассмотрели? Кто-нибудь из присутствующих знает что-то о нумерологии? Среди присутствующих есть медиумы?

Я подумала, что Херб шутит, но он не шутил. Он начал писать на доске даты исчезновения девушек, пытаясь проследить какую-нибудь связь.

Но, казалось, ухватиться было не за что. Между исчезновениями Линды и Донны прошло 42 дня. Донны и Сюзан – 36 дней, Сюзан и Кэти Паркс – 19 дней, Кэти и Бренды – 25 дней, Бренды и Джорджанны – 11 дней. Бросалось в глаза только, что похищения происходили все чаще и чаще.

– Хорошо, – сказал Херб. – Есть другие предположения? Мне не важно, насколько они покажутся безумными. Мы должны и с ними разобраться.

Письмо готово было прожечь дыру в моей сумке. Я подняла руку.

– Я ничего не знаю о нумерологии, но моя подруга-астролог утверждает, что существует некая астрологическая закономерность.

Кто-то закатил глаза, послышались смешки, но я решительно принялась рассказывать о том, что сообщила Р.Л.

– Он похищает девушек, только когда Луна находится в знаках Тельца, Рыб и Скорпиона. Свиндлер улыбнулся.

– Твоя подруга считает это необычным?

– Она говорит, что это противоречит закону распределения вероятностей.

– То есть она может сказать, когда это случится снова?

– Не знаю, но она дала мне запечатанный конверт. Возьми, если хочешь. Но его нельзя вскрывать до 15 июля.

Я почувствовала, что аудитория начинает нервничать из-за пустой траты времени.

Я передала конверт Хербу, он взвесил его на ладони.

– Значит, тут указано время следующего похищения?

– Не знаю. Я не знаю, что внутри. Она хочет проверить свою теорию и велела мне не открывать конверт раньше срока.

Обсуждение переключилось на другие аспекты. Подозреваю, большинство следователей решили, что я очередная сумасшедшая журналистка, да и я сама сомневалась, не попытка ли это найти закономерность там, где ее нет.

Основным выводом собрания стало то, что за всеми исчезновениями девушек стоит один мужчина, и все старались понять, к какой хитрости он прибегал, чтобы притупить бдительность девушек. Кому большинство молоденьких девушек доверится автоматически? Как маньяк мог маскироваться, чтобы заставить девушек поверить, что он не представляет опасности? Еще с детства большинство из нас приучено доверять священнику, пожарному, врачу, фельдшеру «Скорой помощи» и полицейскому. И последний вариант не исключался, как бы отвратителен он ни был собравшимся полицейским. Возможно, это был негодяй-полицейский или кто-то, переодетый в полицейскую форму.

Также большинство молодых девушек, скорее всего, помогли бы инвалиду – слепому, тому, кому внезапно стало плохо, *кому-то в гипсе или на костылях*.

И каков выход? Укомплектовать все кампусы Северо-Запада полицейскими, приказывать им задерживать каждого одетого полицейским, пожарным, фельдшером или священником? Или всех мужчин в гипсе? Об этом можно было только мечтать – личного состава правоохранительных органов как штата Вашингтон, так и Орегон не хватило бы.

Единственное, что можно было предпринять – предостеречь общественность через средства массовой информации, обратиться за помощью к местному населению и неустанно работать даже с малейшими поступающими подсказками. Наверняка похищающий девушек мужчина или группа рано или поздно совершат промах. Наверняка следователям будет оставлена зацепка, которая на него выведет. Все полицейские на совещании 3 июля помолились, чтобы больше ни одна девушка не пострадала.

Трагично, но освещение конференции в прессе, казалось, послужило лишь брошенной перчаткой, вызовом мужчине, наблюдавшему и ждавшему, чувствовавшему себя выше закона. Мужчине слишком хитрому, чтобы когда-нибудь попасться, насколько бы дерзко он не действовал.

Парк штата Лейк Саммамиш расположен на восточном берегу одноименного озера в двенадцати милях к востоку от Сиэтла и почти примыкает к ведущей к Сноквалми Пасс федеральной автостраде № 90, по которой летом толпы текут не только из самого Сиэтла, но и из близлежащего Белвью – бурно растущего района с 75-тысячным населением. Близ парка также расположены два городка – Иссакуа и Норт-Бенд.

Парк Лейк Саммамиш – это ровные обширные луговые угодья, по весне пестреющие лютиками, а летом – луговыми ромашками. Растут там и деревья, но никаких темных рощ нет. На территории парка расположено управление смотрителей парка. Спасатели приглядывают за пловцами, предупреждая прогулочные суда, и отдыхающие на пикниках могут видеть планирующие купола парашютистов, прыгающих с небольших самолетов. Когда мои дети были маленькими и мы жили в Белвью, каждый теплый летний вечер мы проводили в парке. Там они научились плавать, и я часто одна приезжала с ними на целый день. Это место казалось самым безопасным на свете.

14 июля 1974 года стоял один из тех восхитительных солнечных дней, с нетерпением ожидаемых вашингтонцами бесконечно долгими дождливыми зимами и ранними веснами. Небо было ясным и голубым, к полудню температура подскочила до двадцати семи градусов, к концу дня грозя добраться до тридцатиградусной отметки. Такие дни отнюдь не необычны даже для Западного Вашингтона.

В это воскресенье парк был переполнен – сорок тысяч человек искали, где расстелить одеяла и насладиться солнцем. Там же, помимо семейного отдыха, пивоварней «Рейнир» проводился ежегодный «пивной кутеж». Пикник устраивала и спортивная ассоциация полиции Сиэтла. Уже в начале дня асфальтированная парковка была забита машинами.

В то утро около полдвенадцатого в парк приехала симпатичная молодая девушка, и к ней подошел молодой человек в белой футболке и синих джинсах.

– Скажите, не найдется ли у вас минутки мне помочь? – с улыбкой спросил он.

Она увидела, что рука у него на бежевой перевязи, и ответила:

– Конечно, что вам нужно?

Он объяснил, что ему нужно закинуть лодку на крышу машины, но одной рукой он справиться не может. Она согласилась помочь и пошла с ним на парковку к «Фольксвагену-жук» цвета коричневого металлика.

Лодки нигде не было.

Девушка посмотрела на этого симпатичного молодого мужчину – позже она рассказала, что у него светлые, песчаного оттенка волосы, он примерно 178 сантиметров ростом и семьдесят килограммов весом, – и она спросила, где его лодка.

– Ох, забыл сказать, что она в доме моих приятелей, тут рядом, на холме.

Он указал на пассажирскую дверь, и она, насторожившись, замерла. Сказала, что ее ждут родители и она и без того уже опаздывает.

На отказ он отреагировал спокойно.

– Ничего страшного. Мне сразу надо было сказать, что лодка не на парковке. Благодарю, что уделите мне время и подошли к машине.

Полпервого она увидела этого мужчину, идущего к парковке в сопровождении девушки на велосипеде. Они оживленно разговаривали. Она не вспомнила об этом случае до следующего дня, когда прочла газету.

День 14 июля выдался одиноким для двадцатитрехлетней Дженис Отт, стажерки в отделе соцработы по делам несовершеннолетних в Центре по делам молодежи округа Кинг в городе Сиэтл, где располагались окружная тюрьма для малолетних преступников и окружной суд по делам несовершеннолетних. Ее муж Джим находился в 1400 милях в Риверсайде, Калифорния: завершал курс обучения по проектированию протезов. Долгожданная работа в суде по делам несовершеннолетних помешала ей поехать с мужем. Им предстояло расставание на несколько месяцев, хотя поженились они всего полтора года назад.

Дженис Энн Отт была миниатюрна, всего 45 килограммов весом и ростом едва 150 сантиметров. У нее были длинные светлые волосы с пробором посередине и потрясающие серо-зеленые глаза. Она больше походила не на выпускницу, с отличием окончившую Университет Восточного Вашингтона в городе Чейни, а на школьницу. Отец Дженис работал заместителем директора государственной школы в Спокане, Вашингтон. И даже какое-то время входил в состав Совета штата по вопросам тюремного заключения и условно-досрочного освобождения. Семья явно ориентировалась на государственную службу.

Как и Линда Энн Хили, Дженис была хорошо образована в теоретических подходах к антиобщественному поведению и нарушениям психики и была такой же, как и Линда, идеалисткой. Позже ее отец сказал: «Она считала некоторых людей нездоровыми, дезориентированными и чувствовала, что благодаря своим навыкам и личным качествам сможет им помочь».

Дженис приехала на пляж у озера Саммамиш на десятискоростном велосипеде из дома в Иссакуа сразу после полудня. Соседке она оставила записку, что вернется около четырех часов дня.

Она нашла местечко в нескольких метрах от трех групп отдыхающих и расстелила покрывало. Одета она была в обрезанные джинсы и завязанную спереди на узел белую рубашку. Под ними был черный купальник. Она скинула верхнюю одежду и легла загорать.

Всего через пару минут над ней нависла тень, и она открыла глаза. На нее смотрел приятный молодой человек в белой футболке, белых теннисных шортах и белых кроссовках. Правая рука у него была на перевязи.

Отдыхавшие поблизости невольно слышали их разговор, когда, шурясь от солнца, Дженис села. Они вспомнили, что мужчина говорил с легким то ли канадским, то ли британским акцентом, и он сказал:

– Извините, не могли бы вы помочь мне закинуть на крышу машины парусную лодку? Сам я не могу. У меня сломана рука.

Дженис Отт предложила ему присесть и рассказать поподробнее. Она представилась, а он в ответ назвал себя Тедом.

– Понимаете, моя лодка находится в доме родителей в Иссакуа...

– Правда? Я тоже живу в Иссакуа, – сказала она с улыбкой.

– Может, тогда вы могли бы съездить со мной?

– Интересно, должно быть, ходить под парусом, – сказала она. – Я вот не умею.

– Я легко могу вас научить, – предложил он.

Дженис объяснила, что приехала на велосипеде и боится, что его украдут, если она его оставит. Он быстро ответил, что велосипед можно положить в багажник.

– Что ж, тогда я смогу вам помочь.

Они еще минут десять поболтали. Потом она встала, надела шорты и рубашку и вместе с «Тедом» пошла, катя велосипед, на парковку.

Живой Дженис Отт больше не видели.

Восемнадцатилетняя Дэнис Насланд в то воскресенье тоже была в этом парке. Она приехала на своем «Шевроле» 1963 года вместе с бойфрендом и еще одной парой. Темноволосая, темноглазая и невероятно привлекательная Дэнис была всего двумя днями старше Сьюзен Элейн Ранкорт, пропавшей три месяца назад. Дэнис могла о ней читать, хотя это и сомни-

тельно. Ростом 165 сантиметров и весом 54 килограмма, она тоже отлично вписывалась в схему других недавних нападений.

Однажды она присматривала за детьми моей хорошей подруги, запомнившей ее как неизменно веселую и надежную девушку. Позже ее мать, миссис Элеонора Роуз, вспоминала, как Дэнис часто говорила: «Я хочу жить. Еще столько всего нужно повидать в этом прекрасном мире».

Дэнис училась на программистку и временно работала неполный день помощницей в офисе, чтобы оплачивать вечернюю школу. Пикник 14 июля был долгожданным выходным в ее плотном графике. Вторая половина дня началась хорошо, позже ее омрачил спор с бойфрендом, впрочем, быстро улаженный. Четверо молодых людей растянулись под солнцем, лежали с закрытыми глазами и внимали доносящейся до них приятной какофонии.

Около четырех часов пополудни – несколько часов спустя после исчезновения Дженис Отт – возвращавшуюся из паркового туалета к друзьям шестнадцатилетнюю девочку остановил мужчина с рукой на перевязи:

– Простите, юная леди, не могли бы вы помочь мне с лодкой?

Она помотала головой, но он не отставал и схватил ее за руку:

– Пойдем!

Она ретировалась.

В 16:15 мужчину с рукой на перевязи встретила еще одна молодая женщина.

– Не могли бы вы оказать мне услугу, – начал он. Он объяснил, что ему нужно помочь спустить лодку на воду. Девушка сказала, что ей некогда, она спешит к подругам, которые ждут ее, чтобы ехать домой.

– Ясно, – с улыбкой сказал он. Некоторое время он смотрел ей вслед. Одет он был в белую теннисную форму и выглядел вполне прилично, но ей *правда* было некогда.

Около четырех часов дня Дэнис с друзьями поджарили хот-доги, после чего двое молодых людей почти сразу заснули. Примерно полпятого Дэнис встала и направилась в туалет.

Одной из последних живой Дэнис видела женщина – в туалете она разговаривала с девушкой, с которой они потом вместе вышли.

Друзья забеспокоились, когда Дэнис, обещавшая вернуться несколько минут спустя, отсутствовала уже довольно долго. На покрывале остались лежать ее сумочка, ключи от машины и плетеные кожаные сандалии. Она не могла уйти из парка в одних шортах и синем топе с открытой спиной. И она не сообщала, что собирается сходить поплавать.

Они ждали, ждали и ждали, пока солнце не стало садиться, отбрасывая длинные тени, и не похолодало.

О мужчине с рукой на перевязи они, конечно, и не подозревали. Не знали, что около пяти часов он подошел к еще одной женщине и попросил о той же услуге:

– Не могли бы вы помочь мне закинуть лодку на крышу машины?

Эта двадцатилетняя девушка только что приехала в парк на велосипеде и увидела уставившегося на нее мужчину. Идти с ним ей никуда не хотелось, и она объяснила, что на самом деле она не такая сильная, а кроме того, она кое-кого ждет. Он быстро потерял к ней интерес и отошел.

Тут и подвернулась Дэнис. Она была из тех девушек, которая оказала бы помощь, в особенности тому, чьи физические способности были временно ограничены.

Наступил вечер, парк опустел, на парковке остались только машина Дэнис и ее друзья, обыскавшие весь парк и не обнаружившие ни единого следа. Они подумали, она могла отправиться на поиски своей убежавшей собаки.

Собаку они нашли, но без хозяйки.

Парень Дэнис не мог поверить в произошедшее. Они любили друг друга и вместе были уже девять месяцев. Она никогда бы так его не бросила.

Полдевятого вечера они сообщили об ее исчезновении зрителям парка. Однако для обыска парка и озера было уже слишком поздно. А на следующий день развернулась одна из самых масштабных поисковых операций за всю историю округа Кинг.

В маленьком доме номер 75 на Фронт-стрит в Иссакуа, в подвальной квартире которого жила Дженис, телефон начал звонить в четыре часа утра. Джим Отт ждал звонка жены – когда он разговаривал с ней прошлой ночью, она обещала позвонить, но больше никогда не позвонила. Весь вечер Джим набирал ее номер и слышал только бесполезные звонки телефона в пустом доме.

Джим Отт ждал у телефона и в ночь на понедельник. Он не знал, что в квартиру жена не вернется никогда.

Я разговаривала с Джимом через несколько дней после его прилета в Сиэтл. Он рассказал о паре странных, почти сверхъестественных посланий, полученных им в несколько дней после 14 июля.

– Когда она звонила в воскресенье – 13 июля – она посетовала, что письма из Вашингтона в Калифорнию идут очень долго. Сказала, что написала мне, но потом решила позвонить, поскольку письма идут по пять дней. В том письме есть такие слова: «Пять дней! Разве это не вечность? Можно пропасть, и об этом даже не узнают».

Когда Джим Отт это письмо получил, все указывало, что Дженис действительно пропала. Он замолчал, чтобы совладать с чувствами.

– Я не знал, что она пропала, и ждал у телефона, пока не заснул. Проснулся я внезапно и сразу посмотрел на часы – было 10:45. А потом я услышал ее голос. Услышал так отчетливо, словно она в комнате рядом со мной. Она говорила: «Джим... Джим... помоги мне...»

На следующее утро Джим Отт узнал, что его жена пропала.

– Это забавно. Я послал Дженис открытку, она пересеклась на почте с ее письмом. Это была одна из тех сентиментальных карточек с парнем и девушкой, идущих навстречу закату. На ней были слова: «Я бы хотел, чтобы мы снова были вместе. Слишком долго я без тебя». А потом я ниже приписал: «Пожалуйста, береги себя. Води машину осторожно. Будь начеку с незнакомыми людьми. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты – источник моего душевного спокойствия».

Отт сказал, что они с женой всегда были близки: к ним в одно и то же время приходили одни и те же мысли. И теперь он ждал послания, какого-нибудь знака, который мог бы дать ключ к ее местонахождению. Но после отчетливых слов, прозвучавших в его комнате 15 июля, воцарилась мертвая тишина.

В Сиэтле, в своем кабинете в полицейском управлении капитан Херб Свиндлер вскрыл запечатанный конверт, переданный мной от астролога. На листке было написано: «Если картина не изменится, следующее исчезновение произойдет в выходные дни 13–15 июля».

Он вздрогнул. Предсказание сбылось. *Дважды.*

Глава 10

«Тед» вышел из тени, показался средь бела дня и подошел едва не к полудюжине молодых женщин, не считая *двух* пропавших. Назвался именем. Своим именем? Наверное, нет, но средствам массовой информации, набросившимся на невероятные исчезновения, оно годилось для заголовков. *Тед. Тед. Тед.*

На самом деле упорные разыскания журналистов, вечно гоняющихся за сенсациями, могли серьезно помешать полицейскому расследованию. Журналисты взяли в жесткую осаду обезумевшие от горя семьи девушек, пропавших на озере Саммамиш. Когда семьи отказывались давать интервью, отдельные репортеры намекали им, что без интервью им придется печатать о Дженис и Дэнис сомнительные слухи. Или, того хуже, заявляли, что отказ семей подробно рассказать о нестерпимой боли может привести к ослаблению интереса публики, необходимого для поиска их дочерей.

Отвратительные и жестокие, эти методы тем не менее дали результат. Родители с неохотой согласились на болезненные интервью и фотографии. Их дочери были хорошими девочками – не женщинами легкого поведения, – и им хотелось, чтобы люди об этом знали. И еще хотелось, чтобы их фотографии напечатали во всех газетах и показали во всех выпусках новостей. Может быть, это помогло бы их найти. Полицейским следователям некогда было давать интервью журналистам.

Технически дела пропавших девушек подпадали под несколько разных юрисдикций: расследованиями исчезновения Линды Энн Хили и Джорджанны Хокинс занимались полиция города Сиэтл и команда под руководством капитана Херба Свиндлера. Дженис Отт, Дэнис Насланд и Бренда Болл пропали в округе Кинг, их поиски усиленно вели люди капитана Дж. Н. «Ника» Макки. Дон Редмонд, шериф округа Терстон, вместе с Родом Маремом из полиции кампуса колледжа Эвергрин отвечал за дело Донны Мэнсон. Дело Сюзан Ранкорт все еще находилось в ведении округа Киттитас и полиции кампуса Центрального Вашингтонского университета. А исчезновением Роберты Кэтлин Паркс занимались полиция штата Орегон и городская полиция Корваллиса.

Поднятый общественностью шум с требованием скорейших результатов усиливался с каждым днем, и давление на следователей было громадным. Насмотревшийся новостей и начитавшийся газет обыватель недоумевал: почему, если полиция неспособна произвести арест, не найдут хотя бы тела пропавших девушек?

Для полиции округа Кинг похищения и вероятные убийства трех девушек означали произошедшие за один месяц тридцать пять процентов от среднегодового объема работы. Хотя население округа, как и в Сиэтле, равняется полумиллиону, оно рассредоточено, и подавляющее его большинство живет в небольших городах, в сельских и лесных районах, что по сравнению с многолюдным городом меньше способствует совершению насильственных преступлений.

В 1972 году по округу совершили всего одиннадцать убийств, к концу года девять из них раскрыли. В 1973 году произошло пять убийств, и были раскрыты все. Хотя в 1974 году отделу убийств дополнительно передали вооруженные ограбления, один сержант и шесть следователей эффективно справлялись с общим количеством дел. Однако после исчезновения Бренды, а шесть недель спустя – Дженис Отт и Дэнис Насланд подразделение пришлось радикально реорганизовать.

Макки был квалифицированным руководителем. Когда он возглавил отдел особо тяжких преступлений, ему еще не было сорока. Он реорганизовал тюремную администрацию и вообще многого добился, но весь его опыт был мало ориентирован на реальную следственную работу.

Оперативников возглавил сержант Лен Рэндалл, блондин с тихим голосом, напоминавший медведя. На места преступлений во всех крупных делах он со своими людьми выезжал сам.

Большую часть группы детективов округа Кинг составили молодые люди. Старше тридцати пяти был только один из них – Тед Форрестер, с ворчливым добродушием откликавшийся на прозвище Старик. На нем была юго-восточная часть округа – фермерские угодья, старые шахтерские городки и предгорья Маунт Рейнир. Рольф Гранден был назначен ответственным за южный район – городскую часть будущего мегаполиса Сиэтл – Такома. Майк Бэйли и Рэнди Хегесхаймер делили юго-запад, также преимущественно городской. Роджер Данн отвечал за северную часть округа – район между городской чертой Сиэтла и границей округа Снохомиш.

Позже всех в отдел пришел Боб Кеппел, стройный и почти мальчишка на вид. Исчезновения у озера Саммамиш произошли именно в секторе его ответственности, на территории восточнее озера Вашингтон. До 14 июля 1974 года Кеппел участвовал в расследовании всего одного убийства.

В конце концов с годами дело «Теда» ляжет в основном именно на плечи Боба Кеппела. Он будет знать о «Теде» и его жертвах больше любого другого следователя округа, за исключением, быть может, лишь Ника Макки.

К 1979 году волосы Боба Кеппела тронет седина, а капитан Макки после двух инфарктов уйдет в отставку по инвалидности. Капитану Хербу Свиндлеру предстоит серьезная операция на сердце. Невозможно точно установить, какой стресс пережили детективы, работавшие над серией дел о похищении девушек, но каждый, кто находился с ними рядом, подтвердит, что огромная ответственность приводит к невероятному напряжению. Если глава корпорации отвечает лишь за прибыли и убытки, то детективы, расследующие убийства, в особенности такие, как дело «Теда», воистину сталкиваются с вопросами жизни и смерти, бегут наперегонки со временем при минимальных шансах на победу. Риски этой профессии – язвы, гипертония, сердечная недостаточность, а порой и алкоголизм. Общественность, семьи потерпевших, пресса и начальство – все требуют от них безотлагательных действий.

К масштабному поиску Дэнис Насланд и Дженис Отт привлекли весь персонал отдела расследования особо опасных преступлений округа Кинг в восточном районе, а также детективов из Сиэтла и сотрудников небольших полицейских управлений близ Парка штата Лейк Саммамиш: Иссакуа и Норт-Бенд.

В некотором смысле сейчас им было с чего начинать – не только с Дженис и Дэнис, но и еще с шести девушек, которые, они не сомневались, были частью смертоносного сценария. «Тед» проявился. Когда 15 июля эта история попала в газеты, откликнулось с дюжину человек: девушки, с которыми говорил убийца, дрожавшие от мысли, что они подошли к грани смерти; свидетели разговора Теда с Дженис Отт до того, как она ушла с ним.

Полицейский художник Бен Смит принялся рисовать фоторобот мужчины, по показаниям похожего на незнакомца в белом теннисном костюме. Он стирал и снова рисовал, старательно пытаясь отразить на бумаге то, что имели в виду свидетели. Задача была отнюдь не из легких.

Как только рисунок продемонстрировали по телевидению, поступили сотни звонков. Однако после этого выяснилось, что у «Теда» никаких характерных особенностей нет. Симпатичный молодой человек чуть за двадцать, со светло-русыми волосами, с обычным лицом без шрамов или других особенностей, отличающих его от тысяч других молодых людей на том пляже. У него была сломана рука – да, но следователи сомневались, что она и в самом деле сломана. Они были уверены, что гипс был снят и выброшен после того, как выполнил свое назначение.

Нет. «Тед» наверняка выглядел настолько заурядно, что, скорее всего, именно в расчете на неприметную внешность он и показался на людях, а теперь получал извращенное удовольствие от внимания средств массовой информации.

Детективы допытывались снова и снова:

– Подумайте. Попробуйте назвать в нем что-то необычное, что-то запоминающееся.

И свидетели пробовали. В надежде на то, что они еще что-то смогут вспомнить, некоторых даже ввели в гипноз. Акцент, точно, легкий британский акцент. Да, в разговоре с Дженис Отт он упомянул об игре в ракетбол. Еще улыбка у него была нечто особенное. Очень грамотная речь образованного человека. Хорошо. Что-то еще? Он был загорелым. Отлично. Что еще?

Больше ничего. Ничего, кроме странного взгляда, которым он смерил несколько потенциальных жертв.

Была машина – неприметный коричневый «Фольксваген-жук» неизвестного года выпуска. Все эти «Жуки» выглядят одинаково. А та свидетельница, проследовавшая вместе с «Тедом» на парковку, не видела, чтобы он в него садился. Просто прислонился к нему, объясняя, что его лодка не в парке. Машина могла быть не его. Хотя подождите: он указал жестом на пассажирскую дверь. Должно быть, это действительно была его машина.

Но никто не видел, чтобы на парковке Дженис Отт садилась в какую-либо машину. У нее был десятискоростной желтый «Тайгер», который нельзя просто так разобрать для транспортировки. Целиком в багажник «Жука» он не помещается. Кто-то обязательно заметил бы машину с торчащим из машины или закрепленным снаружи велосипедом.

Но никто ничего не видел.

Озеро Саммамиш закрыли для посетителей, дно прочесывали полицейские водолазы, напомнившие инопланетян. Они ныряли снова и снова, а появляясь на поверхности воды, всякий раз отрицательно мотали головой. Стояла жара. Будь тела девушек в озере, они бы всплыли и всплыли, но этого не произошло.

Окружная дорожная полиция, полицейские Иссакуа и восемьдесят добровольцев из отряда скаутов, команды спасателей и пешком и верхом исследовали 160 гектаров парка и ничего не нашли. Над зоной поисков кружили вертолеты полиции Сиэтла, тоже тщетно пытаясь отыскать хоть что-нибудь: блестящий желтый велосипед, ярко-голубой рюкзак Дженис, с которым она была в воскресенье, или самих девушек, – возможно, их тела, невидимые наземным группам, скрывали густые заросли к востоку от парковки.

Патрульные машины Службы шерифа медленно курсировали по ведущим через фермерские угодья окрестным дорогам, останавливаясь и проверяя старые амбары, полуразвалившиеся сараи и пустые заброшенные дома.

Они ничего не нашли.

Не было и записки с требованием выкупа. Женщины требовались похитителю не ради получения денег. С каждой неделей становилось все очевиднее, что мужчина в теннисном костюме, скорее всего, сексуальный маньяк. Остальные женщины исчезли с большими промежутками. Многие детективы считают, что мужчины также подвержены псевдоменструальным циклам, и бывают моменты, когда извращенные побуждения находящихся на грани нормы мужчин становятся навязчивыми и толкают их насиловать или убивать.

Но две девушки в один день? Сексуальная одержимость этого мужчины настолько велика, что всего четыре часа спустя после первой ему потребовалось похищать вторую жертву? Дженис исчезла в 12:30. Дэнис – около 16:30. Даже самый маниакально одержимый мужчина был бы измотан и удовлетворен одним нападением. Почему четыре часа спустя он вернулся в тот же парк и похитил еще одну женщину?

Сценарий нападений делался все опаснее, и нападения учащались, словно подозреваемому требовались все более частые стимулы для облегчения ужасающей мании. Возможно, неуловимому «Теду» для удовлетворения appetitов одной жертвы было мало. Возможно, Дже-

нис где-то лежала связанной с кляпом во рту, пока он вернулся за второй женщиной. Возможно, ему хотелось острых ощущений двойного сексуального нападения и убийства, и одной жертве пришлось ждать и смотреть, как он насиловал и убивал другую. Однако это лишь теория, о которой многим из нас было тяжело даже думать.

Каждый опытный следователь отдела убийств знает: если дело не раскрывается за первые двадцать четыре часа, шансы найти убийцу уменьшаются пропорционально прошедшему времени. След все сильнее остывает.

Проходили дни и недели, а расследование не продвигалось. Даже тела жертв детективам отыскать не удавалось. Дэнис и Дженис могли находиться где угодно – в радиусе ста или двухсот миль. Маленькому коричневому «Фольксвагену-жук» достаточно было проехать всего четверть мили, чтобы попасть на федеральную автостраду № 90, ведущую через горы на восток или в густонаселенный Сиэтл на западе. Это было сродни поиску двух иголок в миллионе стогов сена.

На случай, если женщин убили и похоронили где-то на огромных полудиких территориях вокруг парка, в воздух подняли самолеты с инфракрасными камерами. Они помогли в Хьюстоне в 1973 году, когда техасские следователи искали тела подростков – жертв серийного убийцы Дина Корла. Недавно перелопаченная земля и сухая листва на готовых снимках были бы отражены ярко-красным цветом – задолго до того, как следы можно разглядеть человеческим взглядом. Обнаружили несколько участков, и детективы их тщательно перекопали, однако кроме поваленных деревьев ничего не нашли.

В то воскресенье 14 июля некоторые компании отдыхающих в парке Лейк Саммамиш снимали домашнее видео и очень быстро проявили пленки. Детективы внимательно изучили картинку на переднем плане, но больше всего их интересовал задний план, где они хотя бы мельком надеялись увидеть мужчину с рукой на перевязи. Они не улыбались смеху и шалостям на экране. Они продолжали высматривать мужчину, который мог быть просто не в фокусе. Его там не было.

В следующее воскресенье после похищений журналисты также проверили парк. Они обнаружили, что, несмотря на такой же, как и на прошлой неделе, замечательно солнечный день, отдыхающих было намного меньше. Несколько женщин, с которыми они поговорили, указали на спрятанные под пляжными полотенцами револьверы. Некоторые носили пружинные ножи и свистки. В туалет женщины ходили парами и большими группами. Рейнджер парка Дональд Симмонс отметил, что посетителей было примерно в двадцать раз меньше, чем он ожидал.

Но шли недели, люди забыли или просто выкинули из головы двойное похищение. Парк снова наполнился отдыхающими, а призраки Дэнис Насланд и Дженис Отт, казалось, не тревожили больше никого.

Никого, кроме полицейских детективов округа Кинг. Дела номер 74–96644, 74–95852 и 74–81301 (Дженис, Дэнис и Бренда) будут преследовать их до конца дней.

Сиэтлский психиатр доктор Ричард Джарвис, эксперт по отклонениям преступного сознания, исходя из своих наработок, составил описание мужчины, теперь ставшего известным как «Тед». Он считал: если все восемь похищений связаны и девушки убиты, то возраст нападавшего от 25 до 35 лет, он психически болен, однако не настолько, чтобы привлечь к себе внимание. Джарвис полагал, что «Тед» боялся женщин и их власти и иногда вел себя как «асоциальный тип».

Маньяк из парка напомнил Джарвису двадцатичетырехлетнего жителя Сиэтла, в 1970 году осужденного за убийства двух молодых женщин, изнасилования и покушения на изнасилования. Этот мужчина, признанный сексуальным маньяком, отбывал пожизненный срок. В школе он был звездой спорта, пользовался популярностью, к женщинам относился внимательно и уважительно. Он разительно изменился, когда его бросила давняя школьная подруга.

Потом он женился, а сексуальные посягательства начались после того, как жена подала на развод.

Согласно гипотезе Джарвиса сексуальный психопат не является неменяемым юридически, разницу между добром и злом он понимает. Но он склонен нападать на женщин. Обычно у него нет недостатка умственных способностей, повреждений головного мозга или выраженного психоза.

В освещавшей дело сизтлской газете утверждения Джарвиса стали интересной информацией к размышлению. Много позже я их перечитала и поняла, насколько точно он описал убийцу.

В редчайшие моменты, когда у расследующих дела детективов выпадало время поговорить, мы со всех сторон пытались прикинуть, кем этот «Тед» мог быть. Он явно умен, обаятелен и привлекателен. Ни одна из восьми девушек не пошла бы с не кажущимся безопасным мужчиной, чья манера поведения не была бы настолько вежливой и располагающей, чтобы заставить их отбросить обычную осторожность и все усвоенные с детства предостережения. Хотя позднее была применена сила и, возможно, насилие, в большинстве случаев ему удалось завоевать их доверие. Скорее всего, он студент или в недавнем прошлом был студентом колледжа. Он явно знаком с кампусами и тамошним образом жизни.

Орудием завоевания доверия девушек – помимо внешности и обаяния – явно служила видимость беспомощности. Мужчина со сломанной рукой или ногой не представлялся особой угрозой.

Кто мог иметь доступ к гипсам, перевязям и костылям? Да любой, кому они могли понадобиться, однако очевиднее всего это студент-медик, санитар больницы, фельдшер «Скорой помощи» или сотрудник фирмы-поставщика медицинских товаров.

– Он не должен вызывать подозрений, – размышляла я. – Даже тем, кто с ним хорошо знаком, никогда не придет в голову связать его с «Тедом».

Это была отличная теория, но она же показывала, что найти «Теда» едва ли представляется возможным.

Астрологическая модель, даже несмотря на точное предсказание, что следующие исчезновения произойдут в выходные, была слишком эфемерна, чтобы на нее можно было опереться. Возможно, этот мужчина *не знал*, что лунные знаки воздействовали на него, если они и впрямь действовали.

Теперь я носила Хербу Свиндлеру полные странных символов карты от своей подруги. Не верящие «во все эти штучки-дрючки» детективы часто над ним подшучивали.

И полиция округа Кинг, и городская полиция Сизтла подключили экстрасенсов, однако ни одно из их «видений» мест захоронения тел не подтвердилось. Бесплодны оказались и поиски «маленького желтого коттеджа близ Иссакуа», и дома в Уоллингфорде, где обосновалась «секта адептов сексуального культа», и «огромного красного дома в Саут-Энд, залитого кровью». Тем не менее от граждан пользы было не больше, чем от ясновидящих. «Теда» видели и тут и там – и везде и нигде.

Если верить астрологической модели, следующее исчезновение должно было произойти в 19:25 вечера 4 августа 1974 года до 19:12 вечера 7 августа, когда Луна снова находилась в знаке Рыб.

Ничего не произошло.

На самом деле похищения в штате Вашингтон прекратились так же внезапно, как и начались. С одной стороны, все кончилось. С другой стороны, все это не кончится никогда.

Глава 11

Вспоминаю, как в августе 1974 года стояла в отделе убийств департамента полиции Сиэтла и глядела на длинную распечатку с ЭВМ, скотчем прикрепленную детективами к трехметровой высоты потолку офиса. Хвост ее волочился по полу. С пробелом в один интервал на ней были напечатаны сообщенные гражданами фамилии подозреваемых. Фамилии мужчин, которые, как полагали, могли быть таинственным «Тедом». Только на обнаружение и допрос каждого подозреваемого требовались *годы*, если хватит сотрудников – а их, разумеется, не хватало. Вероятно, во всей стране не существовало департамента полиции, укомплектованного таким большим количеством следователей, чтобы можно было тщательно разобрать этот удивительный список подозреваемых. В силах полицейских округа Кинг и Сиэтла было лишь отобрать и проверить самые правдоподобные.

Одно из сообщений, поступивших 10 августа, показалось детективам знакомым и злоеющим. Молодая женщина рассказала о встрече в Университетском районе в паре кварталов от места исчезновения Джорджанны Хокинс.

– Утром 26 июля в половину двенадцатого я шла неподалеку от перекрестка 16-й и 50-й Норд-Ист-стрит. И там был этот мужчина – ростом примерно 175 сантиметров, хорошо сложен, темно-русые волосы длиной до воротника, синие джинсы, но одна штанина обрезана, потому что вся нога до бедра была в гипсе. Он опирался на костыли и держал старомодного фасона портфель. Такой черный, сверху закругленный, с ручкой. И он постоянно его ронял, поднимал, а потом ронял снова.

Девушка сказала, что прошла мимо него, но оглянулась, когда услышала, что портфель снова упал.

– Он мне улыбнулся. Казалось, он ждал от меня помощи, и я почти решилась... но встретила с ним глазами, и взгляд у него был очень странный, и мне стало жутко. Я заторопилась прочь, пока не дошла до Авеню (Главная деловая улица Университетского района). Вид у него был очень респектабельный, а гипс чистый и новый, как будто его только что наложили.

Раньше она его никогда не встречала и больше никогда не встретит его снова.

Полицейские наряды из Уоллингфордского участка постоянно высматривали в Норд-Энде мужчин со сломанной рукой и полностью загипсованной ногой и нашли всего нескольких, и у тех, кого они остановили, травмы оказались настоящими.

Что-то беспокоило меня в последние две недели августа. Я все время разглядывала полицейский фоторобот «Теда» из парка штата Лейк Саммамиш, перечитывала описания внешности и «легкого британского или похожего на британский акцент». И я видела сходство с кем-то, кого я знала. Я вспомнила об этом и сказала себе, что и я захвачена истерией того долгого ужасного лета.

Я знала многих мужчин по имени Тед, в том числе двух детективов отдела убийств, однако единственный знакомый Тед, подходивший под описание, был Тед Банди. Его я не встречала или не разговаривала с ним уже восемь месяцев и знала лишь, что он уехал из Сиэтла. Но я знала, что в последний раз, когда я его видела, он жил в доме 4123 по 12-й Норд-Ист-авеню, в паре кварталов от стольких пропавших девушек.

Я чувствовала себя виноватой, что друг, которого я знаю три года, вообще пришел мне на ум. Вы не побежите в полицию называть имя хорошего друга, друга, казавшегося полной противоположностью разыскиваемому ими мужчине. Нет, этого не может быть. Это смешно. Банди никогда не обидит женщину. Он даже нетактичного замечания в ее адрес никогда себе не позволит. Человек, дело жизни которого помогать людям, – искоренять то самое сексуальное насилие, которым отмечены эти преступления, – не мог быть причастен, независимо от того, насколько он похож на составленный фоторобот.

На время я о нем забывала, но потом вдруг – обычно перед сном – перед глазами всплывало его лицо. Впоследствии я узнала, что не одинока: тем августом и других, знавших Теда Банди гораздо лучше меня, одолевали сомнения.

В конце концов я решила, что могу что-то предпринять, чтобы развеять сомнения. Сколько я знала Теда, у него вообще машины не было, тем более «Фольксвагена-жук». Убедись я, что машины нет и сейчас, я могла бы об этом забыть. Но если все это окажется не игрой моего воображения и Тед Банди как-то связан с пропавшими девушками, я обязана о нем сообщить.

Я решила позвонить детективу сиэтлского отдела убийств Дику Риду. Высокий, худощавый Рид был шутник, любитель розыгрышей, в отделе он проработал дольше семнадцати остальных детективов. Он стал моим близким другом. Я знала, что он без лишнего шума мог пробить Теда по базе данных Департамента транспортных средств.

Я позвонила ему и прерывающимся голосом начала:

– Не думаю, что это что-то значит, но меня это беспокоит. У меня есть хороший друг по имени Тед. Ему около двадцати семи, и он подходит под описание, и он жил рядом с университетом, но где он сейчас, я не знаю. Послушай, я думаю, что у него вообще нет машины, потому что я всегда его подвозила. И я не хочу, чтобы казалось, будто я его сдаю или еще что-нибудь в этом роде. Я просто хочу узнать, есть ли у него сейчас автомобиль. Ты можешь проверить?

– Конечно, – ответил он. – Как его зовут? Пробью по компьютеру. Если на его имя зарегистрирована машина, компьютер покажет.

– Его зовут Тед Банди. Б-а-н-д-и. Перезвони мне, хорошо?

Двадцать минут спустя телефон зазвонил. Это был Дик Рид.

– Теодор Роберт Банди, дом 4123 по 12-й Норд-Ист-авеню. Представляешь, у него бронзовый «Фольксваген-жук» 1968 года!

Я решила, что он меня дразнит.

– Ну, Рид, прекрати. У него и вправду есть машина? И какая машина?

– Энн, я серьезно. Сейчас машина зарегистрирована по данному адресу и это бронзовый «Жук». Я собираюсь выйти, объехать квартал и посмотреть, смогу ли я ее найти.

Рид перезвонил мне днем и сказал, что машина у дома 4123 по 12-й Норд-Ист-авеню не припаркована. Сказал, что доведет дело до конца:

– Съезжу в Олимпию, возьму его фотографию с водительского удостоверения и передам в окружную полицию.

– Но меня не обязательно упоминать как информатора?

– Без проблем. Все будет анонимно.

Рид добавил фотографию Теда Банди в огромную кучу двух тысяч других «Тедов», и на том все и закончилось.

Детективы округа Кинг физически не могли показать свидетелям из парка штата Лейк Саммамиш фотографии всех 2400 подозреваемых. Такое огромное количество лиц просто сбивало с толку. И на Теда Банди в то время ничего компрометирующего не было. Проверка по компьютеру не выявила ни одной зацепки.

И я о нем забыла. Не придавала особого значения тому факту, что у Теда «Фольксваген-жук». Марка распространенная, а больше ничего подозрительного я о нем не слышала.

Я не видела Теда с рождественской вечеринки в конце 1973 года. Пару раз пыталась пригласить его в плавучий офис, но ни разу не застала дома.

Работу в Республиканской партии Тед прервал, но большую часть 1973/1974 учебного года занимался в юридической школе Университета Пьюджет-Саунда в Такоме. С начала весны 1974 года он начал получать пособие по безработице, а на занятиях в университете появлялся редко. 10 апреля он бросил юридическую школу окончательно. Но секретариат Университета Юты вторично зачислил его в юридический колледж на предстоящий осенний семестр. В Университете Пьюджет-Саунда он даже не сдал последний экзамен, но не признался в этом сту-

дентам, с которыми ездил на занятия в одной машине. Когда они спросили его об оценке, он отделался отговоркой: «Уже и не помню».

Возможно, он считал, что Университет Пьюджет-Саунда не отвечает его стандартам и юридическая школа Юты сможет дать больше. В его заявлении было указано, что к осени он собирался жениться на уроженке Юты Мег Андерс. Внизу секретарь сделал приписку: «Очень хочет поступить в Университет Юты – женится до начала четверти. Рекомендую принять на учебу».

Одно из приложений Теда к заявлению небезынтересно как свидетельство его самоуверенности:

Полагаю, сейчас не время робеть – и я не намерен. Я слишком долго планировал юридическую карьеру, чтобы позволить самолюбию или неудовлетворительным результатам вступительного теста воспрепятствовать к тому, чтобы сделать все, что в моих силах, для представления аргументов в пользу поступления в юридический колледж. Поэтому я ответственно заявляю, что личное дело, которое вы открыли, это личное дело не просто «достойного студента», а личное дело человека достаточно упорного, чтобы проявить себя решительным, неутомимым студентом и специалистом-правоведом, и достаточно квалифицированным, чтобы преуспеть в своих начинаниях. Оценки за прошедшие два года, рекомендации и личные качества говорят в пользу Теда Банди, студента, труженика и исследователя, стремящегося стать юристом. Вступительный тест просто не способен все это показать.

С уважением,
Теодор Р. Банди.

Подпись Теда изобиловала росчерками и завитушками. К этому заявлению он прикрепил карточку с просьбой прочитать его прежде всех остальных бумаг.

Далеко не последним по значимости в досье Теда было рекомендательное письмо, написанное по его просьбе губернатором Дэном Эвансом:

Декану приемного отделения
юридической школы
Университета Юты,
Солт-Лейк-Сити, Юта, 84112

Уважаемый декан,

Пишу вам в поддержку заявления Теодора Роберта Банди на поступление в вашу юридическую школу. Тед выразил желание поступить в Университет Юты, и я с удовольствием поддерживаю его этим рекомендательным письмом.

Я познакомился с Тедом, когда его выбрали для работы в штабе моей предвыборной кампании 1972 года. Играя ключевую роль в разрешении конфликтов, исследованиях и определении стратегии, он продемонстрировал способность генерировать и продвигать собственные планы, эффективно отбирать и четко доносить важную информацию, а также проявлять устойчивость в непредсказуемых, а порой и критических ситуациях.

В итоге самообладание и благоразумие помогали ему добиться выполнения поставленных перед ним задач. Эти качества сделали его вклад в выработку стратегии и политику надежным и продуктивным.

Если политическая кампания не является для вас мерилom достойного студента-юриста, я не сомневаюсь, что вы, как и я, откроете для себя и другие способности и умения Теда. Взгляните на его академическую успеваемость за последние два года, на его активное участие в общественной жизни. Отметьте, какие связанные с правом должности он занимал по окончании обучения в университете. Не сомневаюсь, он способен и хочет связать жизнь с юридическим поприщем.

Настоятельно рекомендую принять Теда Банди в вашу юридическую школу. Вам достанется исключительный студент.

С уважением,
Даниэл Дж. Эванс.

Университет Юты хотел принять Теда в 1973 году. Он был желанным студентом, и в 1974 году его приняли, когда он оправился после «серьезной аварии», не позволившей ему поступить в юридическую школу годом ранее.

Университет Пьюджет-Саунда остался позади, впереди, в сентябре, ждала Юта. В мае Теда приняли на работу по составлению бюджета Департамента чрезвычайных ситуаций штата Вашингтон – множества военизированных подразделений, отвечающих за быстрое реагирование в случаях стихийных бедствий, лесных пожаров, нападения противника и даже эпидемии чумы, случись вдруг такая катастрофа. В 1974 году в стране был пик первой волны дефицита бензина. Распределение топлива тоже входило в компетенцию Департамента чрезвычайных ситуаций.

Тед работал пять дней в неделю с восьми до пяти, иногда оставался в штаб-квартире Департамента в Олимпии сверхурочно. Дорога до работы от дома Роджерсов занимала 60 миль, хотя время от времени он оставался у друзей в Олимпии или заезжал переночевать к семье в Такому.

Для Теда это была отличная временная работа перед переездом в Солт-Лейк-Сити. Он получал 772 доллара в месяц – меньше, чем у Росса Дэвиса и не так престижно, зато можно было заработать на учебу и увидеть изнутри бюрократическую машину штата.

Летом 1974 года новые соседи по дому Роджерсов встречали Теда настолько редко, что окрестили его «привидением». В основном замечали, что он приходит или уходит, порой видели, как он смотрит телевизор. Иногда он не появлялся в доме по несколько дней.

Коллеги по Департаменту относились к Теду неоднозначно. Кому-то он нравился, другие считали его бездельником: работал он неровно. Трудиться ночами над планами распределения топлива было ему непривычно, утром он часто приходил с приличным опозданием. Начальство о невыходе на работу он никогда не предупреждал, а просто являлся день спустя с рассказом о том, что приболел.

Тед записался в офисную команду по софтбоулу и ходил на организованные коллегами вечеринки. Он очень нравился Кэрол Энн Бун Андерсон, Элис Тиссен и Джо Маклин. Некоторые коллеги считали его мошенником, манипулятором, который только изображал, что горит на работе; результат же его деятельности был ничтожен.

По свидетельству Нила Миллера, администратора департамента, самым продолжительным отсутствием Теда на работе был период с 11 по 17 июля. На этот раз он *позвонил* и сказал, что заболел, но Миллер не смог вспомнить, чем именно. Теду полагалась оплата только одного из этих дней, деньги за другие три рабочих дня он потерял.

Над Тедом много подшучивали после двойного исчезновения на озере Саммамиш 14 июля и лавины пересудов о таинственном «Теде». В особенности его доставала Кэрол Энн Бунн, хотя они были большими друзьями, и Тед был с ней очень внимателен, когда она обсуждала вопрос о прекращении отношений с приятелем.

Глава поисково-спасательной группы штата Вашингтон тоже дразнил Теда, говоря, что тот выглядит точь-в-точь как разыскиваемый полицией «Тед».

Однако никто не принимал этого всерьез.

Глава 12

Всего нашлось четыре человека, прямо назвавшие следователям отдела убийств имя Теда Банди. Примерно в то же самое время, когда Дик Рид, по моей просьбе, проверял, нет ли у Теда «Фольксвагена», профессор Вашингтонского университета и женщина из Департамента чрезвычайных ситуаций в Олимпии позвонили в полицию округа Кинг и заявили, что Тед Банди подходит под описание мужчины, которого видели 14 июля на озере Саммамиш. Так же, как и я, все они отметили, что ни личность, ни поступки Теда не указывают на возможность причислить его к подозреваемым. Речь шла о наличии простого внешнего сходства и совпадении имени – «Тед».

Появившийся во многих газетах и в вечерних выпусках новостей фоторобот изучала и Мег Андерс. Она тоже отметила сходство, но, как и я, поначалу выбросила эту мысль из головы. Меня это смутно встревожило. Для Мег это могло означать конец ее мечты.

У Мег, кроме Теда, из близких людей была только одна подруга. Линн Бэнкс тоже выросла в Юте и переехала в Сиэтл почти одновременно с Мег. Линн не давала Мег забыть о фотороботе разыскиваемого полицией мужчины, хотя та изо всех сил пыталась выкинуть его из головы. Она подсунула ей газету и спросила:

– На кого он, по-твоему, похож? На нашего общего знакомого?

Мег отвела взгляд.

– Ведь правда, он очень на него похож? Очень похож...

Теда Линн недолюбливала. Она считала, что тот ведет себя с Мег высокомерно, хотя она вовсе этого не заслуживала. Более того, Линн ему не верила. Однажды она застигла его прокрадывшимся на задний двор своего дома, и никакого внятного объяснения он ей дать не смог. Теперь она хотела, чтобы Мег рассказала полиции, насколько велико сходство Теда Банди с фотороботом подозреваемого.

– Нет, – отрезала Мег. – Я не пойду. Не хочу больше об этом говорить.

Мег Андерс не желала поверить, что ее Тед мог быть тем разыскиваемым полицией «Тедом». Она продолжала его сильно любить, несмотря на перемены лета 1974 года. Она не прислушалась ко всем аргументам Линн. Даже думать об этом не хотела.

Мег все еще ничего не знала о его «помолвке» со Стефани Брукс прошлой зимой и не подозревала, насколько была близка к тому, чтобы его потерять. Переживала она из-за того, о чем ей было известно. Ей с Тедом предстояла физическая, если не эмоциональная разлука из-за расстояния между Сиэтлом и Солт-Лейк-Сити. Он планировал поехать в юридическую школу на День труда. Она хотела, чтобы получать юридическое образование он поехал в Юту, но опасалась долгой разлуки с ним. Конечно, они смогут видаться, но это будет не то.

Тед принялся собирать вещи, освобождая комнату, где прожил почти пять лет: висевшую над кроватью надувную лодку, неизменно удивлявшую приводимых им в дом девушек, подвешенные к потолку велосипедное колесо и мясницкий крюк, а также конспекты, книги и одежду. Для перевозки пожитков у него был старенький белый грузовой пикап, а «Фольксваген» можно было взять на буксир.

Тем летом Тед охладел к Мег сексуально, объясняя потерю интереса к сексу сильной загруженностью на работе и, как он выражался, «слишком сильным чувством неудовлетворенности». Мег эти слова обидели и привели в замешательство. Она была уверена, что для удовлетворения сексуального желания у него есть другие женщины.

Мег устроила Теду небольшую прощальную вечеринку в надежде, что после нее они займутся любовью. Но не вышло. Тед ограничился поцелуем.

Прощание получилось нерадостное. Мег решила, что, после того как Тед придет для продажи машины, чтобы вернуть Фреду Роджерс долг в пятьсот долларов, она ему заявит, что

хочет с ним порвать. Кажется, о свадьбе не могло быть и речи. Ее одолевали те же противоречивые чувства, что и Стефани в январе.

И все же она продолжала его любить. Она любила его уже очень давно.

В пикапе, с «Фольксвагеном» на буксире, Тед добрался до Солт-Лейк-Сити в уик-энд Дня труда. Той осенью о Тедке я вспомнила лишь однажды. Приводя в порядок старые бумаги, я увидела присланную Тедом два года назад рождественскую открытку. Внезапно меня поразили ее первые строки. У всех пропавших девушек, как особо подчеркивалось, были длинные красивые волосы. В открытке говорилось: «Она обрезала длинные волосы, чтобы купить возлюбленному карманные часы».

Нет, это проделка моего воображения. Открытка была самая обычная, Тед выбрал ее наобум: напечатанные в открытке слова о длинных волосах – простое совпадение.

Мое сообщение Дику Риду о Тедке последствий не возымело. Его не заподозрили, иначе мне сообщили бы. Я, видимо, опасалась зря. Я хотела было от открытки избавиться и все-таки передумала, засунув ее в стопку старых писем. Я сомневалась, что снова встречу Теда.

В начале августа того необыкновенно жаркого лета 1974 года дорожный рабочий в округе Кинг на параллельной автостраде дороге, в двух милях восточнее парка Лейк Саммамиш, решил сделать перерыв на обед. Он развернул сэндвич, но аппетит у него сразу пропал – в ноздри ему ударил резкий запах разложения. В поисках его источника он оглядел заросли придорожных кустов и увидел нечто, принятое им за брошенную браконьером оленью тушу.

Он вернулся в грузовик и переехал на другое место. И быстро забыл об этом случае, пока 8 сентября не развернул газету.

Теперь остается только гадать, помогло бы детективам, сообщи тот дорожный рабочий своевременно. Возможно, это было бы важно для расследования, поскольку то, что показалось свидетелю оленьей тушей, а было человеческим телом, уже превратилось в кости, когда на них наткнулись охотники на глухарей месяц спустя.

Элзи Хэммонс, строитель из Сиэтла, 6 сентября обнаружил разбросанные останки: нижнюю челюсть, грудную клетку и позвоночник.

В конце концов, как это ни трагично, первые веские доказательства одного из восьми похищений обнаружили восемь месяцев спустя после исчезновения Линды Хили. Хэммонс инстинктивно понял, что нашел, и помчался в Иссаку искать телефон.

Детективы и полицейские округа Кинг тотчас отреагировали и оцепили местность. Журналистов к месту находки не допустили: операторы пытались заснять хоть что-то для показа в вечерних новостях. Общественность требовала подробностей, но обнародовали лишь малую толику информации.

Одетые в комбинезоны капитан Ник Макки, сержант Лен Рэндалл и шестеро детективов часто выходили через ограждения с останками, найденными в кустах в более чем тридцати разных местах. Работа продолжалась четверо суток, в том числе ночью, при свете мощных прожекторов, от которых было светло, как днем.

Койоты постарались на славу. В итоге детективы, двести скаутов, добровольцы с собаками в буквальном смысле перерыли каждый куст в радиусе мили, но больше ничего не нашли. Стоявшая в июле и августе невыносимая жара ускорила разложение, а довершили дело хищники, уничтожив мягкие ткани до самых костей.

Обнаружили восемь пучков волос – некоторые длинные и сочного темно-русого цвета, некоторые – светло-рыжего. Всего нашли один череп, грудную клетку, позвоночник, нижнюю челюсть от другого черепа, многочисленные мелкие кости и пять бедренных костей.

Ни одежды, ни украшений, ни частей велосипеда, ни рюкзака не было. Были найдены брошенные кое-как трупы, без каких-либо принадлежавших пропавшим девушкам вещей.

Теперь предстояла нелегкая задача по идентификации останков. Антрополог из Вашингтонского университета доктор Дэрис Свиндлер изучил бедренные кости. Данные стоматологических карт всех пропавших женщин сравнили с черепом и нижней челюстью. Взятые с расчесок девушек образцы волос сопоставили с найденными под Иссакуа прядями.

Капитан Ник Макки созвал пресс-конференцию: темные круги под глазами и усталый голос без слов говорили, как ему непросто.

– Худшие наши опасения подтвердились, – заявил он. – Мы идентифицировали останки Дженис Отт и Дэнис Насланд. Их обнаружили примерно в паре миль от парка Лейк Саммамиш, откуда они пропали 14 июля.

Он не упомянул о других находках – бедренных костях, которые доктор Свиндлер считал принадлежащими еще одному или даже двум телам. Если там были еще черепа, лежащие среди ольхового подлеска и папоротников, то они исчезли, унесенные зверями.

Кто были еще две девушки?

Сказать было невозможно. Невозможно было даже определить половую принадлежность оставшихся костей. Все, что мог сказать доктор Свиндлер: кости принадлежали людям до тридцати лет и ростом 155–170 сантиметров.

Поиск костей на склоне холма осложнялся тем, что склон был изрыт заброшенными после приостановки добычи в 1949 году угольными шахтами и штольнями. Многие из них были затоплены и находились в аварийном состоянии, об их исследовании говорить не приходилось. Обыскивали шахты близ вершины холма, но следователи ничего не нашли.

По Дэнис и Дженис провели панихиды. Поиски убийцы продолжились.

В предгорьях Каскадных гор зима наступает рано и к концу октября уже все бывает покрыто снегом. Даже если земля таила еще какие-то секреты, до весны искать было бесполезно.

Тем временем опергруппа детективов из Департамента полиции Сиэтла и Департамента полиции округа Кинг устроила штаб-квартиру в секретном помещении без окон между первым и вторым этажом здания окружного суда. Все стены комнаты были увешаны картами озера Саммамиш и Университетского района, фотографиями пропавших девушек и фотороботами «Теда». Безостановочно принимались телефонные звонки с сообщением тысяч имен и подсказок. Где-то среди этого потока информации может быть та зацепка, что приведет к настоящему «Теду». Но где?

Капитан Ник Макки взял двухдневный отпуск и отправился на охоту. Когда он взобрался на холм на востоке штата Вашингтон, его сразил сердечный приступ – первый из числа тех, что в итоге положили конец его карьере в правоохранительных органах. Несомненно, его сердце не выдержало горя из-за исчезновения девушек и общего напряжения ежедневной десятичасовой работы. Ему было всего сорок два года.

Несколько недель спустя Макки оправился от удара, вернулся к работе и продолжил поиски улыбчивого загорелого мужчины в теннисном костюме.

В Сиэтл Тед Банди вернулся в середине сентября, а уже через пару дней снова был в Юте, готовый приступить к занятиям в юридической школе. В Солт-Лейк-Сити он остановился в большом старинном доме по адресу Первая авеню, дом 565, очень похожем на дом Роджерсов. Поселился он в комнате номер два, вскоре обставил ее по своему вкусу и устроился работать ночным вахтером в общежитие на территории кампуса. Так началась его новая жизнь. Концы с концами он сводил, получив скидку с арендной платы за работы по дому, где он снимал комнату, а в общежитии ему платили два доллара десять центов в час. Вскоре он устроился на лучшую оплачиваемую работу в службу охраны кампуса Университета Юты.

Мег он звонил часто, но в Юте познакомился с множеством новых женщин. Среди них – Калли Фиоре, милая, кокетливая, веснушчатая девушка, жившая в доме на Первой авеню.

Другой красавицей была Шерон Ауэр, студентка юридического факультета, жившая в Баунтифуле, севернее Солт-Лейк-Сити. Много позже, когда мы снова встретились с Тедом, к тому времени уже самым перспективным подозреваемым в делах об исчезновениях и убийствах, он спросил меня:

– Зачем мне нападать на женщин? Я получал любую женщину, какую хотел. Я переспал минимум с дюжиной женщин в тот первый год в Юте, и все они легли со мной в постель добровольно.

В этом я не сомневалась. Женщинам Тед Банди всегда нравился. Зачем ему принуждать кого-то из них силой?

Осенью 1974 года я о криминальной обстановке в Юте ничего не ведала. Штат находился за сотни миль от моего Северо-Запада, откуда я получала дела. И тут я узнала, что мне нужна серьезная операция: плановая, но не терпящая отлагательств. То есть как минимум месяц я не смогу работать. Мне не оставалось ничего другого, кроме как засесть и писать в два раза больше рассказов в счет предстоящего месяца.

Появись у меня желание, возможность и время изучить криминальные сводки той осени из района Солт-Лейк-Сити, я бы прочла о делах, имевших зловещее сходство с теми, что вроде бы прекратились в Вашингтоне. Но страх, кажется, кончился. К октябрю с последнего исчезновения прошло три месяца, и ни одной молодой девушки больше не пропало. Однако следователи сомневались, что убийца поборол одолевавших его демонов. Скорее всего, он был мертв, арестован или просто переехал.

Глава 12

В пятницу 18 октября 1974 года семнадцатилетняя Мелисса Смит, дочь начальника полиции Мидвейла, Луиса Смита, собиралась на вечеринку. Невысокая, ростом 160 сантиметров и весом 47 килограммов, очень привлекательная девушка, с длинными светло-русыми волосами и пробором посередине. Она вела себя осторожно – не в последнюю очередь из-за профессии отца, не устававшего ее предостерегать. Слишком много на своем веку Луис Смит повидал насилия и трагедий, чтобы не переживать за своих дочерей.

Мелисса планировала пойти на вечеринку в дом подруги и остаться у нее на ночь. Она еще была дома, когда ей позвонила другая подруга, расстроенная размолвкой с парнем. Звонила она с работы из пиццерии. Мелисса пообещала к ней зайти. Из дома Мелисса, в синих джинсах, блузке в синий цветочек и темно-синей рубашке, вышла одна.

Мидвейл – тихий мормонский городок с населением в пять тысяч жителей, расположенный южнее Солт-Лейк-Сити. Отличное место, чтобы растить детей. Поэтому у Мелиссы, несмотря на все предостережения, не было причин для беспокойства.

Кратчайший путь до пиццерии шел по грунтовой дороге через насыпь, далее под автомобильной эстакадой и железнодорожным мостом, а потом через школьное футбольное поле. Мелисса дошла до пиццерии и утешала подругу до десяти вечера. Домой она собиралась вернуться, чтобы забрать одежду для ночевки и пойти на вечеринку. Вернуться она должна была той же самой короткой дорогой, что пришла пару часов назад.

Однако до дома Мелисса так и не добралась. После того как она вышла с освещенной автостоянки, ее никто не видел. Девять дней спустя ее тело, выброшенное убийцей, обнаружили во многих милях к востоку от Солт-Лейк-Сити близ Саммит-Парк в Уосатч-Маунтин¹⁵.

Патологоанатом Серж Мур провел вскрытие найденного в горах со следами жестоких избиений, скорее всего, ломом, обнаженного тела. Переломы костей черепа слева и сзади и обильные субдуральные кровоизлияния. Все тело было в синяках.

И еще ее задушили. Шею настолько сильно стянули ее же темно-синим чулком, что сломали подъязычную кость. Также Мелисса была изнасилована вагинально и анально.

Шериф Делмар «Швед» Ларсон из округа Солт-Лейк-Сити и капитан Н. Д. «Пит» Хейворд, долгое время проработавший детективом и теперь возглавлявший отдел убийств, поручили расследование убийства Мелиссы Смит детективу Джерри Томпсону.

Дело было трудное. После того как Мелисса скрылась во мраке ночи, никто ее больше не видел. Никто не видел никого рядом или поблизости с ней. Тело нашли лишь девять дней спустя. Убийца мог быть уже на другом краю света. Из вещественных доказательств, кроме тела девушки, ничего не было. Крови возле нее было настолько мало, что убили ее, скорее всего, в другом месте. Но где? Никаких подвижек в расследовании четыре дня спустя после обнаружения тела, на Хэллоуин, не появилось. 31 октября в городе Лихай, примерно в 25 милях к югу, семнадцатилетняя Лора Эйм, недовольная скукой в ночь Хэллоуина, вышла из кафе и направилась в ближайший парк. Было чуть за полночь.

Ростом Лора Эйм была почти 180 сантиметров, но весила всего 52 килограмма. Поэтому ее можно было назвать скорее не стройной, а худой. Она бросила школу и вместе с друзьями переехала в Американ-Форк, штат Юта, сменив несколько низкооплачиваемых работ. Но почти каждый день звонила оставшейся в Салеме семье.

Когда Лора исчезла в ночь на Хэллоуин, ее родители даже не знали о ее пропаже. Не знали они об этом еще четыре дня, пока не позвонили ее друзьям, чтобы спросить, почему она не выходит на связь.

¹⁵ Один из 43 парков штата Юты, расположенный в долине Хебер в округе Уосатч.

– Лоры здесь нет, – был ответ. – Мы ее не видели с ночи Хэллоуина.

Родители испугались. Когда газеты написали об убийстве Мелиссы Смит, мать предупредила Лору, чтобы та была осторожна и перестала ездить автостопом, но Лора заявила, что способна за себя постоять.

А теперь Лора сама пропала. Хорошенькая длинноволосая девушка, в вечном поиске приключений, вышла в ночь в одних лишь синих джинсах и полосатом свитере без рукавов.

Будь это обычная холодная зима, место, где нашли Лору Эйм, давно покрыло бы снежное одеяло. Но День благодарения выдался теплый, и 27 ноября туристы отправились в каньон Американ-Форк. Они нашли ее тело в горах Уосатч на берегу реки ниже парковки. Она была без одежды, избитая так, что лицо стало неузнаваемым. Отец в тот же день опознал ее тело в морге – узнал старые шрамы на предплечье, оставшиеся после того, как в одиннадцатилетнем возрасте лошадь сбросила Лору на ограду из колючей проволоки.

Результаты проведенного доктором Муром вскрытия тела Лоры Эйм были сходны с аутопсией Мелиссы Смит: переломы костей черепа слева и сзади, а также удушение. Бывшее на ней в ночь исчезновения ожерелье застряло в крепко затянутых на шее нейлоновых колготках. На лице множество синяков, на теле глубокие царапины от волочения. Орудием убийства предположительно послужил лом или гвоздодер.

Лора Эйм также была изнасилована. Мазки из влагалища и ануса показали наличие спермы, но разложение не позволило установить группу крови убийцы.

В крови убитой не нашли следов наркотиков, только алкоголя. Показатель был не выше разрешенного законом одного промилле, то есть она могла защищаться, кричать или пытаться бежать.

Только в ночь Хэллоуина ее крик могли не заметить. Если Лора Эйм и звала на помощь, никто ее не услышал.

Мег Андерс, сиэтлская сожительница Теда Банди, и ее подруга Линн Бэнкс выросли в Огдене, штат Юта. Осенью 1974 года Линн поехала навестить родителей. Дома она прочла об убийствах двух девушек, посмотрела на их фотографии и заметила внешнее сходство с жертвами из штата Вашингтон. По возвращении в Сиэтл она поделилась подозрениями с Мег.

Мег просмотрела привезенные Линн газетные вырезки и облегченно вздохнула, прочтя, что Мелисса Смит пропала вечером 18 октября.

– Вот видишь? 18 октября. В тот вечер я разговаривала с Тедом по телефону около одиннадцати часов вечера. Он собирался на следующий день на охоту с моим отцом и был в прекрасном расположении духа.

Маленькая Линн – ростом ниже 150 сантиметров – была гораздо упорнее, чем можно было подумать, глядя на ее миниатюрную фигурку, и на сей раз испугалась настолько, чтобы настоять на своем.

– Ты обязана обратиться в полицию! Ты знаешь, что мы обе видим слишком много совпадений. Дальше молчать нельзя.

Той осенью Мег Андерс связалась с полицией округа Кинг.

Мег Андерс стала пятой, назвавшей имя Теда Банди в ряду тысячи поступавших сообщений. Первой была я, но и в моем, и во всех остальных случаях информацию оставили без должного внимания. Впервые позвонив детективам, Мег не поделилась большей частью своих страхов.

Ведь звонила она по настоянию Линн, настраивавшей Мег против ее парня. Враждебность Линн к Теду положила конец их дружбе с Мег. Сам Тед ничего не знал о доносе Мег.

К вечеру пятницы 8 ноября 1974 года было найдено тело Мелиссы Смит, а Лора Эйм еще числилась пропавшей. В тот день в Солт-Лейк-Сити шел дождь, грозящий перейти в ливень. Дожливый вечер не лучшее время для покупок, тем не менее восемнадцатилетняя Кэрол

Даронч все же решила поехать в торговый центр «Фэшен Плейс» в Мюррее. Примерно полседьмого вечера она выехала из дома на своем новом «Камаро».

Кэрол окончила школу весной 1974 года и устроилась на работу в телефонную компанию «Маунтин Белл». Жила с родителями. В торговый центр девушка ездила часто и без опасений, машину оставляла на парковке. Кэрол собиралась сделать покупки в «Ауэрбахс» и просто прогуляться по торговому центру.

По пути Кэрол встретила кузин, немного с ними поболтала, сделала покупки в «Ауэрбахс»; когда она зашла полистать книги в книжный магазин Уолдена, к ней подошел симпатичный молодой человек. Одет он был прилично: спортивная куртка, зеленые брюки и ботинки из темно-бродовой лакированной кожи. У него были волнистые каштановые волосы и усы.

Он спросил, не ее ли машина стоит на парковке у магазина «Сирс», и она кивнула. Потом он спросил номер ее машины. Она назвала. И номер показался ему знакомым. Он рассказал, что продавец заметил, как кто-то пытался взломать ее машину при помощи проволоочной вешалки.

– Не могли бы вы пройти со мной и проверить, не украли ли что-нибудь?

Она была застигнута врасплох. Ей не пришло в голову поинтересоваться, как уса́тый мужчина ее нашел и откуда он мог знать, что «Камаро» принадлежит ей. Вел он себя так, что она решила – он охранник или полицейский. Она послушно прошла за ним по центральному освещенному проходу торгового центра и вышла в дождливую ночь. Когда они шли по парковке, она слегка насторожилась, но у этого мужчины, казалось, все было под контролем: он объяснил, что его напарник, скорее всего, уже арестовал взломщика.

– Увидев его, вы, возможно, сможете его опознать, – просто сказал он.

Она попросила его предъявить удостоверение, на что он просто усмехнулся. Кэрол Даронч приучили доверять офицерам полиции, и, задавая мужчине вопросы, она чувствовала себя глупо. Открыв машину, она оглядела салон и сказала:

– Все на месте. Ничего не пропало. Думаю, ему не удалось проникнуть внутрь.

Мужчина попросил ее открыть еще и пассажирскую дверь, но она воспротивилась. Ничего не пропало, и необходимости в этом она не видела. Однако, к ее удивлению, мужчина все равно дернул за ручку, потом пожал плечами и повел ее обратно в торговый центр, сказав, что ему надо переговорить с напарником.

Оглядевшись, он произнес:

– Видимо, они вернулись в наш участок. Встретимся с ними там, и вы опознаете грабителя.

– Откуда я могу его знать? – возразила она. – Меня тут и близко не было. Я была в магазине.

Мужчина проигнорировал ее возражения, быстро ведя ее мимо множества магазинов во тьму северной парковки. Она, все сильнее тревожась, спросила, как его зовут. У нее ведь ничего не пропало и имелись другие дела, кроме как мотаться хвостом за этим мужчиной.

– Полицейский Роузленд. Департамент полиции Мюррея, – коротко ответил он. – Мы почти пришли.

Они подошли к двери с номером 139. Он постучал, но ответа не последовало. Он подергал за ручку, пытаясь открыть дверь, но та была заперта. (Это была задняя дверь прачечной, а не полицейского участка. Но Кэрол об этом не знала.)

Теперь мужчина хотел, чтобы она поехала с ним в главное управление составить заявление. Сказал, что отвезет ее на своей машине. Она ожидала увидеть патрульную машину, а вместо нее он подвел Кэрол к «Фольксвагену-жук». Она слышала о неслужебных и даже «законспирированных» автомобилях, но эта машина никак не тянула на полицейскую. Она потребовала у него предъявить документы.

Глядя на нее, как на истеричку, мужчина махнул перед ней бумажником – она успела заметить лишь блеск маленького золотого значка. Он так быстро убрал его в карман, что она не разглядела ни названия департамента, ни даже личного номера.

Он открыл пассажирскую дверь, дожидаясь, когда Кэрол сядет. Она попыталась воспротивиться, но мужчина был настойчив и нетерпелив, и она забралась внутрь. Когда все двери захлопнулись, Кэрол почувствовала исходящий от мужчины запах алкоголя. Неужели полицейским разрешено пить на работе? Он попросил ее пристегнуть ремень, но она отказалась. Она колебалась, почти готовая выскочить из машины, но та тронулась, набирая скорость.

Водитель не поехал в департамент полиции Мюррея. Наоборот – ехал в противоположную сторону. Она смотрела на проносящиеся мимо машины и думала закричать или попытаться выпрыгнуть, но они ехали слишком быстро и на них вообще никто, кажется, не обращал внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.